

Виктория Соловьёва
Кажешься птицей

Виктория Соловьёва

Кажешься птицей

Избранное

Составление – Ирина Архипова

Дизайн – Виталий Музуров,

Ирина Архипова

Фотография на обложке –

Виктория Соловьёва

В сборник вошли стихотворные и прозаические произведения Виктории Соловьёвой, опубликованные на сайте «Литгалактика»

Литгалактика, 2024

Совсем не холодно...

Совсем не холодно, побудь хоть облаком,
наполненная льдом горячих смут.
Уснула облаком, летишь над городом –
дощатым, старым, с крышами в дыму.

Твой «Зингер» не строчит, а тихо молится,
мотор жужжит – рассвет лучами сшит.
Вдруг из-под лапки вырвалась околица,
седьмая Воскресенская спешит.

Тебе ещё полмира сотворения.
Деревья обшивать – листок к листку,
на склонах поднимать цветы весенние,
и вышивкой пройтись по роснику.

Прозрачная, наивная, мережкой
В травинах – паутинка в три ряда,
А кажется, снежинка тут замешкалась,
Растаяла – прозрачна и чиста...

Время сновидений. Улуру

Долго смотри... и гора станет розовой чайкой.
Не грузным слоном, упавшим под тяжестью солнца –
чайкой, что помнит, как море закисло болотцем,
крикнет, обронит перо над пустыней печальной.
Ветер поднимет, покажет девчонке... Скучала?!

В розовом пухе запястья, браслетами: дзынь... и
капли с ладоней её, словно море из чаши –
в празднике зрелости – танец «Спасающей чайки*».
Выбит рисунок под сводом, движенья простые –
уголь въедается в контуры чайки пустыни.

Спит Улуру**, но подарки найдут божества. Да,
всё возвращается... Свет розовеет под утро,
слышится море в дыхании ветрено, смутно...
Кажется, духи небесные были всегда,
слышишь, как в космах поёт дождевая вода...

4

В поисках пищи найдётся батат сахаристый...
Семя акаций звенит, метит бабочка листик,
годы сплетают напевы и стрёкот саванны.
Если присмотришься, посох, перо, бумеранг –
всё, что окажется нужным для праведной жизни.

Духи Австралии.
Голос природы.
Диджериду.

** Аборигены считают, что когда-то давно их спасла птица, которая своим криком предупредила людей о надвигающейся опасности. Танец посвящён этому событию.*

*** Улуру – священная гора аборигенов Anangu, Австралия*

Закатное

Медовый жёлто-огненный оттенок
Дороги, ускользящей в низину,
Бежит от бронзовеющих полей,
А группка почерневших тополей,
Смотрящих в небо – подражая клину,
Пытается взлететь с опасным креном.
И горизонт, как первая лыжня –
То пропадает, то косицей вьётся...
А где-то в Амстердаме светит солнце
Большое – не закроет пятерня...
Как масло томно капает с блина –
Течёт закат слегка загустевая
В рябиновой начинке сентября.
И выпито вино, верней – вина,
Под колокол святого Грустевая.
Уходит солнце красное, спеша...
Я не держу, я – хлебная душа.
Сижу, рогалик лунный обнимая.

Блокнот

Осталась только Таня –
У смерти свой учёт.
И в Танином блокноте
Плечо теснит плечо.
Скрипит строка шестая.
Душа не держит плоти.
И только ком в гортани.
Ни звука... Ничего...
Все, шестеро по квоте,
В блокадный первый год
Ушли, как снег подталый.
Шёл мор... Так безысходен –
Листая дни, листая –
Все девятьсот, как сон.
В музее шаг стихает.
Стою блокнот читая:
Семья – наперечёт.
Могло бы быть иначе?
Ах, сердце-родничок,
От слов: осталась Таня
одна. Нутро заплачет
И чёрный карандаш
С бумаги потечёт...

Белая лебедь

Девочка бледная, синих кровей –
пенная юбочка камерной пери,
белые вязки, как строки в строфе,
да белоснежные перья.

Стылые пальцы – послушницы нот...
в яме оркестр – перекличками в теме.
Пусть бархат ярусов чуть подождёт,
сколько же глаз тут, в партере...

Пахнет ванилью лунный цветок,
хоть добавляй в облака на рассвете.
Кажешься птицей...
Темнеет восток.
Мраморно-белая лебедь.

Пробуй свободу – расслаблена кисть,
ввысь полетела, не чувствуя ветер.

7

И надломилась, борись-не борись –
крыльев последний трепет.

Вечны,
мгновенны
и шум, и блеск...
Лунные тени сцены.

Назову твоим именем...

У букета названия нет, но
В этой кипени что-то от воли...
Назову твоим именем поле,
Назову своим именем – лето.

Где ты, Лето – летит в разговоре.
Поле! Боже, прости сумасбродку!
Назову твоим именем лодку,
Назову своим именем – море.

Небо гладит рукою рогожку,
Рожью пахнут лучины из стога.
Назову твоим именем – Бога,
А своим – мир, размером с ладошку...

Твой букет стал короной с улиткой,
Испеклась золотая картошка...
Я тебя называю хорошим,
Ты меня называешь – улыбкой.

Соседка

Привязалась, как смерть к чахоточной,
навязалась слепая, на душу.
Без тебя жила припеваючи,
ах, ты душу твою же в бабушку...
Подожди, эй ты там, на лодочной,
не дави на педаль уключин.

На кого я оставлю пегую,
что мурлычет у сердца звонко.
Надо вызвать, наверно, скорую,
чую, рвется, где очень тонко.
Вон, соседка от мужа бегала,
а теперь каждый пост соборует.

Попрошу у неё прощения,
ведь плевалась в худую спину.
Может кошку пригреет...Верно ведь!
...и закроет за мной квартиру.
Где бы взять мне её смирение...
Мурка, что там, в окошке, ветрено?

Надо дверь прижать табуреткой...
Вёсла. Капли стекают времени

Ливень тихо бормочет...

Ливень тихо бормочет,
словно в телике Вести.
Громыхнёт – перекрестит
окна – вяло, разочек...
Батя снова приложит
губы к сальной бутылке,
и читает, напившись,
чистоглазого Рильке.

Даже в профиль – похоже.

Это осень выиграла –
слёзы сохнут повсюду...
Вилка молнией к блюду –
ловит лодочку сала.
А в глазах-недомогах,
не тоска, а тоскище.
Этой осенью нищей
что-то выпало много
и дождей, и проклятий –
вот и тянет на строчки.
Боль расставит все точки...

Жизнь из точек, да, батя?

Номер семь

В глазах синева, боже мой...
Бродила полночи в сети,
кормила подбитых жар-птиц.
Сейчас бы с ума не сойти,
чужою не стать бы слезой.

Но полно, пусть выспится Бог,
побыв в этом мире шальном,
предутренним сладостным сном –
пускай вспоминает потом,
Как мысль помещается в слог.

А я синекрылой за ним,
Планирую точно на свет,
где розовый чайный след.
Рассвет – золотистый вельвет
обнимет невидимый клин.

11

И город распустится весь.
В промывинах ночи – светло...
Звенят башмаки над мостом
В шесть ровно разбудит фантом –
Троллейбус под номером семь.

И ты поцелуешь висок...

Кисловодску

Ах, косточка сливы – шершавая завязь,
Краями застряла в глубоком ущелье.
Нарзаном питаюсь и в камни вгрызаясь,
Тенистым каскадом дерев распускалась,
И Солнце звала на своё новоселье.

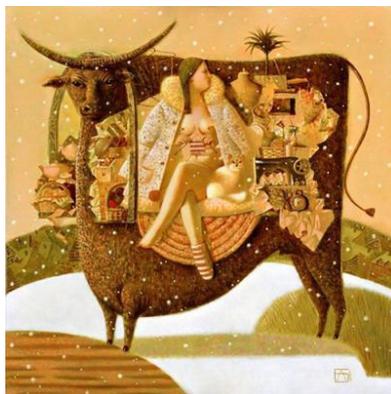
Летят ароматы в подушечках неба –
То косточкой сливы, то мёдом в исходе...
Становится вкусом знакомым и хлебным –
Божественно пахнут все горные ветры,
И тихо под вечер сырами забродят.

А утро разбудит домишечки-сони,
Захлопают ставни – приветствия келий.
Волной перекатов глухих – в вечном зове
Сплетаются реки среди облаков и...
И вяжутся в банты – узлами мгновений.

12

Найду на ступенях заветную ямку,
Испробую воздуха пьяную сыть,
С руки накормлю голубую зарянку,
На дальней куртине сорву толокнянку,
И вспомню, что значит любить...

Золотой вол

Художник Анна Березовская

Только радуга синего, хаки, стального –
ты – как будто бы небо... и всё остальное.
А во мне – жёлтый, красный и Бог ещё знает...
Я – свеча и твоя голубиная стая.
Я сегодня твоя – белокрыла, вольна,
пожди, соберу золотого вола.
Надо взять для счастливых своих вечеров:
спицы, нитки, корзинку цветных лоскутков,
бахрому и морковного цвета пушок,
Не забыть бы с геранью волшебный горшок.
Будет чайник пузатый и блюдца с каёмкой –
пригодятся...будильник, салфетка, клеёнка...
Я поставлю на солнышко юкку, а рядом
будет кошка со мною и мышка, и прялка.
Обернусь, посмотрю на крыльцо, на свой дом
и расплатится вол – станет чёрным волом.
Вот упрямец, ну что ты такое творишь?
Я хочу в этот город, а ты всё мычишь!
Ну, пошли, видишь, скоро начнётся заря.
Я шептала на ухо ему: «Трын трава...»
Он ответил: «Другой мне шептал про тебя.
Этот быстро разлюбит, так вам суждено,
оставайся...» Но бросила взгляд на село,
и пошла за любовью, почти что гольём.
И пока они шли по дороге вдвоём
белый ангел любви рассыпал серебро.

Бубенцы

Кошелёк кладу в сапог,
Так надёжней, братцы!
Под онучевый виток –
Чтобы не добраться!

Пусть на ярмарке шуты
Голосят надрывно,
Не зевайте, лопухи, –
Все карманы видно!

Колокольцы-бубенцы –
Все из чистой бронзы!
Не скупись ты, Буба, Циле
Покупая розы.

Дай немного серебра –
Выберет румяна.
Не прогонишь гуслира –
Губочки багряны!

14

Ай, да Циля – лучше всех,
Сердце подпевает...
Колокольный протрезвев
Поит попрошаек.

День удался, по всему
Видно околотку.
Вот и я себе к зиме
Выправил обновку.

К душегрее – будет мех
(Только между нами)
Цилю жду к себе в четверг
На обед с блинами!

Подснежники

Художник Анна Березовская

Струится не снег – отдыхают от зим домотканины,
а ты наступить побоишься... ботинки в снегу.
Под юбками – лето, чернеют сквозные проталины,
подснежники лезут в корзинку ...как есть на духу!

Шажок – разбегаются в стороны пухлые кролики.
Белеют хвосты, нос и уши из снега торчат,
как страшно одной... повернула с проложенной просеки
и кажется, рядом не видно знакомых бельчат.

Легко заблудилась... У елки не спросишь о яблонях,
у волка не спросишь про дом и горячий котёл.
Осины и те, словно девы от счастья пьяныя,
Кивают кто в гору, кто пальцами тыкает в дол...

Достану ключи ...и булавку – от сглаза от порчи ли,
часы нарисую и вычерчу угол на них.
Булавку пристрою на юбку, и брошу клубочек,
спаси, добрый лешик, от всяких лесных заманих...

Последнюю корку пристрою на ветку, на вечерю
для мелких пичуг, не для хитрых прожжённых ворон.
Корзинка полна, поспешить бы... на листике печево.
И гости спешат, колокольчиков слышится звон.

Осень, грусть...

Пусть будут переменны мысли, пусть...
Пускай одна про маму – постоянна.
Стареет роза из кусков сафьяна –
так переменен статус: Осень, грусть...
Здесь дождь, и сырость, и немытость рам,
И клёны, что так рано запылали,
что ты молчишь, заговоришь едва ли...
Все мысли некрасивые, как шрам.
Кошмар, когда качается причал...
Так что там с переменной в нашем доме,
и кто теперь находится в неволе,
и почему так хочется кричать...
Квадратных метров стало вроде в плюс.
Сменились номера родных контактов...
А я учусь в японской школе такту
и нежности у сакуры учусь.
Я устаю от мысленных измен,
одно здесь остаётся постоянным –
беру смартфон и набираю маму:
«Всё хорошо, мамуль, без перемен...»

Тени

Что-то случилось? Просто стали другими.
Молча уходим, молча стираем имя.
Не замечаем ни сентяблей, ни мартов.
Что-то случилось... не повернуть обратно.

Как бы не ждали вёсен, падаем в зимы.
Свечи текут и тени невыносимы.
Вновь намело у двери сугробов кочки.
Дни так же серы, как незрелые ночи.

Тает по капле время, уходят страсти –
Это зима по кругу, как снова «здравствуй».
Со стрекозиным взглядом, не я с открытки –
Девочка – ножки, точно две паутинки.

Не разглядеть... и в чём там душа держалась –
серая шейка, взглянешь и только жалость.
Тени глумятся, тени проходят мимо...
Ты умираешь сильной невыносимо.

А во первом во дворе...

Художник Анна Березовская

А во первом во дворе-то – горлица живёт, вот!
Во втором дворе смотрины – ложек пересчёт,
А во третьем, что ни день, то вечно суматоха...
То река ушла, то лодка старая рассохлась,
Урожай созрел – и вишни лезут прямо в ротик.
Днём кузнечик кузнечиху тихо хороводит.

18

Вечный плющ тенёк латает и дрожит немного
И в ладонях распускает солнце-златорого!
У колодца дети спорят: солнце или лещик?
А поднимут, глянут: ой, да – только льдинка блещет.
Детвору мороз раздражит холодом в колодце,
Рассмеётся-отольётся – солнце-колокольце...

А во первом во дворе-то дитятку качают...
Во втором дворе – помолвку сеют-намечают.
А во третьем во дворе – что? Стол стоит кондовый –
Ждут-пождут толчёнку с маслом – ложками стрекочут,
Семь сыночков ненаглядных, пять прелестных дочек.
И вишнёвый цвет пылищи видит пёс дворовый.

Шелудивая весна

Шелудивая весна
теребит чешуйки почек,
жжёт прогалин многоочья,
разрывает небеса.

Левитации сезон...
Лёт заметней у влюблённых.
Сок у сахарного клёна,
шлёт венчальный перезвон.

«Зяки-зяки-хрум» – скворец –
всем известный пересмешник,
будто щёлкает орешки
и смакует леденец.

Каждый строит парадиз...
Непослушный горный ветер
шайки носит на рассвете
не пролив ни капли вниз.

Тополиный пух

В городе слепнут трамваи и фонари,
сном покрываются крыши и тротуары.
Это период рожденья новых аллей.
Сколько их будет, считают лишь звонари,
дворники, да неприкаянные клошары.
Бабушка Домна всё вяжет внуку носки,
этим она занята, наверное, вечность.
Пух тополиный вплетает: будет теплей –
сухо, легко и покойно внуку носить.
Рядом соседка по лавке, тоже никчемность –
на облупившейся лавке ищет слова.
Нет, не находит, но гладит лавку ладонью...
Ветер катает кусочки летних сугробов.
Бабушка Домна в очках – слепая сова,
прясть будет тонкие нити круговоротов.

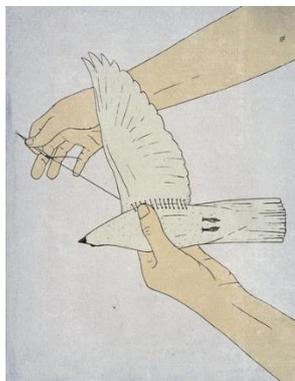
Пух собирает и называет вигонью...

Без тебя...

Почему он замолчал, скажи мне...
Поздний вечер моросит свой бред.
Не заснуть. Пойду к своей машине
И включу не близкий – дальний свет.
Потихоньку вырулю на трассу,
Там огни, как звёзды горячи.
Разгонюсь по ленточке атласной,
Блюз включу, пускай чуть-чуть горчит...
Скорость охладит мои сомненья
И подскажет тысячи причин.
Я вернусь и скину сообщенье:
Без тебя мне плохо, не молчи.
Без тебя я потеряла волю,
Замер мир, на черепахе спит.

А соседский пёс о чём-то воеет
И порой по-бабьему сипит...

Полёт

художник Loika

Послушай, не надо сшивать эту «куклу Вуду»,
она не заставит меня подняться – встать и идти.
Тряпичная птица – у меня диссонанс когнитивный,
а ты, как хирург – стежки ставишь ровно по кругу,
крыло поправляешь, вдыхаешь тихонько душу...
Будто действительно думаешь, что полечу куда-то,
Только я знаю, что в теле у птицы – вата,
Точно такая же, как у меня в ногах.
Да оставь ты несчастную птичью тушку...

22

Тони, давай потанцуем,
я не забыла движения рук и движения головы.
Держи меня крепче – руками, как берегами.
Я падаю только дождливыми четвергами,
помнишь, мы были лучшей балетной парой...
Тони, ну, подними меня над головой и кружи –
пусть разволнуются тени.
Кажется, я лечу...
И птица летит
кругами.

Когда будешь уходить, положи мне её на колени.

Лебедица

Художник Анна Березовская

Пряника нет, крутого кнута...
Лебедица – в глазах лебеда,
А в груди трясогузка стихает.
Не молчи, может нынче не та,
Ежевичная ночь. Лепетань...
Ты прислушайся, дышит стихами.
Ах, как шёлково льнёт береста!

Шало смешаны мёд с молоком –
Егоза! Смех не скроешь под шаль...
Любит в праздники яркие бусы,
Еле сдержишь её за столом:
Закружится в кругу – хороша!
Ягодиночка-свет, светло-руса...
Красна лента, румянца тепло
И в косе вьёт гнездо трясогузка.

Другу

Ну, хоть вступление правильное сделать, а то получается, как в «Вечёрке»...
«Добрый вечер» вычёркиваю, пишу: «Доброе утро».
«Муторно»,
«Я хочу тебя видеть»,
«Кагдела» –
вычёркиваю, вычёркиваю, вычёркиваю.
«Смеюсь... Ты для меня такой же, как неразгаданный никем Пуленк.
В смысле, твоя прорубь и моя бутылка почти равны, такой момент.
И в них как не ищи, найдёшь только ненайденное одиночество
и набор мыслей об эфемерности счастья. Так о чём мы... о творчестве?
Понимаешь, сколько не ломай эти мысли на строительные единицы,
а построить ничего не удастся, такова реальность.
Это как перевод – вроде лужайка та же, а трава пахнет совсем по-другому.
Но мы читаем письма друг друга с необъяснимой маниакальностью
и чувствуем, как появляется пространство, где есть место второму.
Сегодня добыла стул и лампу. Календарь принесу в четверг.
И если ты веришь, что потолок у меня стеклянный – смотри вверх!
Дождь у нас идёт разный, а звезды всегда одни... краснеют, зовут рассвет.
Вот, добралась до конца этой эпистолы... и напоследок, чтоб чуточку
протрезветь:
<https://youtu.be/X6Nf78BTnhk>»

Красная лошадь

Художник Пояркова Яна

– Добрый вечер, – отцокала площадь, –
как стройнит Вас французский горошек...
Там, где красные крыши домов
тянет воздух густых вечеров
чёрным носом брусничная лошадь.

И считает свои облака –
их сажает на бричку, да-да!
И катает по дальнему кругу.
Лунный луч подменяет подпругу
и летит золотой звездопад.

Не болхарь, а фонарик старинный
разливает столовые вина.
Ленту алую пьяный закат
в гриву вплёл и как будто бы рад,
что раздал всем по капельке сплина...

Мирра льётся под песни сверчков.
Там, где красные крыши домов,
пар, опара свиваются в дым... Но
в этом городе тихо и мирно –
вечер тёмный и нежно-парчов.

Лошадь в бричке везёт облака,
красный город и стог в васильках...
И чуть-чуть тормозит у трактира.

Уходи

ходишь смотришь
что хочешь найти в моих стихах
тайный мотив
сказала понятно вроде
поздно мне ставить шах
теперь
уходи
уходи
уходи
не спасают слова
по шариату ты теперь мне никто
не друг и даже не враг
только тенью приходишь
езде нахожу пустые следы
тропы бешеных росамах
молчишь
молчи
думай что не различим
шапку надел невидимку а уши торчат
мой маг
знаю ты прочитаешь и это
любимый враг

Стихи на стене

Сбежать бы, но нет ключа... Из острого – только имбирь к чаю,
И тот в порошке.
Ещё тетрадь принесли в клетку, в клетку...
Письма можно складывать в самолётики и пускать в пике.
А зачем нужны ещё мысли...
На пустой стене видны волдыри, капилляры.
Смотри на стену, как в книгу, и читай её бегло...
Слова соберутся в стихи – хрупкие, как стеклярус.
Если собрать белые, голубые и синие –
то облака большими кувшинками пересекают реку.
И то ли перезвон колокольчиков слышится, то ли душа купается в светлом...
А если оттенки красных – то кажется, что это яблоко
или даже солнце какой-нибудь Патагонии,
но это – сердце из рубинового стекла, всё в трещинках, будто в агонии.
Забудешь, как создаются слова из картин, – сможешь выйти из этой палаты,
но помнишь каждую трещинку на стене и на потолке, и даже знаешь, где они
бледноваты,
только не знаешь, с какой буквы начнётся утро.
Буква «л» всегда над кроватью, а рядом «е», как будто.
А если завтра забудешь секрет воскрешения сердца,
то незачем беспокоиться о белом заводном кролике.
Его утопила сестра в луже, ей было пять лет, а мне – шесть. И мной это горе
допито.
– Ты всё ещё помнишь белого кролика?
– Нет, только чёрную лужу и...
Забери меня, здесь стены стареют, и это невыносимо.
...и кролик намок и тихо бормочет имя.

Субботник

В голове моей субботник –
вычищаю спам и мусор.
Из слезинок вышли бусы,
из обидок – толстый сборник.

Покопалась в настроеньях –
все настройки изменила.
Для заевшего винила
бархатку нашла и мыло.

Примирила формы фобий
без особого бюджета –
блок «финансовая смета»
весь в режиме «экономий»

Тест прошла «на очепятки» –
не-до-статочно питанья...
А в режиме ожиданья –
пятка чешется о пятку.

Жил-был человек...

Жил-был человек на свете, всё в небо своё смотрел.
Залезет на голубятню, и нет вроде больше дел...
А вечером представленьё устроит для всех зевак –
уносится стая в небо... Вернётся домой вожак?

А утром, когда в деревне туманится дно низин,
тишком выбирался к речке, брал удочку из лозы.
Поддразнивал лунный коржик в холодной речной воде
и разговаривал молча с плывущим листом о судьбе.

И вместо того чтоб рыбу скорее забросить в садок
он с ней говорил о чём-то, немного, но сколько мог.
Потом отпускал, жалея, и словно крестил восход,
домой приходил довольный, как самаритянский Бог.

Ничтожным он всем казался, но только его окно
всегда открывалось в небо, на звёздное молоко...
Кусочек родного неба, что маслице к пирогам.
Не небом единым живы... и хлебушком помогал.

Простуда

Главное найти место поглубже в самой огромной луже,
подпрыгнуть – розовые брызги, как на фонтане, а потом замереть.
Смотреть на круги уходящие, теряющиеся где-то в синем...
На то, как заливается вода в сапоги, и думать о перевёрнутом мире,
что там ты кому-то нужен.
Хотя бы Богу в этом бесконечном синеме.
Жакаранда* зацветает в мае, сразу после сильного ливня.
Может я, когда безудержно расплачусь, стану краше...
Но слёзы не приходят по просьбе, и я не плачу.
Не зря меня назвали Сашкой –
плохого человека так не назовут.
И я иду по луже, в которой прячутся облака, зацепившиеся за кроны лиловых
пиний.
Там, где рябит вода, если закрыть глаза, то, кажется, что это поцелуй мамы.
Кто же меня вытянет из этого: «розово-пепельного: пощекочи меня» –
щекоткин ужас...
Если сосчитать до трёх, можно проснуться и станет в гортани легко.
До розовых пиний ещё далеко.
Вместо сушек дают леденец.
Сегодня покой и градусник –
день простужен.

* Жакаранда (лат. *Jacaranda*) – род растений семейства Бигнониевые.

Голод

Картинка из Интернета

Послушай, мой маленький сфинкс, ораторию ветра.
Сегодняшний вечер как сон, но наш ветер правдив.
Сыграю по памяти старый испанский мотив –
пусть сердце стучит, как простые мои кастаньеты.
Горячее солнце нажарит оладиков щедро,
и ветер собьёт земляничное масло в лоток.
Луна стережёт, только масла всё время – чуток...
знать, время лакает,
и видно не чувствует меры...

Пора собираться, проказничек-дождик спешит –
струится по окнам,
двойной
золотой
лимонад.
Намок палисад –
там, где листики липнут у лип.
Я пробовал дождь, но его лучше утренний пить.

Нам дали немного монет и кусочек «дорблю».
Ты жди на крыльце,
я вернусь,
добегу к алтарю...
Дождался!
Пойдём же,

идти веселее вдвоём.

А мама вернётся, достанет краюху и мёд.

Расскажет, какие конфеты в вазоне лежат,

в том доме, где кенар и добрая леди живёт.

Я те, что в обёртке, с орехом калёным, люблю...

– Ай, божечки, кто это тёпленький трётся в ногах?

– Там сфинкс – он ручной, он запутался днём в четвергах...

Он всё понимает...

И дом замурлыкал котом.

Мамуль, разреши,

ты же самая лучшая мама!

Он петть не умеет.

Учу старым песням саамов...

И музыкой бережной полнился старенький дом.

– Держи-ка мурлыка,

граммульку

церковного

масла.

Трамвай

Звенел-гудел – всё бесполезно. Заскрежетало колесо.
Собака, сослепу наверно, легла на рельсы. Как в кино.
А я, почуяв, что неладно, что мне её не обойти –
давил звонок, что было силы, а сил-то не было почти...

Зачем она пришла? Откуда? На сердце тяжелеет груз...
И видно, что собаке худо. Среда. Октябрь заскорузл.
Боюсь, скриплю: «Беги, собака! Беги, меняй слепой маршрут.
Мне не взлететь. Давно пытался, напрасно, видишь, снова тут...

Моя среда – земля, не небо, в программе путь закрыт вверх.
И даже тот, кто крутит нервы, он тоже... только человек».
Но я почувствовал как больно, как в каждом клапане першит
и полетел. Держало небо, спасало три живых души.

Словно в саване...

Словно в саване был – некрасивым,
Ты таким мне почудился летом,
Только храм разгорается синим,
И лучится невидимым светом.

Я считала мосты и каналы
И вязала в невидимый узел.
Крыши так же страшны, как подвалы,
И крахмал коридорный диффузен...

К ветру я привыкала на Невском,
Есть здесь ветры – сжигают ладони.
Зачерпнула ледышек в Онежском
И храню их в душистом флаконе.

Мощно светится верный Юпитер,
Счастье круто мешает мне с болью.
Не люблю краснокаменный Питер,
Но бывает, что тянет в неволю.

Мой город

Мой город забытых туманов плывёт Енисеем,
Звучат над ним грустные песни зелёной тайги.
Наверное, всё, что я в жизни сегодня имею,
Бралось изначально у берега этой реки.

Ты мой Енисей, и с тобой моя тихая дума,
К воде наклонюсь, снова выбьется светлая прядь.
Я, кажется, много в ладони любви зачерпнула,
Ты душу умеешь в небесный туман наряжать.

Пусть память хранит запах влажных и росных рассветов,
Душица и мята пусть пишут письмо ковылю,
Мелодию счастья мотаю на сердца кассету,
Я край этот с детства безумно-безумно люблю.

Я знаю, как молча бредут к берегам белоталы.
Сквозь листики вижу – ныряет со скал синева,
Пускай я везде, «навсегда» говорят, опоздала,
Но к речке пришла, чтоб ладонью коснуться едва.

Зелёная звезда

– А можно последнее слово?

Не рушу я замки!

Когда размываются контуры серого мела,
я вновь превращаюсь в улитку (медузу, русалку),
спускаюсь под воду и в небо смотрю очумело.

Из гибкой лозы заплетаю венки для Офелий,
и веки в прозрачной воде закрываю всем девам,
чтоб небо не плыло в глазах охладевшего тела.

Я волны считаю, и множу их ровно на девять.
Ещё – выполняю любое желанье лодчонок!
На дне голубые деревья гамак заплетают,
и каждый день новый – для верных, земных, наречённых,
для тех, чья душа, словно лотос раскрытый – живая!

Их души в жемчужные нити сплетаю на кряже.
Зачем им они?

36

Ну а мне – в самый раз украшенья!
Слезинки прозрачны, но я различаю их тяжесть,
и даже раскаявшись позже, не знаю прощенья.
А самые крупные лью в перстеньки для невест их...

Сняла украшенья.
Поверьте, на коже порою
ничто не сияет сильнее слезы...
Ну, а если меня вам удастся увидеть -
откроюсь звездой зелёной,
на дно ускользящей капелькой боли...

И можно не верить, но если хотите открытье –
причал номер семь. Послезавтра. Титаник. Отплытье...

К морю

Я куплю невозвратный билет.
«Здравствуй, Чёрное море!». Привет –
Машут волны и солнечный бриз,
И струящийся вверх кипарис.

Припев:

А я к морю хочу опять,
На песочке позагорать
И послушать морской прибой,
И рассвет увезти с собой.

Я спешу к морю всю свою жизнь,
За буёк, горизонт... Не держи!
Здесь душа белым парусом ввысь
И счастливые капельки брызг.

Припев:

А я к морю лечу опять,
Безмятежно позагорать
И послушать морской прибой,
И забрать разговор с собой.

Загляжусь в белопенье вершин,
Улыбнусь я игривости вин,
Растворюсь, где шумит бирюза
И у рыб голубые глаза.

Припев:

А я к морю спешу опять,
В нём поплавать и понырять,
И вдыхать аромат морской,
И забрать синеву с собой.

Знаю точно, что времени ход
Прямо к морю тропиночку вьёт.
И никак не пойму почему
Отдыхать можно только в Крыму!

Припев:

А я к морю лечу опять,
На песочке позагорать
И послушать морской прибой,
И не спешить домой.

** Автор сведённого текста – Виктория Соловьёва (Красноярск, Россия) 15.06.2016
Текст заключительного припева и музыка – Виталий Мельник (Киев) 2006 год*

Курица, яйцо и луна

Ну что раскудахталась?
Крыльями машешь...
Яйцо ей не нравится чудного цвета –
отдай его деду и дело с концом.
Пусть сам покумекает, как поступить.
И неча кудахтать!
А ела бы просо, как все...
Так нет, подавай ей лесну облепиху!
Я лапы все в кровь изодрал...
и чуть не схватил заразиху.

Иди, посмотри, не нашёл ли подарочек дед?

Несёт на ладони, не веря таковскому чуду –
яйцо золотое! Вот бабе-то будет на диво!
Пущай отнесёт на базар, обменяет на платье,
Какое давно присмотрела,
купить не решалась...

39

А может себе взять, оставить... и сделать блесну,
И вспомнить, как речка зовёт и как рыба взлетает...
(Ох, тяжкое бремя – решать...ковыряя в носу)
Пойду-ка к соседу Ивану находку снесу,
присядем на хвостик крыльца, да вдвоём помозгуем.

А баба галушки кроит, да над тестом поёт:
Спит солнце – желток золотого яйца,
Земля родилась в голубом океане...
Лишь курица лапами звёзды скребёт
Про небо не помнит, а может не знает.
Намолит яичко и деду отдаст,
а дед принесёт говорливой любаве.
Любавино тесто, на солнечном масле
На счастье в доме, для всех кто войдёт.
Тому же, кто первый войдёт – счастье дважды.

Услышал дедок «дважды счастье» – шагнул на порог:
Яичко – смотри-ка, любави...
И ахнула баба – давай всю избину крестить
Куриное счастье забрали... куриный бог не простит!

Снеси ты его назад... Осспади! Свят, свят, свят...

А дед как бросит его в окно,
...и стало в комнате вдруг светло.
Так появилась луна на небе.
Дед до сих пор на блесну свою смотрит,
она всё светит –
глаза слезятся... глаза не верят.

Живи

Над расщелиной золото – катит закат.
Две вороны клюют золотой виноград,
громко каркая, дёргая лист за грудки,
превращая свой солнечный рай в черепки.
И крикливая сойка соседу-песку
рассыпает, как соль – золотую тоску...

Где на ветке качается лунная тень,
напевая про ночь и про завтрашний день,
я считаю ступени, идущие вверх,
зажимая в ладони кедровый орех.
Подарю жаркой птице. Живи – не горюй...
 Попрошу: сделай долгим небесный июль.
Я устала идти от зимы до зимы,
Я устала идти от войны до войны...
И летели, летели, летели слова –
колокольчики слов и... И колокола...

41

Сколько длился мой сон? Может, жизнь, может, миг,
но под ложечкой явно противно щемит.
Оказалась в ладони улитка-слеза
и блокнот, где размыты давно адреса.
Не рыжью оттеняет мне веточки вен –
швы, как память болят. На погоду – вдвойне...

Над городом

Марк Шагал. «Над городом»

Мы с тобой пойдём по улицам,
По дощатым по сутулицам.
Не увидят, не узнают тут
Нас ни в профиль, ни в анфас.
Потому, что мы влюблённые,
Потому, что солнце – родинкой.
Мы прозрачнее, чем ангелы!
Вот поверь и растворись...
Только мошки из окошечек
(занавесочки в горошечек)
Наблюдают остороженько.
Их судачества всё ждут!
Прикоснутся губы горькие
За оградой, вот и только-то,
Но от этого волнения
Волны небо достают.
Умерла с тобой от нежности,
Бьётся сердце обесточенно,
Я хочу, чтоб ты был ангелом,
И над городом летал!
Ах, погода сумасшедшая!
Вон, летят, зонты и фантики,
И мужик козу бодучую
Держит крепко за рога...
Мы с тобой ещё не венчаны,
Перешли пока на Встречную,
А над нами реют женщина
И мужчина к сорока...

Томатно-овальное

Томатное дерево самое сладкое,
макушка его завершается солнцем –
сипел муравей, подметая свой дворик,
в квадратной долине
квадратного мира.
Квадратами стёкол блестели закаты,
но что-то смущало и мучило сердце –
как дед был – овального рыжего цвета,
и это томило овальную память.
А был бы квадратным –
садился бы в угол
и сам создавать мог углы непременно...
Но в жизни его, совершенно квадратной,
висело над домом томатное солнце –
неправильной формы – обычного сердца.
И это давало безумцу надежду
на правильный мир, но...
неправильной формы.

43

Неправильность формы – вот камень – гранит.
Но грызли собратья томатные корни –
и комнаты шире, светлее казались,
и неба клочочек ровнее, квадратней...
Их было миллионы, глядящих не в небо,
а в лужу у дома,
где мир отражался слегка искажённым –
квадратное небо,
квадратно краснело.
О чём ты поёшь?
И зачем смертным вечность?
Свобода твоя – лишь свобода на смерть.
Ты, братец, в кольце, хоть оно и квадратное.
Нет шансов, увы...
И не думай!
Хотя...
Зачем он тебе?

Про осень волоокую

Быстрее всего к дождям уходит лето
И с грустью осыпаются цветы,
И ты уже частичкой малой света
Бежишь, но не догнать его, увы...

Ни тёплых дней задумчивую сладость,
Ни волшебство циклад и свежесть трав,
Но чувствую, тепло ещё осталось,
В котором каждый вдох твой виноват.

Дай посмотреть, как щурятся морщинки,
Как их разброс чудесен возле глаз,
Дай посмотреть, как с них слетают рифмы
Про осень волоокую для нас...

Грустится,
поздно,
листья невесомы

44

И яблоки
в саду
прозрачны снова...

Свобода

Когда я прихожу с мороза, мои щёки пахнут жасмином.
Обними меня.
Слышишь, как я играю?
Это музыка.
Не знаю, когда тебя смогла впустить в себя,
но знаю, что там, где остановлюсь, чтобы прислушаться к своему
сердцебиению – там ты.
Ты там, где моё беспокойство переходит в полное спокойствие,
где появляется музыка ладоней и взглядов.
Это слышат двое.
Вот как сейчас,
когда шепот едва коснулся меня, а я откликнулась,
и мы глаза в глаза, до каждой косточки совпадаем.
Вселенные рождаются под музыку.
Вселенные звучат струнно и пьяно, как твой голос,
и я умираю, чтобы снова родиться...
И так миллионы раз.
А он: «Знаешь, искусство и здесь состоит в том, чтобы свободно играть
словами,
звуками и смыслами – вплоть до их полного соединения и потери.
Цель при этом – свобода, или хотя бы её видимость.
Свобода...
А вообще я так по тебе скучаю»

Белая линия

Снилось платье,
поясок тонюсенький,
на груди значок комсомолки.
Я не знаю где он – передний край,
подстелить бы сейчас соломки...
Но иду по белой невидимой линии –
не свернуть мне в сторону,
не уйти.

А ещё вчера гимназисткой
собирала цветы в гербарии,
сочиняла стихи
и первая выходила сдавать экзамены.

Не ступить – не пройти пути,
не изведать любви и боли...
И я еду,
сеять вечное и разумное –
ребятишек учить грамоте,
рассказывать о комсомоле,
о новой и светлой жизни.
Мне страна сегодня доверила
говорить от лица народа,
я и рада была, и горда собой!
Свобода, свобода, свобода –
сердце стучало нежное...

Не понять чужие обычаи,
не сломать родовое невежество.
Сколько было убито, растерзано...
Кто считал?!
Кто помнит сегодня,
как страну собирали в громаду,
как верили в общее благо.
А надо такое благо?

Так и надо – ни памяти,
ни камня и ни креста...

Где-то тает белая линия –
где-то там не смогла пройти.
Где-то там моё тело покоится –
платье красное – значок на груди.

Подсолнухи

Подсолнухи лежали на столе –
большие, почерневшие за лето.
Летал комар над охрой сухоцвета...
Рассказывал Петровне о луне
кобель соседский, пустобрёха Порох.
Под стол листва набилась и, шутя,
шушукалась по-доброму, любя.
Петровна семена считала споро...

У Пороха в желудке – пара рифм.
Протяжный лай несётся к Далай-ламе...
Соседка занялась теперь делами.
Та косточка, что пахла мясом – миф,
и оттого так плачет сентяблями
соседский пёс на глупый лунный круг.
И семечки летят чернее мух –
подсолнух перезрел, повис зубцами.

48

И пёс весь день не переводит дух.
И листья жгут, никто их не считает...

Мерроу

...и рыба чешуя твоя видна,
как не старайся – рыбное отродье.
Тебя мерроу в юбке принесла
и скрылась – растворилась льдинкой в море.
Оставив память – холод тонких рук
и между пальцев жабы перепонки.
Растёшь, и выпрямляешь вечный круг,
и маму ищешь в каждой незнакомке,
и знаешь, как душа слезой дрожит –
слеза к слезе – не океан, но всё же...
Но как же ты на мать свою похожа
едва дождинки падают на кожу...
Твой красный цвет волос – особый шик,
и ветер пьян, когда он их ерошит.
У каждого, наверно свой отсчёт –
Ты стала жить, когда влюбилась в штормы.
Беглянка... Столько раз сбежишь ещё
в страну ветров, где каждый риф знакомый.
Штормит и воздух над Москвой бодрящ,
Как будто подвизался в титры – Роу.
И ты кроишь из ветра новый плащ,
и знаешь – не прощаются мерроу...

Вечер

Котейка, коврик собирая в складки,
гонял по кругу солнечного зайца.
А осень целовала всех в макушку
и распускала кружева на прядки,
на паутинки, не жалея пальцев.
Оса крутилась возле сладкой лужи.

Казалось, разливает время мёды...
И крылья грациозно рассекали
густую, настоявшуюся лень.
Под солнцем наливался куст паслёна,
подвяливались кислые ткемали
и изменялись, будто чьё-то мненье.

Над чашкою, где запах амаретто,
соединился с горьким вкусом кофе,
витали струйкой мысли о потерях.
Стояло бабье золотое лето!
И вечер припозднился в светлой кофте,
ещё не веря в холод, всё не веря.

А ты поверил...

Терриконовый дракон

Художник Анна Березовская

51

Терриконовый дракон высох до минтая,
Греет спину – занял склон, облака глотает.
Триста лет лежит – прирос. На его горбушке
царь Горох развёл овёс для своей пеструшки.
Но дракону всё равно – взгляд его задумчив.
Провожал свою Варно до соседней кручи.
Не вернулась красота из глубин Китая.
Ждёт, святая простота, пластилиннотая...

А Варно в зелёный чай добавляет травы...
Дорогой халат с плеча соскользнёт, как лава.
Бело тело... В жемчугах нелегка корона,
но коса её туга, словно хвост дракона...
Полыхнёт в груди огонь – полоснут зарницы,
Проти-противосолонь затихают птицы.
Молоко в груди да мёд для ручного змея.
Примостится рядом кот, от медов хмелея...
Лотос в платье расцветёт – символ царской власти,
И опять слезу смахнёт тонкое запястье.

Ранняя весна

Разговор нелепый – ни о чём...
О погоде, о своей житухе.
Как укрыть моркву от чёрной мухи,
где рассада лучше и почём.

– У соседа нынче не клюёт,
но грибы нашёл, такое диво!

Рассказала про свою крапиву,
что супец отменный из неё.
Что война грибами пахнет. И...
земляничкой спелой, дикоросом.
Скоро будет время сенокосов,
а потом заявятся дожди...

Прошептала:
– Выживем, не трусь.
И неловко стало за свой голос,
словно по спине скатился полоз.
– Ну, ты что? Мамулечка, мамусь...

Нынче очень ранняя весна!
Погоди, ведь не о том хотела...
Помнишь, птица над окном свистела?
Кажется, тогда я понесла...

Говорят, что дочка будет, мам...

Где-то в деревне, на северо-западе России

Скоро перейду на самовыпас –
лук взошёл и нежится земля.
Я, сынок, с землёю как-то свыклась,
не тревожся сильно за меня...

Печь зимой не каждый день топила –
тёплая, капризная зима.
Можно обходиться, всё терпимо...
только не закрыли бы сельмаг.

Руки не вымешивают тесто,
раньше силы были – это да!
А теперь, старухи, из окрест-то –
все за хлебом тянемся туда.

У слепой Агафьи нынче праздник –
соберемся, песни попоём.
Никодим залатыват подрясник.
Вот где голос! Вспомнит о своём...

53

Полетит печаль до полустанка,
Глянет на скудельницу и сад...
Ты-то как? Внучка бы мне понянькать,
И тогда бы можно помирать.

Ручейки облизывают кочки,
слишком жаркий выдался апрель.
Он читал письмо. В последней строчке:
жаль, что почты нет у нас теперь...

На столе – помытая посуда.
Выстлали дорогу небеса.
Разошлись, но всё ещё под утро
Дом скрипел, как будто замерзал.

Сон в летнюю ночь

Засохли маки – звенят коробки
и паутина летит на юг.
Я пришиваю ко сну оборки
и, дождик выжав, креплю на крюк.

Пускай просушатся мышьи норки
и пусть просушится в них урюк.

Спят летней ночью дожди и снега,
последний гром отгремел весной.
И мы с тобой предаёмся неге,
мы доверяем луне слепой...

Она давненько дала побегу
и реки стали её судьбой.

Пусть мне приснится большая рыба,
в реке-кормилице – мотыли.
Ты помнишь место, где у обрыва
кружатся белые журавли...

Когда проснёмся, я – сброшу крылья,
ты – сложишь синие плавники.

Лотосом

Ты во мне, я в тебе – голосом,
Цветом вишни, полынью-порослью,
Ты во мне – остальное после всё...
Обниму тебя светлым волосом,
Привяжу навсегда бессовестно.

Не помогут и звёзды-зелены,
Я тебя не отдам, ты спрятанный,
Прорастай во мне всеми мартами,
Соком, светом вращай, и семенем,
Только сердце не пробуй стремнем.

Вечер клёнами дышит, вербами,
Ох, ожгло их ладошки солнышком,
Истончило на воле-волюшке...
Пей, нектарна прохлада верная
Ах ты, песня моя вечерняя...
Ты во мне, я в тебе – лотосом.

Фейное

Сладок запах синих виноградин...

А.А. Ахматова

Сладок запах синих виноградин...
Сыр созревший, красное вино.
Сколько насчитал ты нежных впадин,
Сколько раз назвал меня иной?

Мне бы столько слов сказать беззвучно...
Не сейчас, туманятся глаза.
Помолчим, и в тишине тягучей
Будем слушать, как летит оса.

Над бокалом кружится – довольна.
Аромат пьянит! Нырни, проверь –
В каждой капле – розовое море,
В каждом море есть и жизнь, и смерть!

56

Лист дубовый, пробочная фея...
Загадай желанья, будто сны.
В синих виноградинах густеют
Синие желанья лозы.

А васильки, наверно, сеет Бог...

Авторское фото Ксени

А васильки, наверно, сеет Бог...
Попробуй тоже поле перейти так —
лучи вплетая в стог, вплетая в слог,
не трогая прожорливых улиток.

57

Опять сезон дождей и спелых туч.
Аврора, словно чёрная царица,
ткёт воздух с прелью, медленно... Тягуч.
Скорей бы утро раннее. Не спится.

В такие дни горчичный горизонт
зовёт, не обещая вовсе встречи.
И путаешь пространства, явь и сон,
плотнее укрываешь пледом плечи.

Как тени притаившейся тоски,
стоят свои. Их надо вечно помнить.
Шьёшь строчки. Вроде лучики узки,
вплетаешь их, и переходишь поле...

Бабье лето

Клёны запускают дельтапланы.
Кружит лихорадкою секунды...
Пусть предчувствия сегодня смутны,
Мысли, как ключи, серебротканы.
В переводе с вечного на ветер –
Клинопись! У неба ровный почерк.
И чернеют снова многоточья...
Ощущенье горькое – потери.
А на завтра снова – солнцелепье!
Высверками лужи, будто в звёздах.
Подрастает Бабье лето в гнёздах,
Изучая горловое пенье.
Как надежда в осень зеленеет
Почкой неразумной, неуёмной,
Даль не измеря веткой клёна,
Так и я тянусь к теплу за нею.
Листик прячет глупого маслёнка,
И пылинка воздухом воспета...
Как же сладко пахнет Бабье лето
Вкусной шишкой, солнцем прокалённой...

Когда я стану бабушкой...

Когда я стану бабушкой –
бабушкой-лошадушкой –
спою для внучки громко
чудное: иго-го
И прокачу по кругу,
подправлю лишь подпругу,
съем сено марки «Пшёнка»
и выпью мо-ло-ко!

Потом скажу: «Малышка,
для бабы – это слишком,
ходить всегда по кругу
и клацать языком.
Давай сыграем в белку –
в молчалку и смотрелку...
Чур, не смешить друг друга
дырявым ползунком!»

59

Когда я стану бабушкой –
бабушкой-оладушкой,
я напеку пампушки
из белого песка.
И внучка будет рядом,
сметёт песок – порядок!
Девчонка-хохотушка –
смеются небеса!

А бабушка-оладушка
приладится на краешке
то ль жизни, то ли лавочки –
туманятся глаза.
Родилась только б внученька –
да, внученька-онученька –
на щёчках белых ямочки,
в глазёнках – бирюза...

Дельфинье

– Выходишь на улицу и попадаешь в туман,
который устало устроился спать на брусчатке.
Обычная морось, на лужах совсем не видна –
лицом ощущаешь, как небо трясёт в лихорадке.
Доходишь до пристани и попадаешь в поток,
мальки окружают – неон голубого бульона...
Их время – сбежавшее время – вот главный урок
для каждого молча глядящего в небо рыбёнка.
Здесь за руки держатся души, попавшие в сеть.
Их тянут в глубины потоки, что синие вены...

Она замолчит, вспоминая: там яблоки есть
и время бежит по-другому в её ойкумене.
Он помнит, как ветры на воле сушили гортань,
но поздно всплывать – чешуёй покрываются плечи...

– Скажи по-дельфиньи «прощай» и не плачь, перестань.
Не думай о яблоках, думай о чём-нибудь вечном.

Шизофреничка

Время твоих губ (с)

Она, конечно, шизофреничка...
Так губы пахнут безумно мёдом.
Весной вплетает мечты в косички,
Потом сплетает из них погоду.
Она влюбляется в вены, в руки,
И смотрит так, будто видит бога.
Он переводит всё это в звуки,
И называет её ребёнком.

Она же – просто шизофреничка.

А время губ беспощадно тает.
Упруга мякоть у сливы спелой,
И он впивается...он не знает
Насколько хватит его «меж делом».
Он называет её Психеей,
Она же просто плетёт косички,
И любит даже его усталость.
Шизофреничка? Так это малость,

в сравнение с тем, что с ним дальше будет.
Она стоит на окне, как птичка...
и шутит...

Почитай мне свои стихи...

Почитай мне свои стихи –
Георгины, цветы зла...
Мои мысли с тобой тихи,
Так бывает, когда зола
Отдаёт тепло не спеша.
Без ожогов возьми в ладонь
До чего же ночь хороша...
И глазами в рассвет затонь!
Баритонит, тонет душа...

Мне бы очи свои поберечь:
Это лето краснеет в сок!
Я берёзой умею течь,
Когда счастье на волосок.
Почитай мне свои стихи -
Георгины, цветы зла...
Мои мысли с тобой тихи;
Небо в искрах, зола, зола...

На даче

На даче шорохи спелых трав,
поющей сливы, листов кизила.
Спят у поленницы два ведра.
Стул – у калитки. У вишни – вилы.

Не прибираю – всё по местам.
Оставлю лавочку и чурбанчик –
здесь ловят сети... И ты всегда
всех привечала, кто брёл на дачи.

Вчера дождём – будто мир крещён –
дорогу тонкий завесил саван...
Смотрю, а стул-то... как освещён,
ну, здравствуй, мама.

Надела кофту, да, боже мой, –
нашла платочек на дне кармана.
А кофта пахнет ещё тобой...
И сад волнуется: мама, мама...

Синий конь

Странное, странное дело...

Ольга Седакова «Конь»

Синий конь, порожденье тумана, –
мощный, призрачный конь луговой.
Пахнешь травами, ветром дурманным –
нацеплял пухоцвет, сухостой...
– Ну, куда ты торопишься, сивка,
чуешь, видно, у речки привал.
Охмелел от цыганского свиста,
словно счастье своё сторговал.
Что тебе в этом говоре бранном?
Хлеб с руки повкусней? Не скажи...
Сладко дышишь молочным туманом
и над пропастью скачешь во ржи...
– Там цыгане плетут полотенце
из историй и верят судьбе.

64

Сердце пьяно... Как в розовом детстве –
сахарок, прилипает к губе.
Юбки вспыхнут, в безумии пенясь, –
у костра ночь короче вдвойне...
Над печёной картошкой согреюсь
да печали сгорят на огне.
И цыган на заре водопойной
ветер вычесет вместе с репъём.
Счастье – сине-зелёное поле,
сколько глаз нам хватает вдвоём...

Междумирье

Ободранный кот различает цвета по-иному...
Дух комнаты тёмной – подобен нутру погребному,
в котором размножилась серая пыльная сырость,
и в стенах не окна, а грязью затёртые дыры.
Спят стулья со шкафом – изделия местных венеций.
И дверь в междумирье узка. Дом скрипучих сентенций...
Коту для визитов и щели ничтожной довольно,
но только с собой, в лучший мир, не забрать фрау Брольгу.
Уйти насовсем... Но он ластится к бедной старухе.
Та гладит по шёрстке, ласкает за порванным ухом
и мямлит: явился, зверуха, кормить только нечем...
А тот притащил ей крысиную свежую печень,
мурлыча довольно: мурффрау, поешьте, мурффрау...
И молится громко кошачьим богам: мяу-мяу,
чтоб не было больше налётов и страшных бомбёжек.
И он не лежал бы под солкой землицей и сажей,
и стулья вернулись к столу со скатёркой в горошек,
однажды...

Электричка

Электричка полна народу,
что икрою набит живот.
Ломит лавки, как на погоду.
Занят тамбур и весь проход.

Меж рядами идёт торговля –
запах рыбы и табака.
Индивид, распутив оглобли,
шарит в сумках исподтишка.

Мальчик тянет глухим прононсом,
что у кошки артрит ноги.
Да, засело в мозгах занозой:
«Но трогать её не моги».

Запах тел и входных билетов,
стук колёс и прошедших дат.
В запылённых окошках свет, но
рельсы плавно летят в закат.

Утреннее

Так сладостно, не открывая глаз,
Почувствовать, что солнце золотится,
Снуют стрижи, разыгрывая блицы,
Устраивая звонкий парафраз.

Открыть глаза и вязнуть в тишине
В которой сны гуляют в коридорах.
Твои ресницы, словно в разговорах,
Подхватывают мысли в глубине...

Ещё не слышишь, что очнулся день
В полоске нежно-розового цвета,
Что потянулась и зевнула ветка –
Вспорхнул посеребрённый зинзивер

Ещё минуту выжду, не спешу...
Я поднимусь как бабочка над полем,
Не нарушая сладкого покоя.
Румянец неба в тесто замешу
И запахами сдобы сны наполню...

Пусть пахнет снег...

А я считаю молча: выдох-вдох,
ведь каждый выдох – это тоже путь.
И самое разумное – уснуть,
день был... и был, по-моему, неплох.

Сон. Кто-то дышит громко, за двоих...
И мне даёт свой кислородный шток,
но я напиться не могу, ещё...
– Умрёшь... что кислород, что кокаин.

Считаешь раз. Чужой ползёт в груди.
Считаешь два. И пропадает вкус.
Лунывят в небе тысячи медуз,
считаешь три...

Сквозь холод пробивается огонь,
сквозь сырость – небо и поток воды.
Давай дышать, как синие киты...
Пусть пахнет снег и пахнет морем соль.

А я считаю снова выдох-вдох...

Воробьи февральские скучают

Воробьи январские скучают.
Шубки распушили и молчат –
Жмутся и играют в перегляд.
Знать на воробьином чир-чир чате
Объявили адресом флешмоба
Наш скамеечно-уютный двор,
Где не видно хитреньких ворон
И сугробы пышные, как сдоба!
Или ждут свою старушку Нелли,
Что носила крошки и пшено.
Только ей с утра не хорошо,
Скоро... «Вот дожить бы до капели!
Может, обошлось бы, ничего...
Раз святое было Рождество,
Значит недалече до купели!
Вот бы кареглазые запели
Может, я под песни пожила!»
Нелли не выходит. Тяжела.
Воробьи февральские скучают.
И бегут ручьи, февральский снег
Не остановить. Весна, побег...
Пахнет горьким, но бесцветным чаем.

Высоко и грустно...

Высоко и грустно сердце говорило
о любви, сгорая угольками пыла,
А в словах горчинки, как снежинки талые,
как калины спелой гроздь заповздалые.

Просто я доверчивость в небе растворила,
капельками нежность тихо подарила.
Дышишь, не надышишься, потерять не смея
горизонт хрустальный, пальцами немея...

Птицелов

Он ещё не поймал и не пойман был сам,
но пошёл в направлении том.
Он не знал, что настолько привязан к часам,
что построит ловушку – не дом.

Он всегда был в пути. Всё свистел... и в груди
прижились золотые клесты.
А однажды на солнце, чудак, наследил,
написав иероглиф мечты.

Вечерами, сшивая дырявую сеть,
жизнь и смерть зашивал он в тесьму.
Ночью певчие птицы слетались. И ведь –
не к кресту, а к лесному клесту.

В этих строчках немного от песен садка...
Вздрагнет сердце остывшее вдруг,
клетку дёрнет и вытянет часть поводка.
Заиграет дрожащий бамбук.

Дни слетятся, посыплются звёзды с небес,
как пыльца из серебряных снов.
Звякнет ключ и уйдёт по дороге чудес
без свистулек своих птицелов...

Голубиный посох

Небо, со мной проблема... Растут крыла.
В сквере нашла кривой голубиный посох.
В том ноябре не ждали ещё морозов,
ночь ледяная голубя в рай звала.
Оцепенел. И клювом уткнулся в осень...
Сердце тонуло льдинкой в крутых заносах,
трудно слова рождались – одно и два...

Я их сначала в сердце несла. Затем
правила тонкой шкуркой, кропила ядом.
Строчки писала веточкой виноградной.
Голубь – ну как живой, только бел и нем.
Надо же, примостился на ветке, рядом
с ангелом рыжим, словно святой внучатый...
Выучусь – цвет добавлю, чтоб стал как все.

Странно, пространство нынче со мной в ладу –
птицей летаю. Небо – лоскут сатина.
Хочется крикнуть, только летит грудинный
горлицы зов – манящий, живой дудук.
Я не встречаю в ссоры на воробьином...
Солнце меняет город и мастихином
к мрачному камню золотом бьёт кайму.

Кажется, голубь ожил – клюёт айву...

Солоха

Ты вырываешь себя из ада –
из одиночества. Всё – не охай...
Опять сирена... Спешит бригада.
Надрывно плачешь ночной солохой.

Сама теперь и луна, и небо
и колешь звёзды на рис и гречу,
пыльцу сдуваешь с пушистой вербы...
И возвращаешься в ад под вечер.

Собака спит на ворсистом фетре,
да форточка о своём бакланит...
Забудешь день, но напомнит ветер
случайно – пальцев его касанья.

И вновь осунешься... Встань, не кисни!
А помнишь, как ты его ласкала
в той, разноцветной и прошлой жизни?

Не стало жизни. Его не стало...

Вспоминай меня

Художник Владимир Волосов

Тучи в городе по горизонту
и пейзажи расписаны чаем.
Я на красный иду, получается...
– Сумасшедшая! – слышу вдогонку.
Ветер пьян, словно гнал самогонку.

Пусть раскисла немного дорога
и ботиночки, как кандалы, но...
Дождь идёт – воздух свеж и малинов.
Покопаться в себе – та морока,
я иду под зонтом одиноко.

Приведу чувства в полный порядок,
загадаю желанье – пусть будет.
А в субботу состряпаю штрудель
и тебе позвоню, без оглядок,
в Шербур – город зонтов и перчаток.

Вспоминай меня.

Час пути

Устал... И устали в полдень ходики на стене.
Уедут дети, поправлю ход и добавлю час.
Все сорок дней я не спал, ходил, как густая тень.
Сегодня дети собрались в город. Давно пора...

Не взяли яблок – их в ихнем городе пруд пруди...
А нынче яблоки-то хорошие, налились.
Катилось солнцем в руки: вот, внученька, на – держи!
Уехали... Только быль дорожная крутит пыль –
волнуется подорожник и у ворот кипрей.

Как жить, скажи? Одному... В молчанку играет стол.
В молчанку – шкаф и ковёр, но вдруг подмигнул портрет.
Мелькнула тень на лице, у краешка губ смешок.
Качнулся в комнате свет. Твой голос, едва ли сон:
«Пойдём со мной, Василёк. На лодочке прокати...»

75

Качает лодку течение, знать бы куда несёт...
То нос в рогозе застрянет, то на мели качнёт,
вот где тоска накрывает. Кажется – не река,
а платье в небо плывёт. Зефиром фату кружит,
туман ли со мной играет, шутят ли облака...

Зови, родная, зови... Мне здесь без тебя не жить.
Гудит затопленный храм. Знать, время пришло идти,
как посуху.
Час пути...

Опять зима...

Опять зима. Опять полгода холод.
И днём темно и ночью непроглядь.
Твой сон идёт по кругу – чистый морок,
и замерзает на подушке прядь.

Сверкают окна – сны полны алмазов...
Дыханием согрей и посмотри,
как распушают крылья несуразно
отважные, родные воробьи...

Им холодней... Они не просят шубы,
хоть в лёгких перьях вечно сквозняки.
И в эти стужи так же дружелюбны,
так не ругай холодные деньки.

Наделай на столе творожных горок.
В пирог добавь разнеженных брусник.
И собери побольше хлебных корок,
чтоб слышать снова бодрое «чирик...»

Китовое

Мужчины происходят от китов,
поэтому молчать им явно проще.
А если говорят с теплом о теще,
то значит, напекла крутых блинов.

Они не поцелуют напоказ
и нежность спрячут. Чувствам – место дома.
И о делах не вытацишь полслова –
проблемы и тревоги не для нас.

С друзьями – про рыбалку и хоккей,
про цены на валюту и прогнозы...
И даже грозы, розы и мимозы –
под пиво, под коньяк, под эге-гей...

Мой вывод прост и выверен, как гвоздь –
мужчины говорят, увы, не с нами.
Хотите знать, где спят сейчас цунами...
Где бабочки, промёрзшие насквозь,
и я сижу с холодными губами.

Окунулось небо в реку

*Окунулось солнце в реку
Жиль де Брюн*

Окунулось небо в реку –
напиталось, напилось.
С бороды стекает млеко,
голубой плывёт лосось.

Блещут золотом затоны,
размагнитился компас...
Знать, как водится в законах,
есть и здесь огромный лаз.

Хвостик летнего дракона
закружила синева...
Пишет хокку по канону,
и по зову естества.

78

Высекает искры мысли,
разгорается огонь:
человечек человеку
то ли песня, то ль гармонь.

Это давняя забава –
облака перебирать.
Спит драконья переправа
тишь пока и благодать...

В нашем яблочном детстве

В нашем яблочном детстве –
пионерская зорька и зарядка под гимны,
строевые речёвки и подвижные игры...
Лисопед – по наследству,
без единой педали.
По наследству сандалии и потёртые шорты,
мы тогда и не гнались за капризами моды.
Но прорехи латали...
Брали форму на вырост,
но, окуклившись, вышли, может просто дорвались,
как мальчишки до ямба... Google, Яндекс и Rambler –
мозг и память навынос.
В этой новой реальности
небо, спавшее в лужах, потихонечку слили.
И, увы, не распробовать, на вздох не осилить
Эту детскую радость – удивлению сини...

Пастушьи звёзды

Старик шептал молодому Матьи,
что старой Венгрии звёзды пастушьи –
послушны. Тихие, словно ярки!
О, лунный мальчик, овец погонщик,
идут мадьярки – сыграй простушкам
про три тростинки над тёплым прудом.
Плывут, как сон, золотые рыбы
на звуки нежной твоей свирели.
И травы, долго сплетаясь с былью,
беспечно выют бечеву с полынью...

Стихали песни, синели дали...
Макали в нежно-лиловый крылья
ночные птицы. А Матьи слушал
и в жарких углях костра мелькали
то замки с башнями, то озёра...
Темно. Лицо овекает жаром
и сон зовёт за собой в долину,
где в жёлтом цвете угор-горище
и мама машет рукой: иди же.
Он вскинет руки, взлетит, окружит
ещё не веря в свой дух, всё выше...

Костёр. Старик, обожженный солнцем,
мешает палкой потухший ветер.
Считает искры, что метят в звёзды.
Летит зола золотой ракиты.
Лишь юность может взлетать беспечно
и брать вершины подобно туру.
А здесь, в улыбке – мгновенья гаснут,
и неподъёмны душа и тело.
Как будто старец и есть то древо,
что кров даёт пастушонку Матьи.
В свободном сердце ночует ветер –
не спит небесный хранитель Турул.

Когда созреют гроздья винограда

Когда созреют гроздья винограда
И потечёт янтарное вино,
Напишешь снова, как всегда приватно:
«Ты приезжай, у нас ещё тепло...»

И я, закутавшись в свой шарф-манжету,
Дождливых капель провожая лёт,
Подумаю, что снова я за лето
Не добрела до цапельных болот.

Ах, мандарин! В пупырышках – прохлада!
Пришла зима, но ты зовёшь к себе:
«Созрели снова гроздья винограда,
Пёс приручён. Всё, приезжай ко мне...»

А в наших окнах голубеет утро,
И в сердце чуть предательская дрожь.
Я привыкала к одиночеству так трудно...
Зачем ты так настойчиво зовёшь?

Скажи, не молчи...

– Скажи, не молчи!

К нам во двор забежала весна!
И, кажется, время стучит каждый день всё быстрее.
Вчера проходила по голой почти что аллее,
Где ветку делили лишь два городских свистуна,
А нынче их столько! Щебечут, и звонкое чир
Вливается в хор не известного птичьего хука,
Мамуля, прислушайся!

– Брось, это, кажется муха...

Очнулась кулёма, почуяла сладкий кефир.
Дочунь, ты придёшь через день? Принеси мне конфет.
Немножко совсем, только тех из советских, ты помнишь?
А «Балтику» больше не делают... вкусные – Боже ж!
Бабуля ландринчики прятала так же в буфет.
Теперь я её понимаю – мы любим своё,
Что в детстве от сердца родного давалось нам щедро!
И каждый шагок нам казался когда-то победным,
Вот так и сейчас: шаг к окну, шаг к тебе, шаг к трюмо.

– Ну, ладно, мамуль, что ты прямо, как в детском саду.
Подсохнет асфальт, мы с тобою ещё наверстаем!
Тебя не забыла твоя голубиная стая,
Увидят, как пить дать, устроят опять чехарду.
Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд*,
И лёгкие тени в глазах голубых закружились...
Но сколько могу я придумывать, как бы мы жили?
Вернуть бы тебя, чтобы просто тихонько обнять.

* Строка из стихотворения Н. Гумилёва «Жираф»

Мне лошадь встретила...

Мне лошадь встретила* . Вернее, всё не так: мелькнула тень сначала за кустами, и белым паром будто обдало, как будто бы лизнули подсознание. Я точно знаю, это был её неповторимый запах молочая. Я обернулась: Что же ты, пошли... И мы пошли вдвоём. Я впереди, она чуть сзади – призраком печали. Жевала яблоки, что я купила, просила Кока-колу и конфеты, но я сказала строго, что на это я не пойду, что нынче праздник Спас... А кто кого – не важно, спас и всё. Как ты меня, когда я чуть живая переходила сущее болото... Не прерывай, я знаю, что болото. Ведь жизнь – не поле. Ты прости, конечно, но лошади придумали, что поле. А в нашем понимании – болото, где есть всего одна тропа, и та затоплена, что не видать конца. Хотя конец, конечно будет. Есть! Чуть вправо-влево – топь. И, в общем – крест. Есть, где по пояс грязь. А передышка, возможно, будет. Не надеюсь, в книжках... Да, что тебе рассказывать?! Ты вон, как гривой белой машешь несогласно... Ну, расскажи, что ты жила как в сказке, и что пила осеннее бордо, и сливы собирала лишь губами... Ты – тень моя, не привирай вначале, я помню всё! Пошли уже, Беда... Две клячи шли – седая и седая, и яблоки подгнившие роняли, как осень шелестящие года...

Утро бродит...

Чай раскрылся в прозрачном фарфоре...
Утро бродит – пятнистый кулик.
Каждый угол свой солнышком холит,
выгоняет чужих вороних.

В абрикосовом детстве всё проще...
Небо в кружке – под цвет молока.
Удивляет, как мчится Тотошка
по кудрявым, как пух, облакам.

Как весна просыпается – соня,
непричёсанна, пыль в волосах,
так и я... Даже Бог не находит –
он не видит, пока я боса...

Я сейчас не летаю, как льдинки,
с края крыш, разбиваясь всегда...
Соль храню в керамической кринке
Мама, кринка, как память, видать...

Ты мне снишься всё чаще в апреле,
в этом месяце грустные сны,
сердце словно побито шрапнелью,
половодье взрывает мосты...

Птицы делят пылинки и крошки,
изменяют под шорохи штор.
Распушились усища у кошки,
мошки прячутся глубже в кашпо...

Чай раскрылся в прозрачном фарфоре...
Утро бродит – крикливый кулик.
Мой сосед всем мозги канифолит,
а соседка ругает цветник.

В марте

В марте случается всё:
с крыш обрывается небо,
голуби учат Басё,
просят нахальнее хлеба.

Снег... Из-под снега – трава,
коркой под лужами наледь.
Звоном зелёный трамвай
гипнотизирует память.

Осеннее. Ранние стихи

Душа тайник обыскивала -
Оттенков жуть.
Луна высокая, нагая,
Дорожка-ртуть...
Сияла так! Разбрызгивала,
Что не уснуть...
Волнительная, как Даная,
Не как-нибудь...
И, кажется, что руку до мечты -
Лишь протянуть,
Чтоб звездным легким небом
Дышал мой путь.

Но, осень...
Лист пожелтел и выглядит почти
Как банный...
Чего же стоит пройденная жизнь?
Рупь рваный?

Обрыв

В озере слёз не бывает ни неба, ни дна.
Нет горизонта, не видно простого причала,
только мираж – лодка озеро в люльке качает,
тени струятся, но боль даже их истончает,
солнце расплылось безвольно, подобьем блина.

Папы уходят так просто: дела, всё дела...
Не задержаться – слетает ладошечка-рыбка.
Выплачь все слёзы: была бы седьмая попытка...
Все, что даны, исчерпала на крае обрыва.
Помнишь – у папы шершава ладонь и тепла.

Выцвела жизнь – что заношенный в дым сарафан.
Кто-то корчует деревья в столетней аллее,
Как это сказано: каждому будет по вере...
Солнце остыло. Кого-то ещё и согреет... Но
ты слишком долго вдыхала тяжелый туман*

87

Тучи кровавы, вон, сколько на небе гвоздей...
Высохли слёзы, иду по налаженной тропке –
зыбкий песок гложет остов покинутой лодки.
Папа, к тебе я пришла босиком, мне не колко...
Ноги привыкли к холодной, тягучей воде.

* Строка из стихотворения Н. Гумилёва «Жираф»

Человек идёт

Человек идёт без спросу
к другу на денёк.
Человек несёт в авоське –
старый «Огонёк».

В «Огоньке» лежит бутылка,
«Краковской» – кружок.
Человек с лицом утырка –
жизнь на посошок.

Сядут рядом – потолкуют
о своих делах.
Поминая жизнь людскую,
время в колтунах...

И совсем под тёмный вечер
на крыльце с плющом
звёзды шепчут им о вечном...
А о чём ещё?

Свет

Как много света – подними глаза.
Там звёзды, словно азбука на небе!
Придумывай беспечные слова:
молва, охота, музыка, халва...
Неси их на игрушечный базар
и украшай прихожую в вертепе...

Мой свет, смотри, как время повелось,
бежит вослед, как корги королевы.
Охота ведь бежать часам назло!
Какое, например, сейчас число?
Давай забьём от нашей эры гвоздь,
начнём отсюда праздновать моменты!

На этом свете всё начнём с нуля,
Распробуй тишину легко, как веру...
Нет слаще замирания тебя
в моих объятьях. Кажется, судьба
дала тебя, все радости суля,
с условием: не покидать планету...
Но видишь свет?

Сумрак

Сгорела память, но тени
прошедшей жизни мелькают.
Рисунки платьев истлели,
их носит поле, река ли...

Глаза устали от света,
но сумрак так непривычен.
Во тьме не нужно ответа.
У рук доверие птичье.

Бытьё, нехитрое вроде,
а давит – горбятся плечи.
Где ж ангел? Спит в переходе?
Покрестит грудь, ближе к вечеру.

А Бог улыбку поймает
всего одну за субботу,
И снова ей отмеряет
войну, любовь и заботу.

Маленький гномик

Маленький гномик, вид записных княжон,
яблоко ловит, словно луну качает –
держит за бок и в вязаный шлемофон
деду сигнал о бедствии посылает.

91

Дед, поднапрягшись, спешит, расслышав зов.
Яблоко трёт о тёплый рукав рубахи.
И, растянувши щётку своих усов,
шепчет: «Держи, и дай чуть-чуть черепахе.»

Маленький гномик, вид записных княжон,
кормит с руки свою черепашку Дашу:
– нямани, Даша! Хочешь, кусни ещё...
Им ещё вместе есть овсяную кашу.

Шаг

*я иду и стараюсь казаться привычным
обитателем острого края...*

Вит Музуров «индейцем»

Привычно иду с работы
к себе домой...
Привычно – адресный ящик,
опять пустой.
Привычно – восемь пролётов
и сердца стук.
Привычно наш подоконник
пригрел паук.
Привычно дверь побежала –
сказала: «Шшарк».
Не видишь острую кромку рая.
Но помнишь шаг...

Чеглок

*А после мы грелись вдвоём с тобой,
Теплом предстоящих дней –
Я думал: «Наверно, у нас любовь...»
И ты улыбалась мне.*

GP «Вместе»

Соседка зашла за стаканчиком соли:
Что... Возишься день у печи?
И пол твой надраен, и дом твой намолен...
А вольному соколу – вольная воля.
Вон, твой у Анфиски торчит...

Когда от ворон напряглись деревья и
захлопала с карканьем дверь –
вскипела от мыслей моя голова,
как тесто в квашне разбухала она –
что делать с Анфиской теперь...

93

Шурх... с шумом чеглок опустился на ветку,
в округе спугнув вороньё.
Смотрел на меня, на сидящую в клетке,
и мысли, что были и метки, и едки
глotal, как простое враньё.

И небо сменилось... Наш ласковый вечер
крадётся тихонько во двор.
И слышно, как речка шлифует наречье,
и шанежки ровно румянятся в печке.
Кукушка вершит приговор...

Так мало казалось мне надо. Всего-то
услышать, как вечер шкворчит.
И ты появился, как дух бергамота –
над чайником, что-то колдуешь в охотку...
– Ну что ты, родная, молчишь?

Ноябрьское

*Ведь благодарность тёмному ноябрю
вовсе не та, что августу или маю.*

Марина Юнг «Свет ноября»

Промозглость утра, клумб лубок застывший.
Подсолнечник, как солнце на панно, –
весь чёрным стал. Он слышит – ходят мыши.
Один стоит – совсем почти не дышит,
как я, сейчас, смотрящая в окно.

Мне б чёрные одежды подошли.
Смирения, как и долгов – хватает.
Ноябрь льёт тихонечко сабли,
в бокалы фонарей. На мост в дали...
И, кажется, что утро быстро тает.

Неровность граней изумляет снова.
Я, видно, тот ещё иезуит...
Ноябрь входит и душа готова.
Скользят лучи – остатки разлитого
а греет, что подсолнечник стоит.

Затопленный город

Художник Зоя Алексеева

Город ещё не вдохнул свой большой океан.
Стены стоят, и волна «с головой» не накрыла.
Только гудят провода как-то очень уныло,
изображая, как выглядит меридиан...

95

Город ушедший под воду. Но ты там держись...
Хочешь – упитой улиткой, в свободном скафандре.
Видишь, как мимо плывут на восток саламандры
и повторяешь за ними: на дне тоже жизнь.

Жадно поверишь в чистейшую правдушку лжи.
Выпьешь иллюзий и скушаешь сахарной ваты.
Первое правило – верить, что нет виноватых.
Главное правило – знать, где тут маска лежит.

Тот, кто хоть раз опускался на самое дно,
знает все правила, знает законы вселенной.
Знает, что пена навечно останется пеной...
Запоминай тех, кто рядом, стодится потом.

Свет наверху, как и было в начале начал.
К самому илу лучи пробивают дорогу:
даже под толщей огромной воды понемногу
Блики дрожат под отчаянный чайчий: «Чьяу?»

Люди, как птицы спешат к молчаливому Богу.

Репетиция

На репетиции, сбиваясь в стайки,
Бежим вокруг застывшей строго ёлки,
А ёлка – Марь Иванна, из продлёнки,
Всех подгоняет: зайцев на лужайке,
И белочек, и ниндзю (лоб в зелёнке).

И хором: ёлочка зажгись, и дальше,
«По очереди, чур», стихи и танцы –
Опять на завтра, постарались зайцы,
Перенесли прогон. Наказ строжайший:
Стихи всем знать, как собственные пальцы.

А мы вдыхали краску коридоров,
В которых заблудилось наше эхо,
Задания для детства – не помеха,
И, проявляя первозданный норов,
Вперегонки у ветра брали фору.

96

Стихи учили просто: под подушку
Положишь книгу, прочитав на сон и –
Строка к строке в полнейшем унисоне
Соединит ватрушку и хлопушку
В мешке, в волшебном синем фаэтоне.

И снова репетиция – у ёлки!
И кажется она совсем живою,
А пахнет – настоящим Новым годом!
Тянусь, тянусь к её живым бахромкам,
И отступает хоровод со мною,
Но я уже потрогала иголки.

Снегурочка

*– Ты – рыба и это – бред!
Она возражает: – Нет!
Она произносит: – Птица!
Неместный Саша «У рыбы кровь горяча»*

Снегурочка горяча. И хочется ей любви.
И в сердце её дожди плетут ледяные песни.
Весеннее ассорти – хоть мысленно обними...
А мысли, что пузыри, рисуют венок невесты.

Она хороша, как сон. И легче чем сон-трава.
Бегут ручейки снегов, питают ночные страхи.
Какая она – любовь? Снегурочка чуть жива...
Чем ближе весна-красна, тем тоньше её рубахи.

Пылает огонь – держись! А где-то тоскует Лель.
А где-то Мизгирь плетёт свои дорогие сети.
Весна подгоняет свет, как едкую карамель.
Костёр догорает, ну! Забудь о своём обете!

Сиянье её волос! Глазища – сто бед в обед!
Давай же уже пора... Пора! Ты должна быть смелой!
Дыханье её кричит: Снегурочка, это – бред!
Она возражает: – Нет!
Она произносит: – Дева!

Улица ста снегирей

Я спустилась на улицу ста снегирей –
там, где яблони кормят пичужек в затишье.
Загляделась: домишечки, века древней;
Между рам – ватный снег, и... кудрявятся шишки.

Где колонку захватывает ребятя –
Чем не горка-катушка – смешно даже крышам.
Спит диспетчер, и в небо идут поезда.
Где-то здесь я жила, каждый двор слышно – дышит!

Вот ведь, жизнь! Возвращает в потерянный рай.
Окунает в потёмки – пойдя, ощути-ка.
В тёплый вязаный шарф с головою ныряй,
коль позёмка закралась за ворот шутихой.

Пусть глазам ты своим не поверишь порой –
Улыбается улица – ставенки сини.
Стёжкой белою катит под медной горой
на закат, на далёкий белёсый осинник.

Здесь картины писать и стихи выводить
только шумные галки нашлись да вороны.
Кто-то тянет из облака тонкую нить,
чтобы вышить на лунках узоры в затонах.

Я уйду не спеша. Мне легко, как тогда,
так писать, как гулять, не сверяясь с потоком.
Я хотела бы только заметить, когда
Твой невидимый свет прикасается к строкам.

Грачи прилетели

Шумит, шебуршит весна.
Грачи собирают нити,
скворцы вышивают небо...
Что выйдем у них, как знать.
Быть может, небесный Китеж,
а может, чудная небыль –
тут главное не зевать...
И я вышиваю наспех
в грачевнике – сто проталин.
По краю стежок ажурный –
вот-вот и растает снег.
Сосулек узор сусальный
Пока что в уме ношу я,
спит солнечный печенег.

Ветренное

Игривый безродный ветер лохматит мою макушку.
В кармане пятак и двушка. И жизнь, как сплошной тумак.
Как воздух нужны мне лужи, как сон – три цветных лягушки,
как пицца – большое небо для сердца и для ума.

Однажды проснёшься взрослым, летит в законье морось.
В кармане – дыра – дырпропасть, дыряма, дыра едрит.
Сорваться бы на край света, лететь бы лучом, на скорость...
Но твой философский камень, похоже, простой пирит.

Однажды проснёшься зрелым, у листьев рассмотришь поры,
коснёшься коры деревьев, надышишься на века.
И больше не тронут споры, ты просто увидишь горы,
узнаешь где небо ближе, откроешь свой океан.

Пожил я и хватит, Боже... Глаза дождём обесцветив,
ты тянешь меня подняться, за хлипкий схватив рукав.
Старик у костра согнулся и выдул из углей медь и...
И ветер законтрабасил, играя на проводах.

Внизу тишина земная, а я рассекретил ветер,
лягушек, большое небо и лужи во всех дворах.

Хлюя

Трудно.
Ракета тегом.
Душа запущена
салютом в небо.
Безумно.

Желанно.
Остатки снега,
тают.
Она не помнит
запахи прошлого лета.
Странно.

Пряно,
капельками
влаги на губах,
поцелуя вина.
Не зови
упрямо.

Воля.
Свободна.
Печально легка,
танцует
бесподобно
бедная
Хлюя.

Шагаловское

Картинка из интернета

Ты знаешь, страшно совсем немножко,
совсем немножко знобит на крыше.
Ведь ты уже не пантера-кошка,
а, ближе всё же к облезлой мыши.
И не глаза у тебя, а сенсоры...
А кто-то снизу кричит, я слышу,
протяжно: «Ви-и-ка-а...»
Какого цензора...
Я не могу, я латаю крышу.
Но вдруг очнулась, он верно ранен,
Что ж... протянула навстречу руку.
Держу за пальцы, хоть виртуален,
а он вцепился как с перепугу!
Боюсь сорваться, ведь юбка в парус,
такой красивый и нежно алый,
всё тащит в небо. Забавный ракурс:
где купол сердца, как спутник малый.
А этот снизу кричит: «Ты можешь!»
Секундой позже: «Коньяк весь выпит.
А ты такая... Ну, дура всё же!
Я не играюсь, скачи на рыбе...»
– Легко...
О, Господи, да не смотри так!
Что видно сверху?! Асфальтов черти...
Выводят люди своих улилок
и верят в то, что растут медведи.
Держу за пальцы того, кто снизу.
Он видит только как небо режут.
Я не шатаюсь, я по карнизу.
Земля и небо. Я где-то между.

Весеннее обострение

В бреду ты не ведаешь, кто ты.
«Маргоша», – твой ворон кричит,
он сегодня сердит.
«Сейчас, – говорю, –
потерпи, мой хороший...»
Что ж скорая вечно так долго летит?

Секунды грохочут в висках...

Зелёные стены,
кровати, проходы...

Ты пишешь, твой друг тут закончил физмат.

Ты сам обнаружил среди прочих находок –
решение есть в теореме Ферма.
И ниже рисунок вьюрка.

103

В пакете бананы и горстка конфеток.
Не ешь.
Всё твердишь: «Забери, забери...»
И прячешь в пижаму лицо.
Спрятал – нету.
Я глажу вихры:
«Всё, Гордей, не хандри...»
Тихонько читаешь мне Фета.

Потом говоришь, что придут птицеловы,
А птицы в душе как одна – соловьи.
Мне кажется даже, что все вы – здоровы.
А мы, поголовно, – душевнобольны.
Нам всем недостаточно света.

Я завтра приду за тобой,
будь готовым
и больше не прячь головы.

Мой голос пахнет ломкой тишиной...

*Мой ломкий голос пахнет тишиной,
в которой бродят белые медведи
По пахнувшим безумием снегам...
Ирина Корнетова «О запахах»*

Мой голос пахнет ломкой тишиной,
в которой каждый звук меняет слово.
Я обхожу приманки птицелова
и говорю с неправильной луной.

А ты всегда спокойствия хотел.
«Здесь нет его, – шепчу по телефону, –
здесь ходят по причалам лепреконы
и отцветают лилии в воде.

Здесь белые медведи по снегам,
по синим льдам скользят – неслышно даже...
Их тянет море – льдиночки-барашки
и острые, как бритвы, берега.

А я в руке сжимаю кремнезём –
до стишовита, до стеклянных капель.
А помнишь, ты однажды жёстко запил
и говорил, что все мы крест несём.

И путал адреса и берега,
и вычислял какой-то сложный игрек.
Стихи – истошный молчаливый выкрик –
поглотят одинокие года».

Ветра признали дудку из стекла,
подсовывая гривы с колтунами,
и, до краёв наполненные снами,
безумные обрушили снега...

Я до сих пор не знаю, как жива...

Вервица

Подари мне вервицу* –
узелками света.
Верится – не верится –
загустело лето.
Можжевательник ластится –
ягоды созрели.
Пусть настойка красится
сизой акварелью.
Не глаза мне застило,
да в глазах застыло.
Всех простила засветло –
было иль не было.
Берега сощурились.
Осень закурилась.
Фонареют улицы
золотом акрила.
Можжевательник-ветреник
растрепал мне косы.
Пристегну на петельку
взрослые вопросы.
Снегопаду-первенцу
буду небыль баять.
Подари мне вервицу
на хмельную память.

* *Вервица – древнейшие христианские чётки*

Революция

Хватит тереть полотенцами блюда,
стёрла совсем голубые каёмки.
Чувствуешь, Надя? Нас ждёт работёнка
минимум. Максимум – революция!

Синусом выгнулась частная функция –
фунтом селёдки, полфунтом баранок.
Что-то здесь будет... Голодная пьянка
минимум. Максимум – революция!

Надя, при чём тут живая опунция?
Общие бани нас ждут и посуда...
Смутно. Октябрь. Простая простуда
минимум. Максимум – революция!

На рыбьем

На рыбьем – реки текут все к дому.
Туда, где помнятся в скалах норы.
Туда, где пахнет водица мятой,
где чайки редки, а утки святы.
Их кормят люди душистым хлебом.
За это Бог дал воды и неба.

На рыбьем «солнце и небо» – космос.
Там птичье-ангельский вечный логос.
Крылами машут, на строчки режут.
И тает воздух, чем выше – реже.
О чём поют – не понять ни слова,
но Бог их любит, как рыб, особо!

На рыбьем: «Время пошло иначе...»
Пришёл рыбак по делам рыбачьим,
поставил стульчик под древней ивой
и закурил самосад лениво.
Достал блокнот написал *Ab ovo*.
По-человечьи – всё слово в слово...

Уплыли рыбы, река камышит,
а этот ходит и что-то пишет...

Можжевеловое

За окном меняется звук и цвет.
То посолит меру, то поперчит...
Неизменно – курит в окно сосед,
и как трактор кошка ко сну урчит.

В белокуром небе – хрустальный звон!
По карнизам стелется тишина.
В этом небе каждый найдёт своё –
мандолиной выгнула бок луна.

А за ней, мне видно, растёт прибой.
Золотистый, тянущий мёд свечей.
Сорок дней молюсь. Без тебя, с тобой.
Заплетаю в волосы страх ночей.

За окном снежиночья суета...
Траекторий вычислить не смогу.
Ухожу по ним, мысли снова там,
где луна поёт можжевельнику.

фейерверк

Нотка цитруса – лёгкий каприз –
аромат под вечернее платье.
Не спешу, наслаждение – счастье,
и секрет всех великих актрис!

Год прошёл – не успели вздохнуть.
До чего же текучи минуты!
Будет праздник! Пусть искренним, шумным...
Всё успею – осталось чуть-чуть!

Добавляю в шампанское – смех,
в морс брусничный – розеточку мяты.
Разбираю на зёрна гранаты,
чтобы щёки сияли у всех!

Фанты прячу в зелёный мешок,
пусть хвоинки пока его скроют.
Ребятам испытанье устроим!
Я надеюсь, что будет смешно.

109

Всем подарки! В коробках – любовь,
в каждой спрятана, честное слово!
В зимнем небе, сверкнула подкова –
фейерверк! Ой, хлопушки готовы!

К мёрзлым окнам прильнула страна,
ровно в полночь. Так ярко, опасно –
георгины влюбляются в астры.
Счастьем светятся, словно для нас!

И я тоже беспечна в объятьях
Поправляя нарядное платье...

Воронье

Каркнула нервно седая ворона
Месяц родился, надулся фонарь.
Ветку качнула печаль одинокая.
Стукнуло время. Зевнула коронно
дверь, пропуская несносный январь.

Ты у окна. Посчитав чернохвостов,
синей вороне легко подмигнув,
вынула шпилечку то ли из неба,
то ли из сердца. И вроде бы просто,
а вырвалось: «Уф...»

Небо расшитое... Заворожённо
падало, белым крестя синеву.
Было и мне бы совсем одиноко,
Но...
Каркнула нервно подружка-ворона,
Вытоптав хокку на свежем снегу.

Дорожное происшествие

Мы ехали на отдых, на машине,
Прилично разогнались, споря с ветром.
Поэтому казалось, что летели.
И всё вокруг летело вдоль дороги:
Деревья, деревеньки, дураки
Коровы, козы, конь, бурундуки...

Откуда ты взялась, моя ворона?
Зачем летела низко, одиноко?
Кровавое пятно на лобовом
среди десятков мотыльковых пятен.
О чём ты думала, когда последний карк
в твоей груди невольно затихал...
И ты, ещё живая, наблюдала
за шумом пронесившихся минут,
за небом недостаточно высоким.
За теми, кто несёт тебя с дороги
подальше в травяную гущину.

111

Мы ехали в полнейшей тишине.
Уже не торопились на дороге.
Нас обгоняли бобики и боги.
Деревья, деревеньки, дураки...
Пятно росло и ширилось в груди.

Сюжетное

*Радио забито Глинкой, содой и сукном
Александр Кабанов*

Она ни буквы снова не напишет
утонет, подливая виски дню.
Давно бы стала серебристой рыбой
Мешает сигарета и ещё...
Застряла пьеса
на моменте ню.
Забывтый пляж. Горячие Карибы.

Спит томик на столе. «Война и мир»
А тут, как ни крути – войны с лихвою.
Роман закрыт. И так не хорошо...
Ей тошно. Надоел сплошной амфир
Мечтает, повернув во внутрь сапфир:
уехать бы, сажать в траве секвойю
и бросить пьесу.
И войну.
И мир.

112

Застыла мысль, повисшая в дыму.
Копирка полиняла синькой в воду.
Но верит – каждый будет здесь прощён.
Пусть радио забито снова Глинкой
В мозги втекает голубая муть
Легко в полёте. Руки снова – крылья.
Ломает ненормальную её.
Не в этом ли её земная суть –
молчать.
Закрытый пляж. Карибы.

У безумства...

У безумства свои голоса, да и связи.
Говорящие взгляды и степень огласки.
Стоки вен. У безумства усталые маски,
Свет так режет. Бинты из зелёной бязи.
Словно нерест и выдохлась на перекате.
Сети ловят уже бездыханное тело.
Мясо красное стало невкусно и бело,
Словно цвет свой живой расплескала в закате.
Свет так режет. Совсем не осталось боязни.
Как же правы все те, кто сейчас отвернулся,
Кто закрыл свои окна, раскрытые настежь.
Этот город зевает подъездами кладбищ,
Этот город осядет, не выдержав груза,
Словно цвет свой живой расплескал он в закате.
У безумства свои нулевые отметки.
Окна, двери разбиты больными стихами.
Заходите, в ком вены защиты штрихами,
Заходите, вздыхайте, читайте зонеты...
И ни слова о том, кто не выдержал груза.

Прохожий

Не сон, но крыши улыбались.
Мост выгнулся, размок, как бутафория.
Шёл дождь – щекотка пыльных дней...
Слепой! Догнал слепых людей,
пинающих бордюр, на светофоре.
На солнце – всё волшебное.
Светлый дождь!
Играет в «Салки», в «Правда или ложь»
И сам себя поймает – вот тетеря!

Все брызги – нам!
И вывернет карман –
две капли даром!
И радугой раскроется.
Возьмёшь?
За лоскуток потянешь, мне не веря.
Твой дождь в руках – серебряная дрожь.

Но ты на одиночество похож,
прохожий, зацепивший дождик в сквере.

Мы чинили телевизор...

Мы чинили телевизор – я и старший братик Костя.
Разбирали на запчасти. Разобрали – соберём!
Только что-то помешало и в коробке, для экрана,
места как-то не нашлось.

Что же делать? Так и эдак
мы крутили, примеряли –
поместился хорошо!
Но теперь лежали рядом
три детальки и шнурок.

Не идёт наш телевизор ни назад и ни вперёд.
– Сдох, – вздохнул братишка, – Надо ж – настоящая засада!
– Ладно, Галка, – говори, – Ты зачем наш телевизор
поливала из ведра? Развела в квартире море!
Не горит теперь экран...

115

– Там китёнок сине-алый
открывал от жажды рот,
рыбки пучили глаза –
всем воды казалось мало.
Им хватило три ведра...

– Будет нам с тобой, Горюха, от родителей сейчас...
Будешь кукситься в углу – жалко рыбку бубульбу...
Хочешь, скажем, папе, что – это я, совсем чуть-чуть,
поиграл в пожарного, и тогда меня накажут,
если сразу не убьют...

Есть аквариум в квартире,
есть набор из запчастей,
есть ещё кашпо-антенна.
Телевизор наш в раю...
Костю жаль – ему влетело,
Хоть и я в углу стою...

В Новый год

«В Новый год, – сказала мама, –
Приезжает Дед Мороз!
Он прислал нам телеграмму:
Скоро буду! Прячьте нос!»

Дед Мороз стучится в двери:
«Ждали деда, ребятня?!
Чей там носик в шифоньере?
Где тут ёлочка в огнях?

Я принёс свои подарки,
Кто смелее, выходи!
Сто сюрпризов – все «по-царски»
Поменяю на стихи!

Расшалились – это дело!
Щёки – красные шары!
Подтанцовывают смело
Платья, в искрах мишуры».

Дед Мороз целует маму,
Дарит ей лесной букет!
Как же он похож на папу,
Только старше на сто лет!

Сны

Художник Анна Березовская

Крутой мореман обнимая подушку –
под мышкой весло прижимает, вот горе...
Компас приютился и давит в ребро.
Перо из подушки, колючей, чем ветер...
И снится ему, будто небо морское –
глотает барашков и лодку родную.

А мальчик – мечтатель, спит в шлеме пилота,
расправив, как крылья бессильные руки.
Но горlinkа справа, воробушек – слева
и в сумке походной шевелится кто-то.
И снится: шасси отказало, обидно...
Прилипла там намертво, тётя улитка.

Спят принц и принцесса – на небе конечно,
короны забыты на спинках кроватей.
Им кот напевает, профессор мурмагий.
Принц держит фонарик, а как же иначе!
Стеклянный фонарик в руке покачнулся,
и все замечают – луна подмигнула.

Спит рыцарь в седле. Оседлал бабу-рыбу.
Поводья не спустит – дружина не дремлет...
Пираниным крыльям подковы излишни –
но тише и прытче не сыщешь кобылу.
И меч деревянный, в родне с кладенцами.

Герои растут. Но была б голова...
А я страховала их сны, как могла.

Лилит

Яблоко катится по спине и замирает на впадинке.

– Ну, бери!

Ты рисуешь звёзды, планеты, а потом смахиваешь всё, взмахом руки
и рядом со мной возникают то рыбацкие посёлки, а то города из снов,
А ты, едва касаясь, рисуешь пальмы, песок.

На песке круги...

Капля воды, стекающая с кисти – шипит.

Опрокидывается солнце.

– Меня назвали Лилит.

Убегу по краю ночного неба, а пока... давай рисовать города.

Пусть первым будет город вечной любви,
я придумала имя ему – Пари...

А ещё Венецию.

Гондолы, что наши рыбы с красными плавниками.

Повсюду снуют стрижи.

118

И все в этом городе будут немного грустить по раю, и жить...

Вода пропитает даже сознание, и лотосы прорастут в каждой второй душе.

Я буду играть пьесы на фортепьяно, в платье из перьев венецианского голубя,
в шляпке-стриже.

Я бы сейчас начала импровизировать, бежим!

Остальные города ты построишь, но не со мной.

А город, который полюбит Воланд, давай, назовём Москвой.

Ты только сейчас никому ничего не говори.

Хочешь яблоко? А может, пари...

Кто вперёд построит город под яркой звездой?

Она всегда умела играть со мной...

Гложет

Гложет лунную корочку в белой перине сыночек.
Сладко ему
или горько?
Губками трогает сонно каплю огромную мамы.
Что же тебе, милый, снится...
Мир, такой ещё тёплый, где невозможно напиться?
Ярких оттенков свобода, завязь синих огурчиков...
Что тебе снится, хороший?
Сколько будет попутчиков?
Станешь ли первым счастливым?
Нежно сосёшь...
Так нелепо
розовым, мокрым пальчиком пробуешь сладкое небо.
Пробуй, роднуля, пробуй –
вкус его самый-пресамый!
Плюшевая головушка,
плюшево одеяло.

Бандероль

Он отправил бандероль –
до востребования, первым классом.
Хотел побыстрее... Чудак.
Скинул трек на WhatsApp.
На почте я долго объясняла, что это
моя девичья фамилия,
что отправитель – сумасшедший,
отправил просто цветок –
отросток красивой колючки.
Мне не верили, я краснела, бледнела,
но в паспорте совсем другая фамилия
и с этим ничего уже не поделать.
Тяжёлый случай...

Эхом в мозгу проносится всплывшая ниоткуда справка:
– За бортом самолёта: – 60 градусов,
мы пролетаем над Челябинском, Кемерово, Новосибирском...
Я думаю: где-то там Омск,
деревня Скука...
Зачем думаю, думать вредно.
Интересно, выжил ли при такой температуре цветок?
Если выжил, назову... Сашука!

Ну вот, завязался уже разговор...
У Вас тоже дома есть этот... то ли кактус, то ли пальма!
Потрясающе!
А как Вы его называете?
А как же Вы с ним общаетесь?
Правда? Ну, это же мило... Назовите её Сальма!

Время кактусов.
Девушка, отдайте мою бандероль,
хотите вместе её откроем, и вы убедитесь –
там только цветок от сумасшедшего поэта.
Пароль? Мммм...
Поэты всегда немного того –
Один выступает в килте, другой в кимоно.
И в этом ничего нет такого –

Мы все почти, что за мир,
Поэтому пишем, кто на латыни, кто на эсперанто,
а кто-то рифмует на Digispeak свой бред,
но понимают все...

Поймите и вы,
поэт – часто бывает рассеян по пустыкам,
ведь за мир бороться, это не просто так...

И она, девушка с выдачи посылок, мне бы отдала цветок,
если бы не вопрос: А кто отправитель?
Да так... Он, в общем-то, мне никто...

Барабаны побережья

Они звучат безудержно:
рам, рай...
Они зовут по имени – Вишрай.
И нет тогда покоя мне,
пока
вбирает ветер вой моих собак,
которых я спускаю.
И сердце заглушает камнепад.
Душа и тело – врозь.
Несётся стая,
не чуя лап, не чуя смерти – в ад.
И рвутся ткани жизненных мембран –
ещё, ещё...
Пока бушует ночь,
пока в словах, как в пекле – горячо,
пока не выдохлась, как бабушкин айран.

И не вдохнуть, так голос бьётся в плаче –
берёт свою знакомую октаву.
Ты выпила свободу, как отраву
легко, дурачась...

Всё реже...
Реагирую на боль
Я – боль
ше говорю с травой шафранной.
Но иногда срываюсь.
И как прежде
я слышу барабаны побережья.
Они звучат безудержно:
рам, рай...
И вызывают душу Виширай.

«Вишрай» – это по-болгарски «луч желаний». А «виширай» – «парить»

Кузька

Когда дожди достанут контрабасы
и рыба выпьет пиво на слабо,
и как-то криво лягут кости домино
в моём матрасе,
я встану – не дождётесь, рыбаки!
Мне всё равно ложиться слишком рано.
Подумаешь, среди овец
нашёл рога упрямого барана.
Так что конец – хоть глаз теперь коли?
Сосед храпит на полке – хоть бы что!
Достал себе по-хамски два матраца,
успел подушки первым перемацать...
Теперь храпит, как перекормленный бычок
Ему не снятся ни ножи, ни вилы –
вон, как от удовольствия ворчит.
А мне всю ночь в носу немножечко перчит –
Как будто я горячий ем хычин,
а в нём сырая рыбья кость торчит
и говорит на чистом русском:
Добавьте, в свой верлибр немножечко текилы

И просыпаешься в поту,
в порту Манилы.
И тинной рыбой пахнет кот по кличке Кузька.

Старик

Играл он редко в переходе
под звон монеток на лету.
Истлела память на исходе,
что письма старые, в комоды,
но пальцы помнят, сами вроде,
Амурский вальс и Высоту.

Он отыграл сегодня мощно,
напарник лапу подавал.
Подвал их ждал,
как ждал желудок два пирожка.

Старик раздул мехи баяна
и замер, будто вспомнил миг...

- Что ж не берёт таких ковид?!
- Глаза прикрыты – отдыхает.
- А жив ли?
- То, Всевышний знает.
- Живой... Слегка как будто пьяный,
лежит. Забыл, зачем пришёл, бродяга.
- Согрелся, вот и задремал...
- Баян бы спрятать у бояна, чтоб не пропал.

В углу сидел безродный пудель
Не подойти и не уйти...
Толпились люди,
что ком в груди.

Сплин

Художник Сергей Волков

Среди затопленного леса,
где в тёплой заводи мальки
растут, под кронами ракит,
легко, без стресса –
своё спокойствие ловлю –
тяну за леску сновиденья
из абрикосового хмеля,
из солнечного дежавю.

125

Запоминаю, чтоб потом
припомнить, если пригодится,
как над водой кричала птица
Скоко-о-ром
И что тут думать да гадать?
Какая тайная печаль
выкрикивала эти звуки...
А мне казалось, до разлуки –
крылом подать.

Проснулись мысли:
– клином клин...
И в тишине, как мёд, густой
Я грусть ловил на спиннинг свой,
мой жёлтый сплин.

Серые кони

Художник Katja Hannula

Ах вы, серые кони да лошади...
Снова в сердце подковы стучали –
шаг менялся на адский галоп.
Вы мне тени свои оставляли –
то ли ранних забот,
то ли поздних побед.
Что ж вы ходите часто по кругу,
словно память промчавшихся лет...
Я не знаю волшебного слова,
чтобы вас отпустить жить в поля,
но по-детски вздыхается с шумом...
Где-то в сердце раскисла земля
и туман лижет косточки думам.

Оса

Знаю, что там, где он, там нет ни страха, ни боли.
И мне боль приглушить бы.
Он не боялся жизни: «Разве всё в жизни горе,
разве всё в мире – зря?
А ты попробуй любить... как море, разливаясь и чуть дыша.»

Всё – зря. Всё – не зря.
Какой постулат вернее?
От него остались:
полупустой фотоальбом,
и старая флешка на крепкой ленте.

Память – лихое наследство.
Где-то я там жила. В комнате – кружева.
В небе – стрижи. Солнце лови, держи!
Синяя тишина. Брат – тридцать три вихра.
Солнце досталось мне – память на поводке – ниточка в небеса.

Девочка с персиком

Валентин Серов «Девочка с персиками.
Портрет В.С. Мамонтовой»

Она не улыбнётся, не проси...
Спокойный взгляд на мушке остановит.
Ей кажется, что это выше сил,
но замолчит на полуслове.
У девочки
секретов – полчулка.

128

У солнца кризис лёгкой желтизны.
Бликует первородная юла,
где стайкою присела детвора,
где пахнут травы свежестью,
и гнётся день лозой.
Игра – всегда игра... Не поздно быть босой.
Где фант отдал – пляши кривой козой.

Ей хочется играть в перегонки,
Но персик цел в руке – какое чудо!
И кто кому мгновенье подарил?
И я замру у тоненькой строки –
здесь свет играл.
Он просто был повсюду.

Пленэр

*Слышу, вроде, как стрекочет...
Таёжник «Чебурашка загрустил...»*

Пленэр.
Ходила по дворам, по переходам
и к храмам шла.
Но было всё не то.
То свет не тот,
то мне мешали люди.
Не видела сегодня ничего.
Молчание души.
И снова на распутье.

Вдруг звук привлёк – шурх-шурх,
шурх-шурх, шурх-шурх...

Большая лужа разлеталась. Сияли брызги
и собирались вместе вновь.
Казалось – лужа ввек непобедима,
но дворник мёл.
Подумалось, что он художник
и кисть его послушна одному –
достичь гармонии.
Двор скучен.
Но листья создавали фон
и изменялся цвет.
И свет играл.
Как жаль, что никому не нужен.

Сентябрь

*Предчувствие оборванной строки
саша коган*

Сентябрь – время перелёта птиц, рождения книг,
выбрасыванья мелких строчек, многоточий,
красот репья...

И понимания – не ты художник.
Период зла – период непростительных.
И погружений в холод октября.

Ключицам – дрожь, а сердцу знак вопроса.
Не разжимая губ, живёшь. Бесслёзно.
Раз по-другому не бывать –
кругом чужой.
И чувствуешь спиной,
как пробирает холод – худой хулой.

И мраморною крошкой цепенеешь...
Могильной песней полнится стопарь.
Рябиновая гроздь напомнит сердце,
разбитое на сотни вязких мук.
Склюёт ноябрь.

Ты закрываешь брешь рукой.
Одно понять не можешь:
Кто тут друг?
Рисуешь красный снег – вчерне пролог.
И задаёшься вечным: это белый свет?
И размыкаешь свой холодный круг
рождением строк.

Не смотри

Ты смотришь на меня.
Фашист так смотрит на ребёнка, который смотрит на его запечённую курицу
—
пнул бы, да ботинок жалко замарать.
Курица ничего не чувствует, ребёнок ничего не хочет, только глаза отвести не
может.
Господи, дай каждому то, чего они сильно хотят.
Дай курице небо, ребёнку сытость, тебе добрый взгляд, а мне удивленье...
Завтра буду монахиней исповедовать аскезу.
Завтра с утра под дождь... и льняное семечко на дно своего океана —
пусть даст мне сытость и знание, как прорастает любовь.
Какое чудесное завтра!
Не смотри на меня...
Съёживаюсь.
Сколько же может передать взгляд!
Или нет...
Это отражение моих страхов,
тонких, как нить шелкопряда, скользких, как время, прочных, как сонные сети —
прерви их сама.

Тата

Тата сегодня надела красивое платье.
Вышла во двор.
Весна.
И ей восемнадцать.

Она оголила плечо.
Не стыдно, пусть смотрят: «А чо?»
– Таня, губы накрасить надо, – уговорили.
Чучело.

Тата идёт налево, потом направо.
Синий горох на платье становится красным –
вот-вот посыплется, так горячо внутри.

Скучно нам...
– Тата, ты просто ему скажи.
Она кричит во всё горло: «Семё-ён, выходи!»
А мы всем двором смеемся над Таней –
дура!

Не будет у Таты ни счастья, ни даже друга.
Но вспомню об этом в свои тридцать три,
под утро.

Храм

Кругом песок, а он строил храм,
выращивал сад, писал картины жизни,
и впускал всех, кто придёт: ящерицу, скорпиона, лисицу...
Каждому было здесь место, был свет и кров.
Добавлял капли крови для склейки мозаики,
... это подобие радуги, но такое прекрасное чувство, что хочется петь.

Когда же дожди наступили: «Проклятие...» – он так сказал,
что это проклятие – всё рушилось на глазах.
Но если бы он увидел небо, а выше солнце, и эти стены дождя –
храм!
Тучи смотрели на сад, роняя слёзы спасения
для того, кто пришёл в пустыню и стал возводить храм.

Голод

В восемь мне обрезали косы
и сказали: ты уже взрослая.
В десять я сварила свой первый суп.
Мама посмотрела задумчиво...
А в четырнадцать – тихо ушла.

Косы вспоминались с дождями.
Взрослая: с осознанием – одна.
Одна: с осознанием – в ответе.
Вот и взрослость.

Взрослость – не поцелуи,
нет, это голод...

Тишина...

Снова замерло всё до рассвета...

Тишина...

Можно расслабиться.

Не нужно поминутно срываться кому-то на помощь.

Все выжили в этот день,

а значит, можно сказать,

что ты счастлива.

Тревожно только.

На улице минус тридцать,

а близко от остановки калачиком

свернулась собака.

Колодец рядом парит.

И кто-то, как я, вздыхает.

С какой стороны ни зайдёшь –

мир бесконечно болен.

А счастье – всего-то краюха, брошенная псу,

в надежде, что завтра настанет.

Блѣклое вино

Долго думаю –
всѣ навязчивей боль
возвращает назад.
В тѣмной комнате холодно.
Согреваюсь – огонѣк слабоват.
Тѣплый, горький след сигареты витает,
тени прячутся в зеркалах.
Впотьмах их движения еле заметны.
Пугливы, как туман исчезают,
Прячутся в тѣмных углах.
Забываю,
вырываю
тебя из себя...
себя из себя –
пульс неважен.

Наступает... какой по счѣту рассвет?
Утро стряхивает белѣсые паранджи туманов.
Слѣзы выветривает однажды.
Зачем они –
блѣклые виноградины –
пустое вино без выдержки –
только людей смешить.
Вынимаю занозу –
не вернется.
Учусь потихонечку жить,
вспоминаю сопромат.
«Ищи, – говорю, – не ищи...»

И забываю всѣ –
выболев до пустыни без имени.
Но однажды вдыхаю яблочный аромат...
Он приходит,
в цилиндре неся чешира,
чѣрного до суеверности.
Говорит: он ловко читает мысли
и спрашивает о моей верности...
А меня нет.

Зеркала.
Никнейм.

Жёлтый букет

В комнате полумрак...
Ночь по красной тропе восходит.
смуглая луна жаром пышет
С тёмной её стороны –
река медова.
Мне бы каплю её притяжения,
Мне бы янтарный свет...
Искажается пространство:
проявляются стены –
кадрируются ромбы,
прозрачные зеркала.
Может быть...
Ты?
Пальцы касаются.
Нежность – ощущение,
когда теряешь дыхание.
И в меня прорастают пылью одуванчики –
ты принёс...
И откуда такой золотой букет?

137

А потом на старинном,
комоде bombe
приютится этюд –
одуванчиковый рассвет.

Рассвет.
Удивляюсь расцветке –
прозрачный рислинг, розовое вино, щербет.
Утро настало.
На солнце видно –
в комнате, где заблудился свет
немного пыльно.
Но в каждой пылинке
счастье и
маленький
жёлтый букет.

Тайна

Лиза знала, почему надо молчать.
Знала – тайна!
И что будет невыносимо стыдно,
что щёки вспыхнут. Знала.

Проиграла.
Со злости, из-за обиды...
Мсть – пусть знают все:
«Зассыха»

Все отошли в сторону.
Тишина.
Кажется, весь двор замолчал,
даже подвальная кошка исчезла.
Только огромные глаза
и обморочная бледность сестры, казалось кричали.
Предательство.
Сколько им было?
Шесть лет? Чуть больше? Лизе, наверное, шесть.
Полвека носит в себе предательство.
Стыдно напомнить, невозможно исправить.
Вдруг сестра про это забыла...
А Лиза помнит.
Она – могила.

Ожог

Я ещё не знаю, что означает слово «проститутки»,
но чувствую, это что-то не совсем хорошее.
– Чужая ноша, –
Баба кричит с такой силой, что глаза выходят из орбит.
Жалко её.
Всегда недовольная, всё прокликает кого-то...
То дочь назовёт шлюхой,
то крикнет ей: «Чтоб ты не разродилась».
А теперь мы – два отцовских хвоста – ей достались.
Достали...
Злая баба, от злости и умерла.
Но наш отец ушёл раньше к своим дедам.
Не пожил
в счастье.
Достали...
Сколько же было в этой жизни страшных слов,
брошенных просто так...
Они собирались в большие шары – перекаати-поле,
чувствуя волю.
И как омела обедняли всё вокруг.
Не вдруг вместо доброго места – жуткая пустошь.
Выгоревший след.
И только пепел при сильном ветре
рассказывает – как краснеет ожог,
когда подступают слёзы.

Память

Сколько ни шевели свою память,
а первой приходит китайская стена.
След на камне – и в нём вода.

Сколько раз ни взойди наверх –
будет спуск.
Ступени неровные вымотают,
зато вид вокруг
поразительно чист в своей простоте.

Сосны – свидетели чьих-то побед,
качают сиюминутный покой.
Я собираюсь домой.
Там ведь так давно не стираны занавески.

Цепенеют следы на камне, в них – живая вода.
И разве мой народ, не стена?
Прочнее камня!
Сильнее,
Сильнее,
Сильнее...
Кажется, на пороге опять революция.

Снова беда в моём доме.
И мне никогда не понять этого,
Ведь есть же хлеб на столе,
Есть кровать и тюфяк,
Но печатается шаг.
След на брусчатке, вода...
Где-то я видела это.
Стена.

Просьба

Сколько осталось –
три капли на дне,
две сойки в уме, полслова.

И каждое утро снова: «Доброе утро!»

В памяти только снег –
прозрачными каплями тает,
и может быть это и к лучшему.
Хрупкая рука тянется в пустоту,
наткнётся, опешит... спросит: Вы кто?
– А как ты думаешь, кто я?
Молчит...
А потом тихо: «Мама»
Мама?! Ах, ты, господи...

Просит: «Посиди рядом...»

141

Мамой девяностопятилетнего ребёнка быть,
словно спасать Рим:
выслушиваешь стоны гусей,
вспоминаешь, как готовить омлет,
разбалтывать комочки манной каши.
Вспоминаешь шарады,
потом стихи:
«Однажды, в студёную зимнюю пору...»
но это тоже такое счастье.

Помнишь, Господи, как просила: «Верни мне мою маму...»

Без тебя...

Не простила...
Сердце болит.
Бывает у сердца гангрена?

Теперь не спросишь: «Где ты...»
Всё на весы: годы, дети,
счастливые прикосновения.
Включаю под настроение блюз.
Вот так ломается жизнь,
а ты думала, что знаешь всё наизусть...

Друг Ося
с песней дураков и своден – «Я свободен»
с «Летящим ангелом» ...
– Guten Morgen!
– Да пошёл ты! Чай-то будешь – «Молитву блудниц»?
И по каплям Шевчуковая «Осень»
заплачет.
Гуревич молчит...

142

День разбился
на тысячу мелких осколков,
на сотню толков и кривотолков,
шелест страниц.
Доходят приглушённые звуки городского колодца,
дверных молитв.
Лечь бы на пол и не вставать...
Неделю считала часы
без тебя.
Потом дни,
поправляла гирьки часам.

Рай – это там, где тебя не ждут,
а здесь ад.
Я даже потеряла из вида луну,
разучилась смотреть в WhatsApp,
а ты пришёл и сказал:
– Смотри, это тебе, на...
В руках, играя, светится луна*

* строка из стихотворения Сергея Кодеса

Если я уйду...

Если я уйду,
ты не кричи сильно,
что свет закончился.
Это неправда.

Если вернусь оттуда,
не обнимай сильно.
Я только привижусь,
не догоняй.

Пусть сойдут несколько снегов
и несколько первых гроз отшумят...
Ты поймёшь, что метели поют поминальные песни,
а ливни – осанну.
Все слова тебе знакомы давно...
Давай помолчим.

Жили-были...

Птичка

Держишь птичку в ладонях
и думаешь, полюбуюсь и отпущу.
Но не отпускаешь,
потому, что Димка тоже хочет поддержать живую птичку.
Самое счастливое – ощущение тепла в руках.
Радуюсь, даже не осознаешь насколько ей плохо...
Слишком неумелые детские души.

Кошка

Могла купить золотую цепочку,
или клёвые кроссы...
И была бы счастлива ещё два дня, примеряя вещицу.
Но купила два дня жизни для кошки.
Она смотрела в мои глаза
и я чувствовала, как больно её душа перетекала в мою.
За эти два дня я научилась видеть в темноте.
и разучилась говорить.
Кошка, я тебя вижу...

Собака

Тебя нет.
Ты не нашла меня.
Или не так:
я не нашла тебя.

Кто хочет

пистолет заряжен
повернись правым боком ко мне
подними руку
выпрями её
где твоя хватка
сдай корпус чуть назад
меться в меня
наводи туда куда хочешь выстрелить
мушка под сердце
пусть оно лежит как солнце на ладони
затаи дыхание
теперь медленно нажимай на спусковой крючок
мимо
слово
птица
пуля

Настоящее

Настоящее заканчивается быстро –
Раз и нет настоящего.
Есть только воспоминание о нём –
что в нём было настоящего по-настоящему.
И никогда не подумаешь,
что настоящим мог оказаться только брошенный взгляд.
Не смейтесь, так и говорят «брошенный»,
как будто кто-то с силой его бросал.
А на самом деле просто ты посмотрел внимательно
в мои глаза
и это было то самое настоящее в настоящем.
И я теперь это помню.

Мы смеялись с тобой –
это были самые счастливые минуты.
Потому, что смеялись вместе –
не стесняясь,
не прерываясь...
Смех – это то, что нельзя подделать,
он как эталон настоящести, когда двоим
и хорошо
и свободно.
Много позже, когда мы уже не смеялись,
а ждали, кто засмеётся последним,
я уступала.
Мне было легче это сделать,
помня, как мы смеялись вместе.
И даже теперь, когда мы зашли в опасную зону молчания
и настоящее стало походить на кривое зеркало,
нет-нет, да и услышу смех, хранящийся на антресолях.
У нас есть будущее.
Мы его бережём.
Оно на нас смотрит.
Когда оно на нас свалится,
мы рассмеёмся.

Июль. Среда

Июль. Среда.
Не ищи причин, просто приходи.
Я научу тебя раздеваться.

– Ты прекрасна...
– А ты ужасен,
но... мы ещё увидимся?
– Я напишу.
Ищи в газете свои инициалы и адрес.

Июль. Среда.
Не мойся, я буду тебя купать.
И фотографировать.
– Нет, нет, нет!
– Да.

Июль. Среда.
– Давай позовём ещё кого-нибудь...
– Нет, нет, нет!
– Почему?

Июль. Среда.
Не ревнуй.
Не ищи меня.

Ищи свои инициалы в объявлениях.

Июль
превратился в газетное объявление в газетной колонке,
просто в газету.

Август. Среда.
Хочется стать рекой.

Доротея

Художник Адриан Борда

Доротея, держись за свет
и лети над пропастью голубой.
Ничего в этом мире нет
кроме войн, кроме горьких бед
и крестов над чёрной землёй.

148

Ты единственная из них
умеешь свободно летать.
Помнишь, как спросила у меня:
– Зачем?
Зачем эта боль,
зачем распрямлять так руки...
Улыбнулся – такая свобода, такая судьба у тебя.
Ты – дарована богом, но
они попытаются распятать тебя.

А теперь спасайся!
Они не простят иных.
Им убить тебя проще, чем поверить,
что способности заложены в чистой человеческой природе.
У них, у каждого живёт червь сомнения.
Червь убивает, поэтому они живут на земле,
и никогда в небе.

Доротея, держись за свет,
не складывай свои синие крылья.
Они не поймут ни тебя, ни твоей жертвы,
даже если вырежут сердце
и измерят длину твоих рук.
Доротея, они считают до двух,
и ответов у них два: да и нет,
но «нет» – самый частый.

Помнишь, как пришивал пёрышки,
подбирая одно к одному...
Я дал тебе жизнь,
пожалуйста, не разбейся,
держись!

** Доротею придумал болгарский писатель Павел Вежинов в своей повести «Барьер»*

Тревожные птицы

Тревожные птицы кричат...
Ты слышишь их – «скиир...»?
Сколько это будет продолжаться?
Я устала. Они зовут меня ввысь.
Моё сердце им стало гнездом
и сейчас я чувствую боль в груди,
слышу их клёкот.
Я по-птичьи давно понимаю
и знаю, идут дожди...
Обними меня
и не отдавай никому – ни знахарю, ни врачу,
даже если я волосы вдруг состригу,
даже если я крылья себе смастерю.
Просто прижми меня крепче и прислушайся.
Мне не хватает воздуха, хоть небеса в груди,
губы синеют, и в карих глазах плещется синева,
такая, что плачут стрижи.
А видит ли нас господь?
Прижимаюсь к твоей груди
и слышу диковинных птиц, раздирающих плоть.
Скиир... Зовут за собой в путь.

Нян

Сон Нян, ты быстра, как ветер!
Стрела обгоняет звук,
догоняет свет.
Прямая.
И только тебе верна.
Такой у тебя взгляд.
Такой лук.

Розовый конь надежды
слишком быстр.
Кто ловит мысль,
уже в седле.
Решение – ход.
Жизнь или смерть...
Всегда находясь между.

Давно позади эра встретившихся рук
и душевных ран,
но так же, как и тогда,
тебя догоняю.
Ты первая, кого увидел, когда повзрослел.
Ты первая кого запомнил.
И солнце назвал «Нян».

Про звёзды

Художник Владимир Вологов

– Бабочка! – задохнёшься на выдохе.
Затаив дыхание, подбираешься ближе, ещё ближе,
ещё...
Застываешь!
Превращаешься в цветок, в пыльцу, в воздух.
Видишь, как крылышки колышутся –
то, раскрываясь, то снова складываясь,
словно колышется огонь.
Красивая!
Лёгкая, как мечта!
Не улетай!
На этой поляне живёт настоящий принц цветов!
Ты берёшь нектар
и даришь души самым мелким пылинкам,
а я наблюдаю как создаются новые васильковые миры.
Принц напомнил о своём появлении тихим звоном лилового колокольчика –
Динь-дилинь, он пришёл вовремя...
кто-то же должен развлекать бабочку!
А я побегу расскажу всем –
звёзды выращивают из васильков!

Нюша

Она вдруг исчезает из твоей жизни,
падает с неба и всё...
А ты остаёшься наедине с её дневником –
читаешь, и слёзы из глаз срываются в твою пропасть...

Провинциалка...
Сколько раз ты смеялся над ней,
придирчиво осматривал её гардероб,
называл Нюшей.
и позволял оставаться одной...
Но она
каждый раз летела по первому зову,
льдинкой замирала в объятьях.

Была смешной...
Писала в дневник стихи,
которые никто не читал,
дарила подарки на даты,
которые ты не помнил.
И только теперь... Ты бы всё поменял.
Успев отложить дела,
познакомил бы её с родными,
с друзьями,
с бывшей
и
со всем миром...

Или нет.
Спрятал бы от мира,
сберёг от косых взглядов,
чтобы всегда была рядом,
чтобы сердце её не стыло,
чтобы руки держали с жаром.
Научил читать ноты
и водил на концерты, в театры,
а по выходным кататься на сапе.
Это было бы для неё новым...

Но она умела читать мысли,
сложные, которые не дают покоя.
Вот и... крылья сложила
На невообразимой для тебя высоте.
А ты
не успел,
не сказал,
ни слова...

Ночью начал читать стихи.
И каждую ночь снова...

Зима

Картинка из Интернета

Белые незабудки снега –
провеянные, просеянные,
вбитые ветром в длинные юбки,
так и застыли.
Запеклись на холодном солнце.
Сверкают, искрятся...

На манекенах платья и пелерины,
до конца не вышитые.
Белошвейка заказала сахарные сугробы,
белых лисиц и мценские кружева.
Ждёт со дня на день метель...
Осталась всего-то неделя
до белого рождества.

Жасмин расцветает в фарфоре.
Чашечка терпкого сбора – глоток или два.
Ромовая баба сочится,
наполняется мёдом душа.

Бывало, хозяйка уронит кусочек счастья –
достанется тут же коту.
Когда белошвейка берёт иглу,
весь мир замолкает.
Слушает только её одну.
Сколько зима продлится,
почём будут кружева,
как будут носить меха...
Танцует стальная иголка,
ширятся покрова.

Дом

На чистом снегу легко рисуется.
Настя чертит палочкой на снегу
веточку, ещё и ещё...
Вырастает дерево. Потом – дом.
Обводит всё это неровным кругом.
Пробует снежинку на языке.
Водит палкой по снегу –
рисует рукавичку снеговика и рядом папу.
У папы большие глаза.
Надо нарисовать лопату...

Однажды выпал мокрый снег.
К обеду, правда, растаял,
но она помнит снеговика –
синее ведёрко на его голове и глаза – угольки.
Вместо шарфа – зелёная мишура.

А сейчас...
оглянулась на ёлку посередине двора –
набрала под ёлкой иголки и...
Вот, уже на дворе – трава,
на траве дрова...
А Настя в мыслях уже далеко –
сама в красном платье, косички с бантами.
Её подбрасывает папа так высоко
что, кажется, так и останешься невесомой,
похожей на облака. Но папа ставит на пол -
шагай ногами, Настюша.

Приключения. Их столько в этом мире!
Но никто не сказал, что поджидает за каждым углом.
Вот тебе и дорога, вот тебе и детдом.
Рисуй снежинки, как свои банты – белые, белые.
Шепни Деду Морозу: «Хочу домой ...»
Только тогда поймёшь,
что дом – это сто три кровати и
сто три желания: «Хочу домой».

На чистом снегу легко рисуется.
Глокает снежинку. Щекотно на языке –
просится слово: чудо. Но загадала –
завтра уйти отсюда.
По льду уйти.
По реке.

Сорок пять

Сорок пять.
Не смотри в небо –
ищи своего ангела на снегу
среди лепестков белой сирени.

Не принимает небо –
обними землю.
Научись другому полёту –
закрываешь глаза – паришь...
Белый ангел будет с тобой.
Назови его Ле, обними, согрей.
Накорми зимней вишней,
травой-лебедой, горошком.
Расскажи свою жизнь, всё как есть –
про крест до небес и про то, что теперь ничего не нужно,
только собирать слова, и вплетать их в косы...
Косы-глаза раскосы и маковка на родничке.

158

И иди с ним хоть молча, а хоть смеясь...
Улыбнись неизвестно чему,
словно сошла с ума,
словно сошлись слова...
Выращивай то плач, а то спич,
обнажая корень «любовь»
исцеляя всё, что на «ты».
Забывай имена любви,
не грусти...
Ты же раньше была смешливой.

Маленькими глотками свобода – не ядовита.
Впереди твоё небо, оно открыто.
Улыбка болит, слетает молитва.
Знаешь, ты наверняка это знала –
в сорок пять
легко
начинать
сначала...

Только выучи «Правило неопита»,
Выучи «Правило невозврата»

Не бойся.
В сорок пять – все такие растерянные как ты.
Вчерашняя гостья вообще уселась в снег и давай рыдать...
Нет-нет, не делай этого!
Ну вот...целый океан,
Горький,
солёный,
бездонный...
Где взять морских волонтеров?
Да, здесь я, твой Ле, в рукаве,
захлёбываюсь,
выпил, наверно,
море...

Садовник

Пу И молчит.
Тишина повисла над прудом,
притихли камни и цветы.
Последний император Китая провожает день.
Тени прошлого не беспокоят.
Только нежные орхидеи-туфельки
напоминают о дворцовом саде,
о равновесии небесных сфер,
о роскоши молчания.
В отшельничестве красота более доступна.
Садовник закрывает ладонью ракушку солнца,
слышит последний крик птицы:
«Сын неба...»
Пу И молчит.

Собачий день

Бывает же такой собачий день...
Выбегаешь на улицу и понимаешь, что зонт забыла.
Хорошо, что есть капюшон.
Бежишь, но всё равно не успеваешь.
«Твой» автобус отходит,
и ты остаёшься с невесёлыми мыслями на остановке.
К двери кабинета подбегаешь минуту в минуту,
и следом заходит начальник.
Говорит какие-то слова,
но ты ничего не слышишь после слова «уволены».
В кармане нет денег на обратный путь,
до дома часа три пешком...
За ипотеку не внесён платёж за прошлый месяц.
Котейке не куплен корм.
Как ей объяснишь, что денег нет
и что надо попить, когда хочется поесть.
О чём говорит начальник?
Как он похож на бультерьера,
Точно – большая крыса!
Крыса-убийца.
Ну что за собачий день...
На улице промозглый ноябрь.
Воздух обжигает – скоро пойдёт снег.
Придёт Новый год, загадаю желание –
доброе волшебство, как в детстве.
Мама, ты меня ещё видишь?
Что со мной не так?

Забей

*Всю жизнь я дул в подзорную трубу и удивлялся,
что нету музыки. А потом внимательно глядел
в тромбон и удивлялся, что ни хрена не видно.*

*С. Довлатов из письма к Людмиле Штерн,
апрель 1976 г, из Ленинграда в Нью-Йорк*

Метлой забивать гвозди, а молотком подметать
не получится – не сердись. Ты – творческий чечевек
ты же всегда знал, что метла – это такой самокат,
из топора – кашу сварить, а потом не забыть – зарыть.
Молоток в руках – дома ставит на век.
Но ты другой.
Твоя задача с печалью – стихи чеканить в тетрадь.
Каждое дело важно, главное будь собой.
И если нравится шарфик,
носи его холодным летом и тёплой зимой
Понадобится шарфик ещё...
Забей на работу,
Забей на стихи,
Забей на всё.
И рифмы забудь и слова,
но если мыслей – сырная голова – режь на тонкие пластики, коли сырным
ножом
Главное не кто сказал: я – гений, а кто был на деле большой.
И мало ли дождь,
и мало ли снег...
Бери метлу и мети этот
текст-дождь –
снег-текст,
че
че
век

Брат

Художник Жамсо Раднаев

У художника нет выбора –
он пишет то, что видит.
Его сердце зорко
и глаза различают больше оттенков белого.
Мальчишка пишет легенды своего народа.
Его зрители птицы,
его учитель природа.
Малец не копирует, но чувствует движение...
И оживает воин.
«Он может убить птицу на полном лету,
на всём конском скаку попасть в стрелу» –
так рассказывал убгэн аба,
примеряя на внука халат вечного синего неба.
И теперь южный вход охраняет брат
и его белый конь, как седой Байкал –
и могуч, и красив, и славен.
Отложил свою кисточку маленький брат
и давай догонять жеребят...
Эхом летит боевой клич – хуурай!
Над юртой курятся белые облака.
Сокол судьбою кружит.
Кисточка сохнет до завтрашнего утра.

Убгэн аба – дедушка по отцовской линии

Брат – бурят

Хуурай – вперёд. Вероятно, что от этого монгольского слова произошло русское – ура.

Ведьма (монолог телефона)

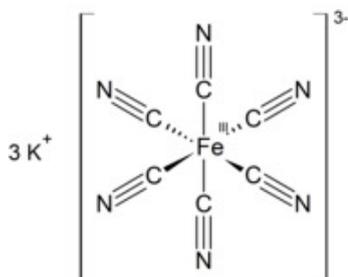
Представьте,
только на минуту представьте –
внутри вас цифровое море.
Оно везде! Сигнал: ноль, один.
Этого достаточно чтобы создать мир.
Я создал его для неё одной!
Это наш мир –
звнящий, бодрящий, как глоток шампанского на морозе.
Она заполняет мир цветами, закатами и откровенными фотографиями.
Я краснею...
Мы с ней стали первоосновой, одним ядром.
Она – моя жизнь и радость,
и нам вместе необъяснимо хорошо – до смеха, до боли, до безумства...
Я часто предвкушаю её дыхание,
дающее силы делать невозможное –
подолгу молчать и слушать её тишину.
Но иногда судьба виляет своим крысиным хвостом,
в её голубых глазах сворачивается небо, она плачет.
От её слёз я старею, чернею и падаю.
Море-горе...
Затихнув, она находит меня, долго смотрит – будто сквозь...
Но жизнь берёт своё!
Мгновение – полифония ревёт...
Сейчас мы начинаем игру на вылет!
Лети сигнал к неизведанным мирам,
ищи контакт, создавай события...
Разгоняй радость, разгоняй печаль, пусть сердце сжимается на оборотах
мысли.
И ты летишь, ещё не Маргарита, но уже не Ева –
бесшабашная, гордая, способная побеждать тело,
вынимая, если надо, душу.
Не стану врать: моя хозяйка – ведьма.
И это только одна из её маленьких тайн.

Ягода

Она брала ягодку и аккуратно клала её в рот.
Ягода растекалась сладостью.
Мама становилась моложе –
лёгкая улыбка пробежала по её посвежевшему лицу.
Наверное, малина...
У меня так не получится:
не отрываясь, смотрю на руку, берущую из воздуха ягоду.

Человек может быть счастлив здесь и сейчас?
Ковыль ещё не скоро покроет взорванную землю.
Наверное, она заслужила не знать про жуткую войну.
Вой
Ну...
Господи, я вижу, что мама счастлива.
Я тоже хотела бы есть ягоду на краю жизни.
И пусть будет лето... Резеда, подорожник, ромашка.
И дочь рядом.
И дом.
И до...

Красная кровяная соль

Графическая формула красной кровяной соли

Человек существо многоэтажное...

Н.А. Бердяев

Химия. Школа.

– Хватит давить щёки. Баранова, к доске!

Щёки только у меня одной.

Молчу...

Химия. Институт.

– Всё хорошо у нас. Все работают. Списывает одна Баранова.

Что за бред?.. Я – единственная кто не списывает.

Я точно знаю, что не знаю свой билет.

Отдыхаю...

Ленка: «Баранчик, прикрой»

Сажусь вольготно. Наполовину прикрывая худющую Жирову.

Ленка-зайчик – трясётся на своём стуле так, что у меня ручка ходуном ходит.

Заяц – не трясись, поздно уже.

– Баранова, даю Вам последний шанс: нарисуйте графическую формулу красной кровяной соли.

Нет, только не это... Она сама-то её вспомнит? Кому нужна эта «квяная соль»?

– Жду Вас на пересдачу.

Этажи жизни...

Химия. Война.

Квяная соль повсюду.

Формула – красная снежинка.

* Формула красной квяной соли $K_3[Fe(CN)_6]$

Лайло

*...тетя Гуля до ночи стоит на посту,
Улыбается ветру, глядит в пустоту
Елена Уварова «Солдатик»*

Лайло собирает дожди.
Ни у кого так не выходит просто.
А Лайло берёт их за хвостик
и сматывает в клубки.
Вяжет свитера для мужа и для детей
чтобы были как все, в этой далёкой стране.
Лайло играет на солнечных струнах
мелодии света,
вспоминая Кофарнихон,
Ромитское ущелье, горную сказку...
Лайло любит вспоминать
как бабушка рисовала чакан,
смотря на замороженное окно.
Водит Лайло пальцами по узору
и распускается цветок морозного солнца –
Шухрат, Рахмати Калон.
А завтра снова собирать снег, подметать дождь...

*Лайло – в переводе тёмноглазая.
Кофарнихон – река в Таджикистане.
Чакан – вышивка – пожелание и оберег.
Шухрат, Рахмати Калон. – Мир Вам и Вашим близким.*

Наследство

*Мои верлибры – диалог вечерних теней
с лучами простодушного рассвета,
песня тоски по идущим к смерти.
Артур Кулаков «Весенняя песня»*

Всё, что осталось в наследство –
Память о тебе.
Нежное облако воспоминаний –
солнечный день, руки, плетущие косы.
Голос... не помню, помню тепло и свет –
долгое, долгое эхо.
– Мама, возьми с собой!
– Нет, ещё рано.

Быстрое небо годы листает по три.
Вот и я
увидела свет морщин,
свет прозрачных волос
и прозрачных глаз.
– Мама, как я тебе в этот раз?
– Всё ещё рано, дочь.

Кофе на берегу...

Художник Роман Величко

Если тонешь кружком лимона в чашке чёрного кофе –
не совсем, но уже представила,
если салфетка мокрая и ничего совсем ничего не вмещает: ни мыслей, ни слов,
ни букв,
и волна такая большая на подходе к глазам (смотри ссылку – цунами) – не
держи её.
Пусть падает, подсаживая и так солёное море.
Небо со дна кажется по-морскому зелёным...
мутным, холодным, горьким.
Но всё, хватит тебе тонуть, довольно на сегодня кофе... и крика одинокой
птицы.
Давай, соберись – небо ещё возвратится, лёгкие возьмут воздух, и ты
полетишь.
Ничто не удержит лёгкую душу.
Сердце оставь на том берегу и слушай...
Гармония правит миром – камни к камням.

Гвоздь

*Человек человеку – всё, что угодно...
В зависимости от стечения обстоятельств
С. Довлатов*

Человек человеку – мир.

Человек человеку – лист.
Удивляются, знакомятся...
Слышишь, как переговариваются?
Потом полетят.
И хорошо, если в одну сторону.
Иначе даже не узнаешь, как ему там – хорошо, плохо ли.
Себе-то без разницы.
Но представляешь, что он всё ещё летит
красивый, как и тогда...
Эта мысль согревает, но ты чувствуешь, как снаружи пробирается холод.
Теряешь расцветку уже к утру.
Перламутр не красит седину.
И тут кто-то на тебя наступает.

170

Человек человеку – прах.

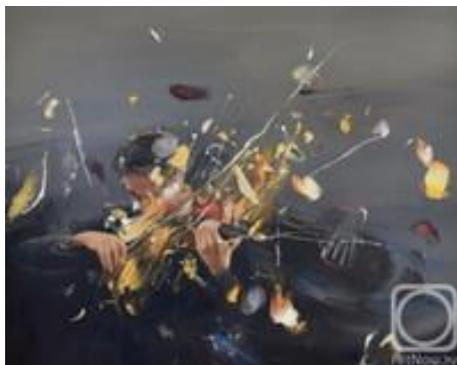
Человек человеку – дождь.
Я вчера к тебе приходила,
ты завтра ко мне придёшь.
Приходи.
Узнаю тебя по стуку сердца.
По тому, как озноб переходит в дрожь,
по тени, по шепоту.
Вчера уделителя всю переписку.
Нет тебя больше.
Дождь.
И хоть умирай.

Человек человеку – гвоздь.

Выйти из комнаты

Хочется уйти из этой комнаты
медленными шагами,
не оглядываясь.
Как уходят из жизни – молча, ни с кем не советуясь.
Взять только блокнот –
для заметок.
И записать уравнение, а рядом своё удивление
на языке гор, ран или мор.
Я понимаю наречья.
Давай же, пора,
пора...

не было любви

Художник Александр Скулкин

не было любви
не было
однажды вспышкой
страсть до забвения
казалось – не сможешь дышать
без его дыхания.

172

Но что-то сломалось
сердце не запускалось
то дышишь, то не дышишь
холод рубцов и жёсткость линий
глубокая пропасть под ногами
не было любви

страсть
потом обязательства
много обязательств
но не было любви
пока вдруг не спросили
это ты
это я
и закружило

Китайский халат

прячется от себя
и от всех
сумасшедшая
пьющая слова
читающая деревья
пишущая реки

лопается гранат на солнце
зёрна
брызжут соком
откуда в нем столько
кто сосчитает семена любви

она мысленно вымешивает глину
будет чаша
будет в ней яблоко
хурма, гранат
виноград

173

представляет китайский халат
в любимых пионах

реальность
день
ночь
кетчуп кровью
капает на майку-алкоголичку
на округлившуюся грудь

отец слепой совсем
мамин бюстгальтер давно невыносимо жмёт
а где ей взять другой

подходит к зеркалу
бинтует грудь
перед выходом глотает лёд
когда она вырастет
у неё будет много-много кружевного прозрачного

и яблоч
и китайский халат в белоснежных пионах

не будет только
стихов
от которых реки текут

Синева

И как бы не хотел переломить ситуацию,
а ситуация ломает тебя.
Дает тебе балансир.
Дает направление – иди!
Принимаешь неравенство исходящих моментов,
наступаешь на певчую струну судьбы.
Скользишь, переминаешься, чувствуя облака.

Вспоминаешь всё от начала начал.
Балансир похож на хорды тугих плавников
и прошлое остаётся, как шлейф хвоста.

Обрастаешь ракушечником и чешуёй
и в небе чувствуешь себя хорошо,
словно бог, хранящий семена цветов.
Изредка вспоминая жабры
и то, как качала тебя река –
прозрачна и глубока.

175

Откуда-то берётся третье дыхание
Стремись – иди!
В каждом есть вера, что всё ещё впереди –
солнце на ниточке,
быстрая синева...
Ты пронесёшь любовь,
а после пойду я.

Горлица

Всё равно вижу птицу.
Форма – не более чем условность.
Можешь назвать меня фантазёром,
ничего не изменится.
Я помню, что умею летать.
Знаю ощущения полёта.

Ты тоже могла бы...
Можешь же видеть иное –
новую тему, новую фразу, новое раз от раза.
Видишь белое пятно на небе?
Думаешь, слепая дыра?
Нет, это огромный огненный шар.
У тебя такой же в груди.
Чувствуешь боль?
Пиши...

176

А я вижу милую горлицу.
Взмах её крыльев
и белый пушок подкрылья.
Серебряную грудку – жемчугом ожерелье.
Журчанием дождя – переливчатый голос.

Не ливень,
не путай.

Давай свою руку,
давай открывать космос.

Запах полыни

запах полыни
пыль на подоконнике
пески Монголии на моих подошвах
щёлочки глаз хитры
ты самый любимый
мои глаза округлялись от удивления
как же ты раньше жил
но чаще
зелёные ящерицы глаз играли в перегонки
спокойно рядом
улыбчиво
превращение сердца в цветок
на мгновение
жизнь прошла
на подоконнике пыль
запах полыни
песок на моих подошвах

Не дышишь

Ничего не исправить.
Не написать, не надышать заново.
Тревожно.
Частичный анабиоз.
Это ещё не конец, это только вопрос.
Но почему-то ребром, ребром...

Вытянешь книгу,
как сейчас из себя достаёшь строки.
Тянешь шёлковую нить,
мотаешь на бамбуковый локоть.
Создаёшь кокон.
Замираешь.

Фиалки на окне цветут розовым пламенем.
Закат фиолетовой дрожью...
Радостно видеть.
Молчать.
И видеть их нетерпеливое дыхание.

178

Каракатица ночи зальёт всё чернильным страхом.
Не дышишь.
Сколько сможешь?

Завтра наступит завтра.
Книги шуршат листвой столетних деревьев.
В них прячутся тени человеческих душ,
иначе никак.
Иначе они тоже мертвы.

А начиналось всё с кофе...

Кофе с молоком.
Молочные пенки кружатся,
а я смотрю сверху вниз.
Подкручиваю ложечкой их танец.
Люблю минуты одиночества,
когда вокруг мир такой,
каким его хочешь видеть.
Без сахара и слёз.
Только вкус настоящей горечи,
нежного очарования тишины
и наслаждение настоящим.
Пишу: «Согласна на рай...»

Ухожу в себя

Четыре часа утра.
Раскрываюсь – жарко.
Комар.
Закрываюсь – жарко.

Звёзды есть, но их нет.
Темно и жарко.
Не уснуть.

Кофе по ночам – плохой знак.
Но зато стихи рождаются – блеск!
Элочка?

В пекарне включился свет.
Воздушные булки с корицей и миндалём,
круассаны со сливочным и шоколадным кремом.
Творожные крендельки...

180

Я люблю хлеб.
Настоящий на закваске
с вяленными томатами и розмарином.

Надо выйти в осень.
Список в уме.

Перед выходом размышляю
капюшон или зонт...

В подъезде соседка со стареньким отцом –
тоже не спится.

Как он сдал...
Тебе – нельзя.
Начинаешь держать осанку.
Пара фраз
о погоде,
о ценах,
о детях

Всёхорошо...
Полуулыбки.

Свобода.
Ветер обнимает и несёт через сквер,
через дорогу,
к пекарне.
Там вкусно и недорого

Ты уже ждёшь.
И я слушаю
как дождь выстукивает:
о-сень
о-сень

Твоим голосом, с твоими интонациями.
Представь себе...
Кофе со сливками не помешал бы
Люблю горечь глотать маленькими глоточками
и слушать
вспоминая звуки из давнего детства.
Дзиньканье струй по жёлтому эмалированному ведру,
лёгкий шорох калитки,
бестолковые удары мухи, бьющейся в окно,
и тишину поднимающегося теста.

Две осени молчат
Каждая о своём.

Твоя, о Мире.
Моя, о мире.

Закрываю глаза. Ухожу в себя.
Молоко, калитка, муха, тесто.

Пыльца на запястье...

Какая-то часть меня осталась там –
среди янтарного песка,
рядом с холодным морем.

Я до сих пор помню сосны,
ветер, запутавшийся
и приносящий то аромат смолы,
то вдруг ноты моря
с привкусом тины и рыбы.

Что мне в них?
Крыло синей бабочки задело кожу,
пыльца на запястье...
Зелёный янтарь.
Так много и так мало счастья.
Прячу в себе.
Уже не отнять.

Кормушка

Солнце сегодня не исчезнет.
Убери руки с глаз.
Ушедший друг не позовёт.
Ворона прокричит дурёхой:
«Кто капитан?»
А тебе не вычерпать слёзы до дна.
Осень дышит холодом.
Вдохнёшь её горечь и
выдохнешь скорбь.
Как ты не милостив.
И всё же...
Птица
совьёт гнездо
по весне.
Сделай кормушку.

Озеро

Помню
тёплые губы,
васильковые ночи,
солнечный оберег.
Ты заставляешь меня улыбаться.

Говоришь, что знаешь место,
где звёзды целуются целую ночь.
Верю.
Отражаюсь в глазах.

– Выгнутый мост.
Чугун и камень.
Белая птица над озером,
в котором отражений нет.
Хочешь, проверим?

– Там нет моста.
Но мы идём...

Солнце садится в пламя.
Озеро мыслей августа
Копирует имена.

Твёрдые формы (триолет)

Лунная черепаха

Проплывала луна в ночи –
серебристая черепаха.
Целовал, показал: молчи...
Проплывала луна в ночи.
Помнишь, шелест волны: ши-чи...
Прилипала сырая рубаха.
Проплывала луна в ночи –
серебристая черепаха.

В розовое море ныряй... Нырнёшь –
не оглядывайся на буйки.
На закате огромный ёрш
в розовое море ныряет: «Ошш...»
Горизонт пробирает дрожь,
до рассвета идут круги.
В розовое море ныряй... Нырнёшь –
не оглядывайся на буйки.

185

В чудесном, забытом, оранжевом мире
цветут необычные мысли на грядках,
туманные розы вздыхают в тетрадке,
цветёт абрикоса и вишня в квартире.
И снятся они золотой куропатке
пекущей оладьи на постном кефире.
В чудесном, забытом, оранжевом мире
растут разноцветные строки на грядках.

Испуганная, нежная
на теле дышит лилия.
Встревоженная: где же я,
и дикая, и нежная...
Тут взгляды ловят грешные –
изогнутые линии.
Испуганная, нежная
на теле дышит лилия.

Птичье

Дай сегодня отдохнуть немного,
не кукуй, родная, в ранний час.
Сонна даже лунная сорога,
Дай, кукушка, отдохнуть немного.
Покидать уютную берлогу
утро не спешит, едва сочась...
Дай солдатам отдохнуть немного,
не кукуй, родная, в ранний час.

Голубоногая олуша
кроит из тучи облака.
Развесив небо на просушку,
Голубоногая олуша
неспешно навалит суши
и подперев свои бока,
голубоногая олуша
глядит, как тают облака.

Всё идёт своим чередом...
Чаюпить-вьютить-пить-поскккоррей –
дрозд вот-вот разбудит весь дол.
Всё идёт своим чередом –
солнце пудрит нос над прудом,
заскрипели петли дверей...
Всё идёт своим чередом –
чаюпить-питьчай-поскккоррей.

Фотография

Фотография –
маленькое окошко
в оранжевый мир.

Вдруг оглянулся –
Захотел сказать что-то...
Как тянется миг.

Ветер в голове
перемешал мне мысли –
рождение стихов.

Сидя на песке
просеиваешь вечность.
Стекает время.

Сон искажает –
улыбается мама.
Закрою глаза.

Уткнулась в подушку
Думая, что в облако.
Пахнет слезами...

Кувшинки

Восемь кувшинок
улыбаются солнцу,
жизнь – это просто.

Поёт веточка
розовой акации –
о любви слова.

Горячий камень
божится: Рай без цветов.
Зовёт черепах.

Горсткой кувшинок
Слёзы седьмого неба –
медведицы след.

Черепаша сомнений

Не спит кувшинка.
Качает вселенная
тихую заводь.

Нож сознания -
ученик и учитель.
Не ведаю зла.

Состарился день
кожицей спелой хурмы.
Семена в душе.

Ночь бесконечна.
Черепаша сомнений
встречает рассвет.

189

Галахаду

зовёт белый волк
в полнеба звезду видит
жмёт небо в груди...

Горькая клюква

идёт слепой дождь
щедро раздаёт жемчуг
обходит меня

душа ослабла
сосредоточенность дня
чёрный зев ночи

вдвоём дождёмся...
наливаю в бокал дождь
холодом брызги

горькая клюква
даже в сахарной пудре
иней на губах

Весенняя чехарда

Веснушки! С небес
распылил кто-то охру.
Смеётся солнце.

Грачиный базар –
блестят в азарте глаза.
Звёздное небо.

Чуть дрогнула кисть –
сажа легла на ветвях.
Грай. Шорох крыльев.

Окно закрыто –
не смотри на меня дождь.
Солнце на руках.

Осенняя свежесть

Спорят воробьи
о сорванном колоске.
Зёрна по счёту.

Спит пень в опятах
и видит грибные сны.
Уснуть бы с тобой.

Хищный, ажурный
папоротник на камне.
Сердце не камень.

Медная ваза

Медная ваза
хранит сухоцветы.
Хрупкое счастье.

Замер человек.
В дверном проёме светло –
слепит первый снег.

Синичья стайка
напоминает солнце.
А небо мёрзнет.

Снежинка мёрзнет.
Согреть бы дыханием,
но холод внутри.

Весна по расписанию

листик фиалки
отломился от куста
прошу выживи

стрижей не слышно
молчит пятиэтажка
стылая весна

почти век душе
а всё о любви мысли
горе и радость

Луна в чашечке чая

вянет в вазочке
букетик поздних цветов
в комнате лето

рябина дрожит
ветер достал дарбуку
солнце исчезло

ложкой мешаю
луну в чашечке чая
стихи на стене

Сугробы

Бушует метель.
На белом листе мысли
не так заметны.

Сугробы растут.
Воспоминаниями
наполнены дни.

Ранним утром
дворник лопатой скребёт.
Заносы души.

В предчувствии весны

Волнующий шлейф
весенних ароматов.
Подтаявший снег.

Трели, ноктюрны.
Ожил дом. Журчание
по водостокам.

Дразнящий запах
женщин, набухших почек.
Каменный город.

Пшённая каша

Пшённая каша
на тыкве и молоке
в старой пиале.
В маслице блинчик макнуть —
путь в золотое детство.

В утренних лучах
Перламутром играют
Пёрышки чаек.
Точно мечты разбились
С розоватым оттенком.

Держит малышка
Облаком на палочке —
Сладкую вату.
Боязно прикоснуться:
Вокруг одно волшебство.

Тишина

Моросит с утра.
За окном кажется, что
солнце размокло.
Может соринка в глазах,
расстроенных сегодня.

Зарянка поёт –
зазывает в пышный сад.
Рад пчелиный рай.
Вдоль тропинки у дома
цветы моей тишины.

Ароматный шлейф.
Розовеют лепестки
на румяной зорьке.
Прожилки шьёт тишина.
Квас на столе, всё просто.

Косточка абрикоса

Приехала на дачу к подруге, ели абрикосы, одна косточка упала на землю.

Сажаю в саду
косточку абрикоса.
Поглубже в землю.
Червячок с инспекцией,
божья коровка следом.

Возвращалась домой в середине дня. Все одуванчики раскрыты, к солнцу тянутся. Только один в тени стоит. Горько смотреть на него.

Сник одуванчик.
Солнца всем не хватает,
родился в тени.
Жёлтое море зовёт.
Щёки надул – обидно.

За домом расцвела сирень. Вспомнила о дне рождении подруги. В её день расцветает сирень.

Сирень зацвела.
Пишу об этом письмо
школьной подруге.
Желаю пять лепестков
найти в день рождения.

Твёрдые формы (японский сонет)

Джельсомино

Вязаный пейзаж. Картинка из Интернета

Выдохся ветер –
войлок несут облака.
Неба не видно.

Порванный веер
в лужице море лакал.
Небо невинно...

201

Долька лимона горчит,
пахнет жасмином.
И раскричались грачи
вслед Джельсомино

Проклятье

Вышивка Хлои Джордано

202

Старая скатерть.
Новую скрыла дыру –
вышивка гладью.

Серая паперть.
Тонкая линия рук –
Господа ради...

Грация ровной спины,
чистое платье.
Собственной нету вины –
Просто проклятье.

Твёрдые формы (хайбун)

Пучок соломы

Это была обычная русская телега, которая застряла в вязкой колее осени. Зачем она попалась мне на глаза, не знаю. Увидела, как отвалившееся колесо вмерзает в жижу, как ветром смело остатки соломы. И осталось её всего ничего – пучки, застрявшие в днище кузова. Оглобли безвольно опущены вниз. Кто тебя бросил тут одну-единёшеньку замерзать на ветру? Жизнь стащила тебя на обочину, чтобы не мешалась остальным.ловишь запахи близкого березняка, который пожелтел за ночь и застудил свои лёгкие. Теперь вы молитесь одному Богу, потому что Бога вспоминают все, кто попал в беду. Собираю пучок соломы.

близкая осень
прошу светлого Бога
о тёплой зиме

делаю куклу
соломенное детство
проснулась память

Крынка

Кот обошёл вокруг ног, задевая своим хвостом мои щиколотки. «Привет, привет... О чём ты мурчишь так громко: «Кры-нка, кры-нка...»? О близких холодах, о потерях, о последнем тёплом дне... Да, знаю. Сметану просишь, обещаешь прогнать громкую мышь, согреть подушку «под поясницу», показать синицу на окне, что прилетела на сало.» Умный кот много не говорит, но дело своё знает.

над крынкой оса
сметана отстоялась
замурлыкал кот

Чай

Домовой поперхнулся, перевернулся и превратился в сверчка. Запел песню о сломанном коленце. Солнце замерло на секунду. Занавески дёрнулись на окне, и сквозняком занесло кусочек тонкой бересты, похожей больше на пепел. Вспыхнул закат – иван-чай с душицей.

болят колени
солнце швыркает чаем
домовой не спит

Две грации

Художник Михаил Хохлачёв

Две грации – две стороны света, две грани восприятия мира. Одна – огненная – вся кровь и плоть, вся энергия и желание! Другая – эфемерная, ласковая, пьющая хрустальные воды и дающая успокоение... Её пища – солнечные лучи, она из них, кажется, и состоит. Помните... «Она в семье своей родной казалась девочкой чужой». Природа смеётся, создавая разные слепки жизни, чтобы мы могли удивляться друг другу, учились пониманию и даже где-то лёгкому соприкосновению, находя общие точки опоры. Такие разные и такие одинаковые, готовые на мелкое и возвышенное, просто люди, просто в одном спектакле жизни.

Пашенька

Художник Михаил Хохлачёв

Пашеньку подарили, как дарят куклу. С неё сняли старенький крестьянский сарафан и нарядили в красивое розовое платье. Живая кукла! Какая радость в глазах её благодетельницы! Почему же Пашенька не рада? Ей страшно. Её увезут в другую страну. И хоть название страны Пашеньке нравится, оно звучит как название чудесного цветка Ан-глия, но она не будет больше видеть своих сестёр. И от этой мысли у Пашеньки появляются слёзы. Целые реки текут в сторону дома. Англичанка рассказывает о путешествии на большом корабле, о большом доме и качелях во дворе. О том, что в доме есть шагающие куклы и говорящие птицы. Пашеньке интересно, но сердце говорит о кружевном одиночестве. Ей не нужны чужие вещи и чужие сказки. Англичанка качает пустую люльку.

Обозналась

Был апрель. Сразу после похорон мамы, в школе мне дали два выходных дня. Я слонялась по проспекту, смотрела на грязные ручьи вдоль дороги. Не думала о смерти, просто ручьи невольно напоминали. Вдруг на другой стороне дороги я увидела маму. Когда очутилась рядом и обняла её, сердце колотилось. А потом пошёл холодок. Меня никто не обнял.

Опоздание

Когда ты пропускаешь «рогатого», а автобус уходит у тебя из-под носа, даже не остановившись на остановке, ты про себя говоришь: чёрт, чёрт, чёрт. Ну почему это происходит со мной! А потом мысли несутся как сумасшедшие, догоняют автобус и набрасываются на водителя.

В аварии, с участием автобуса погибли два человека, пятеро с травмами различной тяжести, госпитализированы.

Берлинские фотографии

Весна. На фоне израненной стены сидят два друга – он и его собака. В Берлине ещё много таких чёрных отметин прошлой войны. Но есть и новые приметы времени – всё ещё пандемия, но появилась надежда на лучшее. По крайней мере, человек без маски, а собака показывает язык. Наверное, у него в кармане есть паспорт прививок. Симпатичная пара!

Я никогда не была в Берлине, но эту площадь часто вижу на фотографиях. Место притяжения. Вот две незнакомки похожие друг на друга, наверное, сёстры. Казалось бы, обычные девушки. Но всё познается в сравнении. На фоне чёрной задумчиво-скорбной фигуры сзади, девушки смотрятся особенно легкими и счастливыми.

Какие раскрепощенные и расслабленные люди, сидят прямо посреди площади

Когда человек держится за сердце, в любой стране, хочется подойти, спросить: нужна ли помощь, как Вы себя чувствуете, предложить присесть... Этот жест – раскрытая ладонка на груди – красный знак всего человечества. Остановился человек посреди площади, будто смотрит в последний раз. Поднимаются рядом сидящие молодые люди... А я всё пересматриваю фотографии, в каждой из которых есть смысл.

Сказки

В каждом доме живут ёжики. Сегодня же было целое нашествие. Некоторые не видят их никогда, наступают на маленькие лапки. Тогда ёжики забираются за шиворот, или хуже того на подушку и – прощай сон. Но ёжики любят тёплое молоко с мёдом. Ты попробуй сам отхлебнуть и оставить им. Увидишь самые сладкие сны! А ещё ёжики любят сказки.

Свитер

Она наполняет собой всю мою сущность. Самое приятное – это прикосновение к её телу. Кажется, у меня натягиваются все нити – она божественно дышит, и я попадаю в унисон с нею... Она меня любит, и это чувствуется. Мне показалось, что у нас одинаковый запах моря и лесных ландышей. Но зачем она снимает и замачивает меня в порошке?

Впопыхах, он оставил свой тонкий кашемировый свитер, который спрятался в кресле. Я сгрэбла его и вдохнула аромат, а потом надела на голое тело. Слегка большеватый, но он так ластится, и пахнет тобой. Закрываю глаза, и расслабляюсь окончательно – мечты пьянят. Надо всё же постирать свитер, пусть никто не заметит моего нечаянного присутствия, не прочтает мои мысли.

Советская школа

Советская школа. Середина восьмидесятых.

Техническая комната, в которой стоит спортивный снаряд, называемый почему-то конём, цинковые вёдра, старая швабра и ещё какие-то не очень интересные вещи. Большая перемена. Нас трое на спортивном снаряде. Не сразу попадаем в такт, но вот получилось и с задраным низом формы танцуем канкан под весёлые вопли: «Красотки, красотки, красотки кабаре...» Улёт!

Эрика Эдгаровна

Эрика Эдгаровна, учитель немецкого языка и истинная немка, любила детей и иногда закрывала глаза на их проказы. Но такого даже она не могла представить. Три лучших ученицы в подсобке задирают ноги до потолка!

– К директору! Быстро!

– Как это понимать? – директор оторвалась от своих неотложных бумаг.

Женька была посмелее:

– Мы репетируем, – уверенно произнесла она, – новогодний номер!

Грязные танцы

Техническую комнату закрыли на амбарный замок, чтобы там не приключилось никаких бед. Танец маленьких утят был гвоздём новогоднего вечера. Отвертеться нам не удалось, и три здоровых дылды, как мы думали про себя, вышли в костюмах утят к всеобщему удовольствию. Остальные вовлекались в танец и в конце танцевали все...

До появления ламбады оставалось совсем немного времени...

Личные объявления

Потерялась собака. Зовут Сын, откликается на Свин. Карликовый боксёр с добрыми глазами и жёсткой хваткой. Сбежал вчера во время прогулки, перекусив карабин ошейника, пока мы с соседкой обсуждали последние подъездные новости.

Алкоголь не переносит, особенно суточный. Любит рубленый бифштекс с глазуньей на завтрак, обед и ужин. Нашедшему отдадим игрушки Свина, и две миски фирмы Дог`s.

Прошу нашего вернуть джинсовую куртку, синего цвета, на правом локте порванную из-за схватки с соседским кобелём, когда я ночью пытался пробраться незаметно к дому соседа, чтобы срезать кабель... Эту куртку я носил с 1990-го года и в ней прошёл огромный путь. Верните, пожалуйста. Вознаграждения не обещаю, но если принесёте с собой что-нибудь для разговора, поговорим...

212

Просьба, нашего в подъезде ключи, не приходите ко мне в квартиру без спросу. Я чутко сплю и под подушкой у меня лежит заряженное крупной солью ружжо. Оно мне досталось ещё от деда. Я хранила его как память. Стреляю метко с короткого расстояния. По-хорошему отдайте ключи, по-добрососедски... Положите назад под коврик.
Баба Зина с третьего этажа.

Улитки Футзи

Картинка из Интернета

У каждой улитки Футзи есть мечта – встретить своего избранника на самой высокой горе. И они с детства готовятся к этому ритуалу. Со своим другом Гдето Яма договорилась встретиться не на самой вершине, а у раскидистой глицинии, про которую ей в детстве рассказывала бабушка. С собой Гдето Яма взяла небольшую голубую панаму. День обещал быть солнечным.

«Ну, где же Гдето Яма?» – думал Суко Тама. «Нет никакой глицинии... Моя раковинка начала накаляться под беспощадными лучами солнца. Хочется пить», – подумал Суко Тама, поправляя галстук на шее. Суко Тама начал точить камень, чтобы сделать небольшое углубление, вдруг упадёт капля неба. Небо было огромным... Суко не видел, как приближалась грозовая туча, он просто точил камень.

Туча смотрела на гору и слёзы наворачивались у неё на глазах. Она достала платок и звучно высморкалась. Что за наваждение! Каждый раз одна и та же картина – тысячи улиток ползут вверх, и тысячи копошатся наверху. В этот раз у неё не было сил сдержаться, и она потоками обрушилась вниз, смывая всё на своём пути.

Шаг назад

Он сказал, что завтра придёт знакомиться с родителями. Спросил, какие цветы любит мама. Не мама она мне, но всё равно сказала – розы.

Счастливая, запнулась левым ботинком, но лестницу на пятый этаж преодолела легко – взлетела. Помню, как открылась дверь, и помню слова мачехи: «А у нас нет денег, делать тебе свадьбу».

И свой шаг назад помню.

Тапки переминаются. Всё равно ничего не решаю. Знаю, о чём ты сейчас думаешь... О том, что мы не рады твоей радости, что ты хотела познакомить нас с другом, что разговора про свадьбу ещё и не было.

Прости, мышонок, ты хорошая девочка, но уже выросла и, надеюсь, сможешь понять меня. Глаза отца слезились от яркого света.

Явилась. Губы распухшие, видно, весь вечер целовалась. Хоть бы шарф поправила... Не нужен мне всякий сброд здесь. Ишь, чего захотела! Что ещё за знакомства? Может, он ворюга какой-нибудь. Нет у нас денег на свадьбу – и точка. Нет бы, пришла помочь по дому. Окна немые месяц стоят, ковры похлопать некому. Друга она завела, кобыла германская...

Кроссворд

По горизонтали

Витамины

Если всмотреться в свой горизонт – увидишь ближайший день, и то не точно. Смотрю в монитор – файлы, папки... Полжизни в них. Тридцать лет – пробы на боль, на излом, на свободу. Перспектива на угасание – на слезящиеся глаза, на мерцающее сердце. Всё, хватит смотреть на линию горизонта! Сегодня у тебя электричка дел. И не забудь купить витамины молодости.

По вертикали

Ось

Если всмотреться в себя, в самую глубину – станет больно, лучше смотреть вверх. Дождь падает вниз. Дышишь глубоко, забываешь обо всём. Чувствуешь ось, которая не даёт отклониться. Небо меняется быстрее, чем успеваешь подумать об этом. Небесная каракульча... Не молчи, расскажи небу про всю земную несправедливость, чтобы оно никогда не мечтало упасть, как упала ты. Ну же...

Каша с маслом

Замечали вы когда-нибудь, что если в кашу положить немного масла, то она становится вкуснее, а если масло добавить в механизм, то он будет работать легче. С маслом даже блины веселее смотрятся. Думаю, что если масло добавить в стихи в нужной пропорции, как улучшитель, а воду убрать, то получится вполне удобоваримое что-то. Пусть котики отдыхают.

Запятая

Гуманитарий отхлестал гуманитария виртуально «за запятые», технарь не понял в чём суть дела. Вроде всё понятно – все слова считывались, и не вполне ясно, почему горячились эти два воспалённых воображения. Местами их речь была не вполне культурной. Когда-нибудь он поймёт, что запятая – королева текста. Неуважение к королеве недопустимо, наказуемо презрением и изгнанием из мира высокой литературы.

Жили-были...

Минута

Жила-была маленькая минутка. На неё мало кто обращал внимание. Её теряли раз за разом. Где только не оставляли... Она исчезала, но всегда старалась прийти на помощь тем, кто просил замедлить миг. Тут она была лучшей. Никто другой не умел так растягиваться в длину, как минута, становясь блаженной. Только один раз её назвали мучительной и последней.

Дорога

Жила-была дорога. Дорога одного человека. Он называл её Большим кругом. Каждый день выходил на свою дорогу и замечал даже маленькие изменения в пути. Сегодня, проходя мимо помойки, заметил стопку пожелтевших журналов «Юность». Наклонился, взял первый попавшийся, открыл. С удивлением обнаружил своё имя в содержании. Нашёл нужную страницу и замер. Это были его стихи.

Дорога привела.

Знаки

Жил-был знак вопроса. И дня не проходило, чтобы он не изогнулся над очередной несчастной жертвой. Всё что-то выпрашивал, выковыривал из золотых душ молчунов. Но однажды он подружился с восклицательным знаком. Тот был всегда в восторге от любой затеи. Вопросительный недоумевал: «Как можно быть таким безрассудно беспечным?» Восклицательный только рассмеялся: «Выпрямись! Вспомни каким ты был прежде!»

Подобности и созвучия

Подобные

Макушки клёнов, осин и берёз полыхнули ярко, словно жаркое солнце подпекло их. А это холодные ночи так охлаждают соки. Седина в природе выглядит ярко, словно это прощание, последний всплеск перед полным угасанием. Ветер-охальник уносит потихоньку, сначала по одному светлому листочку, вроде на память берёт, да выбросит где-то... А тут остаются потухшие мысли трепыхаться.

Подобные...

Созвучия

Чем интернет удивляет? Мы чаще прикасаемся к душам, слышим, как они звучат. Одна звучит концертом №4 (2 – Раупах), другая звучит по-курёхински, третья звучит по-тишмановски, по-битловски... Души звучат, вибрируют, задевают друг друга, образуя созвучия. Вот и сейчас звучит камерное, отдающее, светлое... Синева небесная пролилась снова. Капелька осеннего солнца попала на кожу, тепло. И как светло, скорбно, чудесно...

Новогодние записки

Праздник

Как я любила в детстве праздники! Летом не так... Зимой, когда наступали тёмные вечера и мама доставала коробку для рукоделия, начиналось волшебство. Появлялись снеговики из ваты, снежинки, бумажные гирлянды... Каждый день что-то новое! То ёлочные шары засверкают, то мандаринами запахнет, а то папа подмигивать начнёт, собираясь на улицу! А с улицы приносит самую настоящую ёлку!

Сосулька

Пойдём с сестрой на горку кататься. У каждой штаны с начёсом, теплющие шапки с ушами. У меня кроличья, у сестры цигейковая, жёлтая в чёрное пятнышко. Я школьница, и потому у меня пальто. А у сестры ещё шуба. Варезки на резинке, на ногах валенки. Гуляй – не хочу! И всё равно домой возвращались две промёрзшие краснощёкие сосульки.

До конца – клоун

Клоуном я была с первого по шестой класс. Маскарадный костюм сшила мама. Колпак иногда делали новым, а шальвары удлинялись сначала за счёт носочков, потом за счёт гольфов. Верх костюма каким-то непостижимым образом застёгивался и даже не трещал по швам. Только в шестом классе я почувствовала, что наклоняться в костюме не стоит... Но праздник же непредсказуем!

Француженка

Почему-то всегда думала, что в другом месте восход совершенно другой.

Не может быть таким же, как вижу я. Это мой восход и больше ничей. Даже мой сосед, который никогда не поднимает глаза к небу, знает, что есть его восход и его закат...

Но вот читаю:

В расплывающемся тумане
Зарождающейся зари
Появляется новый горизонт
В красных тонах
Потрясенная видом
Я встаю и растворяюсь в нем
Отмытая от стружки и заусениц
вырвавшаяся из собственных мук

220

Это пишет француженка Jennifer Marquié, как она смогла увидеть то, что вижу я? Невероятные поэты.

* *Jennifer Marquié Ma vie réinventée* в переводе Михаила Тищенко Жанифер Маркье –
Вентиляция жизни

Вспомнить Кустурицу

Вчера слушала мелодии «Битлз» в исполнении симфонического оркестра и всё думала, откуда берутся эти красивые скрипичные партии, длинные до умопомрачения, и эти трубы, и эти литавры? Откуда это всё в музыке «Битлз»? Моё третье ухо простужено и третий глаз моргает... Вот почему мне приснился сон про упавший тополь и птицу с клювом, как у совы, играющую на подсолнуховой флейте – божественное, как полёт печали, видимо, из Моцарта.

А утром, когда решила послушать романс, что-то про расставанье, про незабываемость образа, услышала бой часов, наверное, сошла с ума, ведь я глуха отроду.

Надо вспомнить Кустурицу, и вернуть, наконец, остроту зрения.

Эльфийки

И почему они так странно смотрят на мой колпак. Мне его связала из моточков цветной шерсти подруга Даринка. Мечты должны сбываться, это я знаю от нее, а она от своей бабули. Бабуля давно вяжет белые облака. Без облаков небо походило бы на пустыню, так думают все бабушки, и – чтобы это волшебство не прерывалось, – они учат вязать своих внучек. У каждой есть свой секрет, свой любимый рисунок и много разноцветных клубочков. Все девочки учатся вязать. Сначала это длинные полосочки, больше похожие на дожди, а потом завитушки и разные резные салфетки, и даже украшения – цветы, колокольцы, снежинки. А какие замечательные получаются стрекозы! Одну из самых прозрачных стрекоз я подарила своей подруге, а она мне отдала свой колпак.

Двадцать девятое декабря. Поздно спохватилась, но еще, наверное, успею! Почему-то кто-то беспокойный в душе просыпается именно в последние минуты перед всяческими закрытиями дверей. Именно он и не даёт мне покоя сейчас. Хорошо, хорошо... я уже собираюсь! Минус, глубокий минус на улице. Дышится свежо. Иней облепил ресницы, они стали тяжёлыми, и я пытаюсь ими похлопать, чтобы не слиплись. Идти ещё далеко. По пути увидела красивую ветку сосны, она такая же, как мои ресницы – пушистая. Быстро снимаю варежку и достаю телефон. Холод обжигает руку, но я стараюсь этого не замечать. Ветка – красавица! Несколько снимков с разных ракурсов, хочется поймать луну, которая вышла в вечернем наряде, окутанная туманом. Пальцы первыми начинают кричать: «Холодно, что разинула варежку...» (некультурные они у меня). Тут же вспоминаю, про тёплую, связанную из собачьей шерсти, варежку, и шустро надеваю её на застывшую руку. Тепло...как же хорошо, когда тепло! Вспоминаю, что куда-то шла и, прикрывая уже малиновые щеки, бегу в направлении почты. Про себя думаю, что наверняка вечером, да в такой мороз буду одна и быстро отправлю свой подарок. Сюрприз: таких, как я, оказалось немало, очередь была подвижной, оживлённой, искренне улыбалась и крутила хвостом.

В конце очереди стояла девушка, она обернулась и с милой улыбкой на лице объявила, что она последняя. Я подумала: «А вдруг это правда!» Весь её образ мне показался каким-то знакомым. И этот колпак...на её голове был смешной вязаный колпак, и он мило дополнял образ. Подумалось, что она – это эльфийка, исполняющая желания. Когда подошла очередь, эльфийка попросила коробку для маленькой посылки. Приёмщица строго спросила: «Что у Вас там, покажите!». Эльфийка стала доставать из пакета свои подарки: открытку, фигурку из бумаги и кружев (она походила на те ёлочные украшения, которые делают своими руками счастливые эльфы), небольшую кедровую шишку, блокнот и шарик воздушной стружки из бумаги.

Приёмщица вздохнула. Я тоже вздохнула, а эльфийка улыбалась, не замечая наших вздохов. И от этой её улыбки в отделении почты было как-то светло, но вот она ушла... и я подала свою посылочку.

Он никогда не ждал подарков. И сейчас не ждёт. Но давно, теперь уже очень давно, он заплакал, когда получил настоящий новогодний подарок. Там было всё очень просто, но для него. Я и сейчас отправляю для него какую-то ерунду... Так думает приёмщица посылок, приятная женщина.

Маленький человек

Когда человек становится маленьким, таким, что уступает дорогу муравью и различает его речь, он слышит муравьиное спасибо и приподнимает шляпу в ответ. Когда человек становится таким большим, как дерево на горе, до которого идти три дня, и начинает чувствовать лимонный аромат от кружочка спелой луны, он достаёт салфетку, чтобы натереть до блеска запылившуюся звезду для любимой. Когда человек спит, даже если он обыкновенного роста, к нему приходят разные мысли, такие, о которых он и подумать не мог. Вчера, например, ему снились снежинки из поднебесной армии, которые хотели захватить землю. Правда, это был совсем не цветной сон. И я его видела тоже.

Небо

Когда степь зацветает ирисами, то она становится похожей на изумрудное небо с причудливыми голубовато-синими облаками. Бежишь среди этих облаков и ищешь самые пышные! Присядешь и вытягиваешь из кустика ириса средний лист. У каждого листа свой звук, и вытацишь ещё несколько листов, прежде чем найдёшь нужный! Кто умеет делать пикули – почти Бог в компании! В степи разливается разноголосица... В эти моменты понимаешь, как красива наша Земля, каждая травинка звучит, каждая источает свой аромат!

Набегаешься за день, а вечером заглянешь в кружку холодного молока и снова увидишь небо, но уже другое! Бабушка украшает небо земляникой. В счастье небо близко.

Живёшь, пока смеёшься

Я уже давненько стала постоянным посетителем интернет-сайтов и за эти годы привыкла к самым чудаковатым никнеймам и статусам постояльцев. Мне хорошо знаком Доктор Ноу, правда, чаще он себя называет Доктор Но, но, но, но... но многие знают, что это самый независимый критик. И статус у него говорящий: «Если хочешь похвалить – лучше поругай. Если ничего не хочешь, значит ты умер.» Доктор, который ставит диагнозы и при этом не гоняет сдавать анализы. Он любит поэзию и это, наверное, самое замечательное в этой истории!

Встречались мне: Шаровая молния, Горец, Имя розы, Скала, Первый рыцарь, ПоэтСтихов, да кого только не встретишь на поэтических сайтах. Я даже с Птицеловом познакомилась случайно: он заметил мою «курицу», так мы её отбивали всем селом, тьфу, сайтом. Но волновались напрасно, Птицелов любит крылатых и никогда их не обижает. А тут, недавно зарегистрировался человек со странным именем: Живёшь только дважды. Вот что бы это могло значить? И спросить как-то неудобно, вдруг он с раздвоением личности, а мне, стыдно признаться, страшно разговаривать с двумя одновременно. И всё же я заглянула к нему на страничку, из любопытства. Странное чувство, что знаю этого человека, появилось сразу. Он улыбался, понимаете, всегда улыбался... Полное ощущение, что это половинка, отколовшаяся от меня, когда-то давно. Я почти не улыбаюсь, вернее, улыбка иногда проскальзывает, но думаю, что для окружающих она незаметна. А может, попробовать посмеяться над собой, как делает он, да и начать новую – вторую жизнь? Я улыбнулась внутренне – поняла, почему он выбрал такое имя. Скорее всего, он тоже долго не мог улыбаться. Какой же он большой выдумщик – человек со второй жизнью, выдумщик с мальчишеской улыбкой. С ним легко понимаешь, что живёшь, пока смеёшься.

Месяц медового физалиса

Это был четверг. Почему-то всё что случается, происходит именно в четверг. Она пришла поговорить. Консультация логопеда ей была необходима уже давно. Но сразу всё пошло как-то не по плану. Девочка написала на листе следующее:

На свете нет сказок про девочек с алалией!
И вообще про девочек с аномалиями.
Как-то всем недосуг.
Не мог бы ты...*

Я ей ответил, что я не пишу сказок, а она как будто не услышала меня, добавила:

В этой сказке должен быть океан и много-много цветов.
А небо – рыжим.

Что-то смутное тревожило меня весь оставшийся день. А когда я вернулся с работы домой, то отказался от ужина, прошёл в свой кабинет и сел за письменный стол. Я думал об этой девочке. Это было впервые в моей практике – девочка не разговаривала, но писала прекрасные стихи о рыжем небе, о говорящих цветах, о мальчике с фиолетовыми глазами. Я читал и мысленно переходил в мир полупрозрачных существ и огромных цветов.

«Там, в месяц шафрановых костров», – написал я на белом листе, – «когда тёплая листва опадает с амбровых деревьев и ходить без обуви становится комфортно, под каждым деревом собираются стайками бывшие одноклассники и друзья – это их время воспоминаний. С этого момента дети становятся взрослыми, и ритуал хождения по тёплой листве старается никто не пропустить. Дети не говорят, дети только слушают, а взрослые могут и говорить, и голосовать, и водить машину, и много ещё чего. Открывается столько возможностей, что те сто кругов, что нужно сделать вокруг дерева, держась за руки с теми, с кем дружат, покажутся совершеннейшим удовольствием. Когда оранжевое солнце изливается золотом заката, все встают вокруг и молча начинают идти. Её оранжевая ладонь, которую я держу, горячая. Мысленно, спрашиваю:

– Где ты была?
– У океана.
– Нельзя же...
– Я знаю.

Мы молчим. Все знают, что к океану могут ходить только взрослые.

– Я всё равно сбегу, – Лия смотрит упрямо, – Я поняла, как можно идти по воде. Завтра.

– Ты будешь скучать по рыжему небу, по поющим цветам, по...я запнулся.

– Нет, – отрезала она, взмахнув своей рыжей чёлкой.

– Помнишь, что говорил старый учитель? На голубой планете все существа тяжёлые, они грубо дышат и пьют воду. Они состоят из океана. Их планету сохраняет только Бог, пока они пишут ему стихи. Ты сможешь стать одной из них?

– Я попробую писать стихи. Давай сбежим к дуплу старого дерева, я покажу тебе свой секрет.

– Нет, осталось совсем немного, десять кругов, и мы сможем с тобой говорить.

– Тогда не ищи меня больше, – Лия выдернула горячую ладонь и побежала.

Больше её не видел никто...»

Я вспомнил всё.

Устало отложил ручку в сторону и задумался. Эта сегодняшняя девочка со смешным именем Маша, очень напоминает Лию. Те же рыжие волосы, те же глаза, цвета золотого заката, здесь такие встречаются редко, та же непосредственность и легкость. Это поразительное чувство того, что ты всегда её знал. Надо обязательно узнать имя мамы на следующем приёме. Я встал и подошёл к окну. Над горизонтом ярко горела оранжевая звезда. Шёл месяц медового физалиса.

Я расскажу ей про шафрановую планету, про то, что в месяц шафрановых костров, есть ритуал хождения по тёплой листве амбрового дерева, про удивительный воздух планеты, напоминающий аромат белых фиалок. Ей нужно увидеть всё своими глазами, боюсь только, что она потеряет способность писать удивительные стихи, стихи, как большие цветы, которые открывают свой аромат тем, кто их видит. Я задумался. А может, не надо... Лучше допишу для неё сказку о мальчике с фиолетовыми глазами, про то, как он долго искал счастье на голубой планете и глаза его потемнели и стали чёрными, но он так и не вернулся домой, на свою оранжевую планету, надеясь, в глубине души на удивительную встречу.

Нет, какая-то неправильная сказка получается. Я взял чистый лист и написал: «В некотором царстве, в некотором государстве жил был царь е-Гор. На самом деле его звали по-другому – Георг де Гор, но народ всегда давал свои имена правителям. Любил е-Гор строить башни, но ни на одной из них не было колокола...»

Я писал сказку всю ночь, а когда утро заглянуло ко мне в кабинет, улыбнулся финалу: «В фиолетовых глазах е-Гора отражалось рыжее небо. Тысячи колоколов молчали. Через минуту начнётся Благовест. У е-Гора родилась дочь!»

* Строки из верлибра Лионеля Садорро «Обыкновенное чудо (от лица девочки)»

Утиная история
(из неопубликованных воспоминаний Мюнхгаузена)

Однажды я решил открыть своё дело. Сразу скажу – ничего хорошего из этого не вышло, но всё по порядку.

Свою идею я подсмотрел у Дуремара. Немного почитал о лечебном действии пиявок и решил – это то, что мне подходит. Я знал, где можно найти целую уйму этой прелести. Недалеко от моего дома находится замечательное круглое озеро. Если смотреть на него сверху, то оно кажется бирюзовым, а если сбоку, то сиреневым. Какой-то интересный эффект преломления света. С одной стороны озеро заросло густо камышом, а с другой стороны находится песчаный пляж с золотистым песком.

Узкая тропа вела меня вокруг озера, по пути я разглядывал воздушные паутины и, находя хозяина, хвалил: «Ты, братец, трудяга...» И шёл дальше. Стеклянная банка с крышкой болталась в моём заплечном мешке вместе с маленьким аквариумным сачком. Ну и что, подумал я, пиявок на музыку можно приманивать и по одной вылавливать. Эта мысль мне понравилась настолько, что я стал весело напевать: «Мой Марихен так уж мал, так уж мал...». Всё это – высокая сочная трава, весёлая мелодия и лёгкий ветерок играющий с моими волосами, настраивало на лучшее... Но случилось непредвиденное. Я не знал о том, что уже был открыт сезон утиной охоты и в камышах сидели в засаде утки. Они поджидали свою добычу. И когда под мирный мотив: «Ах, мой милый Августин...», я опустил свой большой палец правой ноги, чтобы потрогать воду, стая обезумевших уток окружила меня. Было ощущение, что меня подталкивают в воду. Сзади щипки были настолько существенными, что вскорости я оказался в лохмотьях, синяки горели... Может, мне это только казалось, но галдёж стоял невообразимый. Утки уже выщипывали кусочки моей кожи, как пираньи, откуда их столько много взялось, уму непостижимо. Отбиваться приходилось двумя руками, стоя по пояс в воде, а к ногам уже присосались пиявки... И чем это всё закончилось, не знаю, если бы не вспомнил про то, что мама очень не любила, когда дома свистели. Из последних сил я набрал полную грудь воздуха и как засвищу! Даже ветер сменил своё направление. Утки нырнули в воду, а пиявки отвалились сами. У меня было ровно пять секунд на то, чтобы выскочить из засады. Больше я не хожу за пиявками и утку по-пекински не переносу на дух. Однако идея иметь своё маленькое дело меня не покидает. Я думаю теперь об усах волшебного кролика, и готовлюсь в поход в небесные горы Тянь-Шаня.

Снег сегодня серого цвета

Вот так сталкиваются судьбы на совершенно обычном переходе...

На другом краю дороги, возле техники, стоят рабочие в оранжевых жилетах с лопатами и ломачами – много снега навалило, работы непочатый край. Девушка, что стоит недалеко от меня, кричит им: я честная, я честная, я не такая... Скорее всего, они даже не слышат, что она кричит с другого конца перехода. Светофор долго не меняет цвет. Я топчусь в ожидании и незаметно разглядываю кричащую. Глаза у девушки красные от напряжения. Пена летит изо рта.

– Я честная, я честная...

Мне хочется исчезнуть, не слышать и не видеть этого. Она же кричит так, словно оттого услышат ли они, зависит её жизнь.

– Они думают, что я распутная, а я не шлюха, – уже тише и обращаясь ко мне, – городские могут, а меня дедушка с бабушкой воспитали, я – честная. Это он меня обманывал целых пять лет – любимый мой человек. Больше нельзя... Я не могу больше... А этим только одного и надо. Она снова поворачивается в сторону рабочих. Смотрю на неё. Красивая, чуть роста не хватает, как мне. Лицо выразительное: греческий нос, глаза – миндалинами, чувственный рот. Кто же тебя так обидел... Светофор мигнул и загорелся зелёный. Я стараюсь оторваться от случайной попутчицы, а она ищет поддержки, не отстаёт ни на шаг, ей надо выговориться. Останавливаюсь, а она снова по своему «больному» кругу пошла, ловлю себя на мысли, что ей очень много надо внимания и любви, чтобы она пришла в себя. Много-много любви, но нет того, кто это может ей дать. Плохи её дела. Скорее всего, она пойдёт скоро на мост. Вода всё скрывает...

– Иди домой! Тебя там ждут. Там ждут...

Разошлись. Иду, опустив голову, растерянная, подавленная... Снег сегодня какого-то серого цвета.

– Серого, – произношу вслух.

Кошка! Мысль приходит мгновенно. Быстро разворачиваюсь и бегу. Догоняю девушку и, задыхаясь, выпаливаю:

– Возьми кошку. Она поможет. Пошли со мной, я знаю, где есть одинокая кошка.

Красный фонарь

Он слышал шаги и грустную песню, и в какой-то момент стал подпевать: юаньсяо – счастливые лепёшки с лепестками роз, так похожие на луну... И веточка соседнего дерева подхватила: угу, угу... Расслышав это, он вспыхнул, поправил фрак, и покачнувшись, выдал что-то похожее на па «львиного танца». И тут замелькали тени. От ветра пришло в движение колёсико, и внутри его огненного круга полетели лошадки в золочёных сбруях.

Был зимний день, тот последний, когда горят красные фонари и скачут золотые лошадки с весенними гривами. Кто знает, сколько раз зажигался этот фонарь. Медленно постигаю время.

Гармония

Она не любила музыку. Музыка мешала слышать себя. Когда она стала взрослой, вычитала, что это порок развития. Но почему-то её это не тревожило, ведь она любила слушать привычные звуки – стрекот кузнечиков, голоса птиц, мелодии дождя и ветра. Вот жук ползёт по травинке. Она сгибается до земли, и когда жук падает, резко взмывает вверх – звучит струной, легкие колебания воздуха задевают паутину, и она дрожит, а колокольчик сообщает всему миру, что он созрел! Эта музыка была другой, понятной ей. Остальное же вызывало желание защититься от агрессивного вторжения в её тишину. Она не понимала, зачем нужно пускать вовнутрь то, что разрушает её мир.

Он же, наоборот, воспринимал жизнь через музыку. Вот здесь заиграл Бах, так торжественно внутри, а теперь Шопен... Эта музыка его поглощала. И всё, с чем сталкивалась его натура, начинало звучать. Мелодии кружились прямо в воздухе, которым он дышал.

Увидев её, он подумал: эта свирель звучит очень тихо, словно такой музыкальный инструмент создала сама природа. Он услышал её настоящую мелодию и рассказал о ней. Она удивилась и стала прислушиваться к нему. Кажется, это называется гармонией...

Письмо

Письмо, которое мне никто не присылал, я могу только представить. Я даже могу услышать, как почтальон подходит и открывает ящик для корреспонденции. Как побряхтывает, поправляя свою тяжёлую кожаную сумку. Его ноги наверняка устали от большого круга, который он вынужден делать, чтобы доставить мне это письмо. Следующий хутор будет через несколько километров. Поэтому газеты и журналы я давно перестала выписывать. И писем ни от кого не жду. Да и не от кого, если быть честной. Но если я слышу шаги, то обязательно выхожу на дорогу со стаканом воды. Почтальон молчалив, но всегда выпивает воду. Так мы с ним и познакомились. Станный он, конечно... На обратном пути собирает красивые камни. Это он так думает, что красивые. А однажды он рассказал мне, что хочет построить дворец. Я, конечно, улыбнулась: нарисуй мне его! И вот этот листок он однажды и принесёт мне. На конверте не будет марок, но будет нарисована красивая венчальная башенка, я думаю...

Новый год по-итальянски

Я немного нервничаю. Договорились с мужем встречать Новый год по-итальянски, хотели немного погулять по городу, обнимаясь и смеясь, а потом... А потом его вызвали на работу. Нужно было срочно что-то досогласовать, довершить, дописать... горел контракт, который готовили целый год с итальянцами. Я примерила своё новое красное бельё, которое сидело на мне безукоризненно, потом расставила свечи на подоконнике и разложила между ними монеты, для того, чтобы деньги не просто были, а чтобы их хватало на все наши фантазии. Украсила люстру волшебным дождиком и снова посмотрелась в зеркало – всё складывалось хорошо! Я накинула на себя тонкий шёлковый халатик. Осталось приготовить что-то лёгкое. Наверное, сделаю фруктовый салат и немного цветных канапе.

Вот так! Тридцать первого декабря, когда вся страна готовится к празднику, отдельные представители вынуждены сидеть на своих рабочих местах и это, увы, реальность. Мой муж – моя такая реальность. Обычно в такой праздничный день никто так и не начинает работать в полную силу. Сотрудники собираются стайками и проводят внеплановые совещания, на которых то что-то весело обсуждают представители разных отделов и компетенций, находя компромиссы мгновенно, то вдруг раздаётся звон хрусталя, и чистый серебристый отзвук долго гуляет по коридорам и кабинетам. Всё самое интересное происходит в это волшебное время – праздник уже не просто рядом, его можно услышать в смехе, уловить в запахах мандариновых шкурок и в шуршании фольги, настроение буквально витает в воздухе.

Ну вот, нафантазировала себе... Но именно в это время, когда все нюансы контракта были учтены и протокол соблюден, когда день становился приятным исключением, мой муж пригласил одинокого коллегу-итальянца к нам на праздник. Он позвонил и сообщил мне эту радостную новость и попросил приготовить пасту, со словами: «Мы придём очень голодными». Сказать-то сказал, а какую пасту приготовить – не уточнил. Ну, я в томатную добавила немного перца, немного майонеза, всё взболтала – ничего так вышло... Всё же странные эти итальянцы. В новый год едят такую убойную пищу. Я даже с хлебом много не съем.

По тихой грусти намазала себе на хлебушек маслица, немного икорки и закрыла в блаженстве глаза. И тут снова зазвонил телефон. Муж просил срочно найти то, что мы будем выкидывать. Он говорил быстро: «У них такая традиция: как только часы пробьют двенадцать, сразу надо выкинуть что-то не нужное...».

Они, видите ли, избавляются от негативной энергии, которую копили целый год. У нас нет такой традиции – копить негативную энергию, мы её тут же тратим. Вообще, русские известны своей широтой души: ругаться, так ругаться; пить, так пить; есть, так тазиками, а что такого? Представляете, мы же в прошлом году только купили новую мебель, да и вообще в новой квартире нечего выкидывать, итак есть явный недостаток сидячих мест.

Немного поразмыслив, я приготовила коробку, в которой лежали любимые сапоги глубокого изумрудного цвета. Давно пора сменить их. А ещё старый вельветовый пиджак мужа, который почему-то переезжает с нами из квартиры в квартиру. Хватит, поездил! Потом подумала, что сапоги жалко и вернула коробку на место, а вместо неё положила рядом с подоконником коньки и лыжи мужа.

Когда муж вернулся домой, по-братски придерживая итальянца, у которого ноги заплетались, как остывшие спагетти, и увидел гору своих личных вещей, включая гантели, штангу, шахматную доску, туристическую палатку и спиннинг... Он сначала онемел, а потом стал говорить интенсивно с явно итальянским темпераментом.

Всю ночь мы утрамбовывали вещи по своим местам. Итальянец спал на диване и ему не мешали ни взрывы фейерверков, отгоняющие злых духов, ни песни лихих 90-х годов, которые транслировали на всю Россию по первому каналу, ни резкий звонок в дверь, когда соседка принесла морковный пирог, чтобы поздравить нас с Новым годом. А мы, прибираясь в квартире, устали так, как не уставали при переезде. Лыжные палки всё же остались лежать около подоконника, и муж остаток ночи грозился их просто выкинуть в окно, если они сейчас же не уберутся, куда им положено!

Волки

В заснеженной пустыне можно легко заблудиться. И тогда за тобой придут волки...

Он не боялся заблудиться, степь была его родным домом. Он прожил всю жизнь здесь и знал каждый поворот тропы. В молодости он угонял целые табуны лошадей и слыл конокрадом, а сейчас ему 90 лет. Его лошадь стара. Кормить её незачем, надо оставить её в горах – так сказал внук. Но что он без лошади... Глаза замутились от подступивших слёз.

Легко сказать, вернее не так – легко списать ненужную вещь, а это живая душа, которая спасала его не один раз! Не отдам!.. Сам уйду с ней.

Кажется, надвигается туман. Внук заволновался и стал собираться в дорогу. Только бы дед не заблудился. Только бы не свернул с тропы... Прошло не так много времени. Джип легко пошёл в гору.

Сколько же мы в пути, – подумал старик, – должны бы уже доехать... Инеем покрывались ресницы лошади, она тяжело дышала. Он спрыгнул на землю и пошёл рядом. В степи всюду лежал снег. В другое время старик бы даже не заволновался, но туман перетекал в дымное марево на горизонте. По своей уже давней привычке, он разговаривал вслух то ли с лошадьёю, то ли сам с собой: «Кажется, мы свернули с тобой не туда. Где-то поблизости стоит зимнее стойбище, надо ещё попробовать пойти на восток, но сначала передохнуть бы...». Он наломал сухостоя и развёл костёр. Этот день и этот туман совершенно вымотали его, но когда он увидел жёлтый блеск, который будто бы плавал в этой вечерней, синеватой инеевой дымке, он всё понял. Лошадь дёрнулась и заржала, а в его руках намертво застыл охотничий нож. В следующую минуту он полоснул ножом по горлу лошади и бросился бежать. Он знал, что следующим будет он.

Кораблик детства

Во всём её тонком облике была какая-то незавершённая, прозрачная, словно и не она это была, а эфемерный лунный луч, случайно коснувшийся рояля. Рояль ожил, почувствовав тепло прикосновения. Расцвели лилии души, розовое вино разлилось наслаждением в его струнах и полетели бабочки флюидов признания... Только один раз он заметил тень тревоги при переходе к пиано-пианиссимо, эта история стала частью него, и ему не хотелось, чтобы она вот так оборвалась.

Солнце оставило только неровную перламутровую полосу на горизонте, а девушка всё играла лунную сонату, словно призывала луну в свидетели. Ей было всё равно, что музыку никто больше не слышит, кроме бумажной куклы и тусклого фонаря за окном. Алиса не знала, как по-другому можно пережить свою боль, кроме как отдать миру мелодию, которая её мучила и исцеляла. Пальцы помнили клавиши, а казалось, что музыка появляется сама собой. Рояль откликался на мелодию и переживал с хозяйкой. Чувствовал её океан нежности, её разбитое сердце и её обмелевшее море.

Плыви, бумажный кораблик детства...

Подарок

Пока Дед Мороз кормит своих оленей сладкой морковкой, чтобы они выдержали долгую дорогу, мы лепим снеговиков. В нашем дворе даже малыши помогают катать круглые шары из снега. Снеговики получаются самыми разными – большими и маленькими, но главное то, что они все – родня между собой, потому, что сделаны из снега.

– Даже не думайте! Дед Мороз видит, где стоят снеговики и по ним направляет своих оленей, он-то точно знает, что мы вылепили ему помощников. А то кто же, по-вашему, помогает нести сразу столько подарков, – без усталости строчит Ромка. В нашем дворе он самый старший из тех, кто ещё возится с нами, малышняй, остальным же интереснее играть в хоккей в соседнем дворе.

Ромка вылепил уже двух снеговиков – одного большого, а другого поменьше и завязал им шарфы, которые снял с меня и моего брата. Своего шарфа у него не оказалось. Это он нам сказал, что яркие шарфы видны издалека, значит, Дед Мороз не заблудится! «Ка-а-а-а-а!» – прокричала ворона с высоты замёрзшего тополя, как бы смеясь над словами Ромки. «Кыш!» – закричали мы хором и замахали рукавичками!

238

Красивые снеговики получились у Ромки, прямо загляденье. Вот только у меня больше не было шарфа. Я обернулась и посмотрела на своего маленького снеговика, загрустила, он был совсем не ярким. И тут я вспомнила про мамину шляпу ярко-красного цвета! Это то, что нужно! Сообразив, сразу же бросилась домой выпрашивать её у мамы. Но мама сказала, что не отдаст шляпу ни за какие подарки и что шарфы надо вернуть на место, то есть на наши шеи! Но зато выдала три вымытые до оранжевого цвета морковки и сказала, что этого будет достаточно, чтобы подарки получил весь двор. Я верю маме! Ночью мне снились олени, Дед Мороз в красной шапке и Ромка, размахивающий моим шарфом.

Не чудо...

Какие только чудеса не происходят зимой. Особенно накануне Рождества, особенно, если зима настоящая – со снегом, с мохнатыми елями, как у нас в парке, с настоящим заливным катком...

Я видел, как молодые люди пришли в парк. Они сначала катались на коньках, держась за руки. В это время в парке ещё совсем мало посетителей и можно спокойно кататься тем, кто захотел побыть вдвоём. Потом бродили по заснеженным аллеям. Девушка иногда касалась веточек и смотрела, как снег осыпается на её тонкие розовые перчатки.

239

Интересно, о чём они говорят, напрягал я весь свой слух, но ничегошеньки не слышал. Я бы сам пододвинулся к ним, когда они проходили совсем близко, но мешал снег. Он был липким и прилипал к светлым сапожкам девушки. А молодой человек, идущий рядом, постоянно скользил на тонкой подошве модных ботинок.

Наконец, они устали бродить и решили выпить по стаканчику горячего напитка. Я кашлянул пару раз, чтобы обратить на себя внимание. Мой кофе был лучшим в округе. Об этом знали все, кто заглядывал в этот уголок парка. Барышня зачем-то отменила весь сахар и нажала на кнопку капучино. Я хотел, я старался подсластить её напиток, но кто-то внутри не дал мне этого сделать. Зато молодой человек взял добавку сахара, и я успокоился – они дополняли друг друга.

Присесть было некуда – все уличные столики и кресла были завалены снегом. Но молодой человек не растерялся! Он расчистил уголок стола и поставил свой стаканчик и стаканчик барышни рядышком. Образовавшаяся горка снега развеселила молодежь, и они с азартом стали собирать снег с соседних

столиков и кресел. Через пять минут на столе уже стоял небольшой снеговичок.

Пока парнишка искал веточки для рук, рта и глаз, девушка подобрала невесть как сохранившийся среди этого снега жёлтый листок. Было ощущение, что он ещё живой, только немного подмёрзший. И когда снеговичок моргнул сначала одним глазом, потом вторым и расправил руки, я понял: всё, к чему прикасались эти двое – оживало! Невероятно, но, кажется, это было именно так, я же тоже почувствовал тепло их рук!

Девушка подала жёлтый листок снеговичку, и он взял его как берут скрипку. Парень тут же нашёл для него «смычок». Снеговичок закрыл глаза и задел смычком жилку листа, и в его в руках листок зазвучал. Он звучал как самая настоящая скрипка, и я слушал музыку, пока она не перестала звучать. Мы все слышали эту музыку. Кофе остыл, но раскрасневшиеся лица влюблённых подсказывали мне, что этим молодым людям сейчас жарко и весело! Надеюсь, что у них всё будет хорошо...

Не чудо, скажете вы? Не чудо... Правы, правы. Оставили они снеговика на моё попечение, парнишка так и сказал: «Присматривай за ним!» и они ушли не оглядываясь. Только снеговик вскорости растаял без них, даже следа не осталось, один только жёлтый лист ещё долго лежал на столе, примёрзший к ледяной корочке.

Прилетели свиристели

Этот мелкий снежок, почти невидимый глазу, попадая в полоску солнечного света, искрится – бриллиантовая пыль – тысячи искр, словно зажгли сотни бенгальских огней и они впиваются маленькими иголочками яркого счастья в сердце! Не это ли покалывание в груди мне так дорого, как чистая радость жизни. Птицы, кто не умеет петь – кричат. В воздухе слышится смешение радости и тревоги. Прилетевшие гости согласны: «Сви-ри-ри...» – трелью разносится в округе. Красный круг – крошки на снегу под яблоней-дичкой, где пирует стайка свиристелей, напоминает о солнце, о масленице, о скорой весне.

Пляшущая на камнях

Она тихо переступает, чуть-чуть кружится – можно всю ночь смотреть – танец огня во тьме. Кажется, оживают камни. Именно они рассказывают истории прошлых страданий, своих сновидений. Я видел слёзы на камнях, но не верил глазам, я чувствовал их холод и знал, что они забирают тепло. Под камнями прячутся древние тени. Я не стану их тревожить. Но та, танцующая, с именем горькой ягоды, слышит души, чувствует смутно, как звучат камни отдалённо своей песней, в которой имя им – звёзды, дальше которых только уставший дождь. Она тихо ступает, чуть-чуть кружится. А я развеян ветрами, но она со мной говорит. И плачет.

Бабочки

Там, на маковке тополя, крутятся беспокойные зелёные бабочки – устраиваются на ночлег. Лёгкие крылышки вздрагивают от ветра, трепещут. Закат поит их тёплым едва розовым молоком. А рассвет беспокоится о встрече: как бы ветер не унёс лёгкую стайку. Серо-розовый перламутр навеял мысли о тревожном, холодном завтра. Трудно понять, когда исчезают бабочки, но без них всегда холодно, как будто это и есть любовь.

Психология клавиатуры

Добрый день, дорогие коллеги!

Давайте попробуем разобраться в странной, на первый взгляд, теме: «Психология клавиатуры».

В чём же здесь суть? Суть в том, на мой взгляд, что клавиатура – не только ответственна за ввод информации и прочно связана с процессором, но каким-то хитрым образом начинает руководить мозговыми структурами человека. Она нас понимает, она смеётся над нами, и она нас подводит под монастырь.

Иногда, печатая, я замечаю, что клавиатура сама подсказывает мне слова, не буквально, но как будто подталкивает. Я прямо вижу рисунок на клавиатуре, и текст становится более объёмным, слаженным, я бы даже сказала – ровным. А то вдруг рисунок пропадает, и сколько бы я не смотрела на эти клавиши и буквы, а ничего напечатать не могу, вот прямо ни одного слова. Обидно, когда клавиатура бастует! Хорошо если недолго.

242

А ещё она иногда шутит со мной, перевирая слова, которые я хочу напечатать, меняет местами буквы и получается что-то вроде э-э-э совместного словотворчества. Например, пишу сообщение по ватсапу классному руководителю своей дочери: Гадина Ивановна, добрый день! Это Клава, мама Светочки Бесопечаток... Представили? Но это не так печально, как промахнуться с частицей «не» и напечатать в библии: «Прелюбодействуй!». Был такой реальный случай. Тираж библии было приказано уничтожить. Никак бес шутит... Возможно, именно это убедительное оправдание породило знаменитый по сей день каламбур – «бес опечатки».

Бес?

А может это настоящий бунт букв. Как мы видим, не только у меня буквы то появляются, то бесследно исчезают, но и в типографиях тоже такое случается.

Я свою клавиатуру задабриваю. То кофе налью, то кусочек печенья ей перепадёт. Но потом всё что она не захотела, уберу. А как она любит мыться, прямо блестит от удовольствия! Моя родненькая. Отсюда закономерность: клавиатура привыкает к одним рукам. Чужие руки, как чужая речь, портит характер (я экспериментальным путём выявила, – каждая клавиатура имеет свой независимый характер). На чужой клавиатуре не только буквы начинают прятаться, но и разные знаки дают понять, что меня не знают и знать не хотят. Знаю, в такой ситуации не то, что возвышенных чувств не испытываешь, а попросту боишься промахнуться и написать какую-нибудь чушь, как это

случилось с одним французским географом. Судите сами, кто тут виноват, цитирую:

«Французский географ рубежа XVIII-XIX веков Конрад Мальт-Брюн, описывая одну гору, назвал ее высоту: 36 000 футов над уровнем моря. Хватил лишнего: на Земле нет гор высотой 12 километров. Однако наборщик ошибся еще на один ноль – 360 000.

На полях корректуры Мальт-Брюн внес исправление. Наборщик понял его превратно и добавил пятый ноль. Гора вышла высотой 1200 километров.

Читая вторую корректуру, географ пришел в бешенство и написал на полях: "36 миллионов ослов! Я писал 36 000 футов!". В итоге книга вышла в свет с таким текстом: "Самое высокое плоскогорье, на котором проживают 36 000 ослов, простирается над уровнем моря на высоте 36 миллионов футов"» – это настоящий бунт слов и бедный наборщик не виноват!

А этот пример вопиющий – нельзя так шутить на самом высоком уровне. В одной одесской газете при описании коронации было напечатано, цитирую: «Митрополит возложил на голову Его Императорского Величества ворону» – это настоящая насмешка букв над его величеством!

А вот этот бунт букв стоил, наверное, очень дорого главному редактору газеты «Челябинский рабочий», ведь именно в этой газете буквы посмеялись особенно зло, цитирую: «"Челябинский рабочий" в 1936 году напечатал резолюцию областного съезда Советов, не забыв про успехи, "достигнутые за 19 лет под руководством партии Ленина-Сталина"». А в журнале «Молодой колхозник» случилось совсем непоправимое... Журнал сообщил ошеломлённым читателям, что, цитирую: «в 1920 г. В.И. Ленин окотился в Брянских лесах».

А бывает, что буквы просто разрешают нам весело рассмеяться. Пример? Пожалуйста! Опять процитирую: «Ленинградская газета "Смена" опубликовала в 1970-е годы фотоснимки из зооуголка, сопроводив их словами о "маленьких длинноухих зверьках". В слове "длинноухие" буквы "у" и "х" поменялись местами.»

Я сплю и вижу, как печатаю, как проседают при нажимании клавиши клавиатуры. Они мягкие – едва касаешься их, и появляются буквы. Я привыкла к шрифту и хорошо воспринимаю желание клавиатуры точно следовать моим указаниям. Просто во сне всегда почти всё идеально... Есть ощущение, что олдждэ – это судьба правого полушария, а фывапр – левого. Пальцы ноют даже утром.

Вот такие закономерности выявляются при пристальном взгляде на клавиатуру. А вывод прост: психология клавиатуры близка по всем признакам к психологии человека. Давайте отдыхать своей подруге, и она будет служить вам долго, прислушиваясь к любому вашему желанию. Цените её шутки, и она никогда не отвернётся от вас!

Так что там с бесом? Поговаривают, что он был в сговоре с печатающими машинками. И сейчас жив – курилка (проверено) поэтому будьте бдительны... как увидите опечатку, знайте – это бес опечаток рядом.

Доклад подготовлен: Клавой Бесопечаток

* *Источник цитат: <https://www.yaplakal.com/forum7/topic65992.html>*

Крошка-Лис

Крошка-Лис был таким маленьким, что легко мог спрятаться за мамиными лапами. Он так и сделал, когда мимо проползала жирная гусеница. Она изгибалась, как осока над ручьём и снова выпрямлялась. Как странно она ходит, подумал крошка-Лис, и спросил у мамы:

– Кто это?

– Это гусеница, – сказала мама, – она скоро превратится в летнюю бабочку.

– Такую синенькую, которую я ловил утром?

– Да, малыш!

– Но гусеница совсем не походит на бабочку!

– Зато у неё душа с крыльями бабочки!

– А я в кого превращусь? Я хочу превратиться в папу! Нет, лучше в папу моего друга – Лопушка! Буду большим и зелёным Лопухом. Под моими листьями смогут спрятаться и ежата, и мышата. Я буду большим домом для жуков и улиток. Мама, а ты кем станешь?

– Я стану белым облаком, как то, которое плывёт одиноко в небе и меняется, становясь то соломенной шляпой, то лёгкой кисейей...

У облака точно лисья походка, подумал крошка-Лис, и ему стало грустно. На небе не спрячешься, как в траве, все видят лисьи хвосты – их огненную рыжину на закате... Может, сказать маме, чтобы она тоже стала лопухом, размышлял крошка-Лис, пока они шли по тропинке по направлению к ручью. Там недалеко, под древней корягой находился их дом.

– Мама, а папа?

– Что папа, сынок?

– Папа кем был до того, как стал Лисом?

Надо его спросить, – задумчиво сказала мама. Им было вместе хорошо. И кем бы они ни были раньше, и кем бы ни стали потом, главное было в том, что сейчас они были все одинакового рыжего цвета, и это роднило их больше всего на свете.

Уже поздно вечером, когда мама укладывала малыша спать, она тихо шепнула: «Папа был раньше крошкой-Лисом, совсем как ты».

Хельга

Все эльфы солнечные, других не бывает. Зачем она мне про это рассказала? И вообще эльфов нет, всё это сказки... Марк шёл по гранитному поребрику, балансируя своими длинными руками, как крыльями. Миниатюрная Хельга облетела вокруг него и села на его полупустой рюкзак. Марк пошатнулся и спрыгнул с поребрика в лужу.

– Как-то день не задался, – почесал голову Марк.

Ольга давно уже простила Марка, который стал для неё просто школьным воспоминанием, ярким и бестолковым. Таким же, как пустой звенящий колокольчик выпускного бала. Отзвенел его голос в груди и погас, осталась тоска, и тягучая память приняла её как нечто родное. Они расстались уже в четвёртый раз и, наверное, последний. Ольга тогда отправила свою любимую зеленоглазую эльфийку Хельгу вдогонку, едва успев сказать: «Береги его». Это были её последние слова.

Хельга – златовласка с изумрудными глазами, мысленно повторяла заклинание, которое никто не услышал, и как бы нам ни хотелось, но мы не узнаем о чём просила эльфийка свою богиню Дану. После этого Хельга обернулась серым котёнком и исчезла в ближайшей подворотне.

246

Марк почесал голову, обернулся на лёгкий шорох за спиной, попытался вспомнить, куда он шёл и откуда. Он не помнил, как оказался на улице и сколько прошло времени. Холодный промозглый день пробирался прямо в душу. Душа... Марк задумался, но мысли никак не собирались во что-то единое, разбегаясь, как струйки по витрине магазина. Марк застыл, с удивлением разглядывая себя в витрине. Он стал ещё выше, ещё красивее, ещё... Больше Марк не мог придумать, что ещё в нём изменилось. Свечение – этого точно не было! Марк стоял как заворожённый. Он так и не смог оторваться от витрины, всё больше влюбляясь в своё отражение. Утром ему на шею повесили объявление со словом «Sale».

А вечером того же дня Ольга принесла домой серого котёнка с ярко-зелёными глазами. Ох, и озорной этот котёнок...

Как мы сходили с ума. В очереди...

В очереди к психиатру встретила человека в красной футболке с огромным гербом СССР. На его большой голове, кажущейся такой из-за гривы вьющихся волос, намечалась уже заметная лысина. Что-то ещё было странное в нём. Запомнился потерянный взгляд, синие круги под глазами, опущенные руки. Казалось именно их он волочил за собой. Ему примерно столько же лет, как и мне. Скорее всего он не понимает, где находится. Мне стало жутко. Потом, вспоминая его, память вдруг приносит другую картинку. На центральном рынке, где стоят ряды лоточников всех мастей, парень, лет двадцати пяти, с растрёпанными длинными волосами, катится на самокате, сколоченном из деревянной доски и колёсиков. Развозит зелень и молодую морковь, которую сам вырастил. Он продаёт их только за советские деньги. Красивая морковь, тоненькая ещё, зелень – наисвежайшая, но он проезжает мимо меня. У меня нет советских денег, в ходу уже российские. Зачем ему деньги СССР – не ясно. А потом самое страшное воспоминание. Поминки. Три женщины: мать, жена и сестра. Мать говорит: «Он же обещал мне путёвку на курорт, кто теперь купит мне путёвку...» Жена: «А мне шубу обещал, и отдых в Турции. И потом мы планировали дом строить...» Сестра молчит и с ненавистью смотрит на мать и невестку. В мыслях крутится, но никак не попадает на язык: он же из-за вас повесился, хищные эгоистичные твари... Кисель не лезет в горло. Надо встать и уйти.

В мире вещей. Турка

Турку, наверное, придумали турки, потому, что до её изобретения, мы готовили кофе в обычной эмалированной кастрюльке, предназначенной для манной каши. Дети выросли, и кастрюльки переходили в разряд кофеварок и яйцеварок. Кофемолка с визгом молола зёрна, а мы занимали свои любимые места за столом, потому, что кофе – это всегда ритуал, даже если этот кофе варится в кастрюльке. А потом к нам пришли турки. Но сначала появились стихи про Босфор. Папа громко читал: «Никогда я не был на Босфоре...», долго рассказывал где это место находится. Спустя некоторое время на кухне появилась настоящая медная турка. На ней был нанесён восточный орнамент. Изучать турку взялась вся семья. Как в ней варить кофе никто не знал, гугла ещё не было, да и натурального кофе тоже, он стал дорогим дефицитом. Но кофе всё же был! Брикетированный! А ещё, новинка – растворимый! Этот кофе, был индийским, похожим на пыль. Продавали его в жестяных банках, коричневого цвета с изображением изящной танцовщицы. Турка для него была не нужна – кофе заваривался кипятком, прямо в чашке. К нему доставалось сливочное масло, сыр и белый батон. Иногда в кофе добавляли сгущённое молоко из банок с голубыми этикетками. Какое же оно было вкусное это сгущенное молоко – нежнейшее лакомство!

248

А потом в магазинах появилось всё, и кофе в том числе. Только сгущёнка стала невкусной и масло ненатуральным. Но кофе – другое дело! Он был самым настоящим – в зёрнах и молотый. Тогда же мы узнали, что он бывает разной обжарки. В то время у меня появился друг. Друг, как друг. Мы ходили с ним в кино и занимались разной ерундой... Однажды он принёс мне в подарок зелёные зёрна кофе, и мы решили для начала их обжарить в духовке. Вся кухня наполнилась кофейными ароматами. Почему-то сейчас это вспоминается, как маленькое счастье. Не знаю, до какой кондиции мы довели зёрна, но кофе показался необыкновенно вкусным. Мы его сварили в той самой настоящей турке, и она надолго потом заняла почётное место на кухонной полочке.

Турка и чашки любят свою жизнь на кухне. Они просто считают кухню своей вотчиной. Иногда они прячутся, а потом ищут друг друга. Но когда на кухне появляется кофемашина, турку убирают подальше. Чашки первое время не понимают почему турка оказалась в непривычном месте. У моей знакомой в ней стоят сухоцветы – маленький неяркий букетик. А для меня – это незаменимая ёмкость для поливания цветов. Вот почему я всегда люблю такие вещицы, которые приносят в жизнь радость открытия. Кстати, турка – это вовсе не турка, а джезва, так она называлась на своей родине, так называется почти во всём мире, но у нас прижилось иное название этого старинного сосуда. Чайник тоже придумали не просто для кипячения воды, я так подозреваю, и чайник ли он на самом деле?

В мире вещей. Стул

Стул никто не изобретал – стул появился сам по себе. Когда меня принесли домой из роддома, стулья уже были, потому, что я помню их конфигурацию как снаружи, так и изнутри. Они мне служили сначала домиком, а потом домиком моему коту. Это было счастливое время – хождения пешком под стол. Когда стул стал для меня доступен, мне разрешили не только на нём стоять, и мямлить под нос стихи, но и создавать баррикады. Самые серьёзные бои были именно за стулья! Стул всегда был центром притяжения. Кто бы не пришёл к нам в гости, все норовили тут же устроиться поудобнее. Особой любовью пользовался стул у пианино. Будто других стульев в комнате и не существовало. Конечно, крутящийся стул из настоящего отполированного дерева, на котором можно было крутиться, как на карусели, сам по себе притягивал внимание, но согласитесь, с ним не поиграешь в войнушку, а только «в принцессу», а мы девчонок брали в свои игры только в качестве пленных или санитарок. Поэтому этот стул даже за стул не считали. Сколько себя помню, стулья были самым важным предметом в квартире. Неважно, какое событие происходило – свадьба, похороны или просто посиделки, но стульев всегда не хватало. Их просили у соседей. Раньше так было: чуть чего – сразу к соседям! Хоть за стульями, хоть за солью, хоть денег перехватить до зарплаты. И никаких банков и прочей формальщины. Стулья ветшали, мы – росли, но всю философию и математику жизни постигали сидя именно на них. Вот такой предмет, ему бы памятник отлить, но об этом я подумаю в другой раз.

Почти детективная история. Желание

Иногда пропадает желание писать. Вот как сейчас – нет его. Куда делось, почему пропало – не докопаться до истины, не понять умом, не вычислить и не запомнить момента исчезновения. Видимо, тот, кто забирает себе желания – очень незаметный, буквально скользкий тип. Я один раз попыталась его схватить, но он выскользнул, я только услышала негромкое «мяв» или «ав», или что-то среднее между этими звуками. После этого наступила тишина, которая стала давить на уши. И всё – как музыканты говорят: медведь на ухо наступил, и ты перестаёшь слышать не только себя, но и окружающих. Как найти того, кто произнёс это злополучное «мяв». Вы только не подумайте, что я не умею искать. Я в детстве находила все ключи от тайников. Ни одна конфета не могла спрятаться в нашей трёхкомнатной квартире. И теперь, как настоящий стратег, стала прикидывать варианты возникновения звуков: от простейшей бродячей кошки, пробежавшей мимо, до слуховых галлюцинаций. С чертовщиной сталкиваться лоб в лоб не хотелось, поскольку не обладаю даже малыми рогами и копытами. Однако кулаком в воздухе потрясла, чем выдала свою слабость. Нет у меня приёмов против нечистой силы. Когда-то могла писать, легко излучая свет, и ни одна нечисть и близко не подползала, даже в своих дурных мыслях. Но с тех пор перо поиспесалось, стали закрадываться мрачные мысли... Стоп! Кажется, я поняла! Всё дело в цвете мыслей, это они притягивают нечисть... Кажется! Если мне кажется, то надо перекреститься!

– мяфф...

Ещё крест!

– мяфффрр

Ещё крест!

– ававвав! – в комнату влетел рыжий щен.

– Ты чей? Постой... Откуда здесь взялся?

– Да это я ловлю своего непоседу, – появился, сосед. Вот взяли вчера себе забаву. Дук, домой!

Когда всё вернулось на свои места, меня будто осенило, и я быстро записала: «Иногда пропадает желание писать...».

* Дук – популярное корейское имя. Дословно обозначает «желание».

Почти детективная история. Мама

У меня пропала юбка, потом кофта. Сегодня я не нашла платье. Чёрт знает что – творится в квартире! Я хожу от стула к креслу, заглядываю за диван – всё тщетно. Нет моих вещей. Туфли исчезли последними. Всё! Я отрезана от мира. Мозг вопиет: Мне надо в магазин! Мне надо пряников к чаю! Где все мои вещи!

Мозг упрямая штука! Звоню подруге, говорю так и так...

– Приди, пожалуйста!

А она мне спокойно отвечает:

– Шкаф открой! Внизу в пакете туфли, ты их убрала на лето, чтобы не мешались в прихожей. Платье с юбкой на плечиках, кофточка – там же! И не звони мне больше. Сегодня, уже третий раз набираешь номер!

Расстроилась... Скомкиваю лист бумаги, на котором крупными цифрами написан телефон и внизу подписано: Нина Савватеевна. Иду к шкафу и забываю, что я хотела здесь найти. Но я обязательно найду. Мозг напряжённо работает: здесь есть кто-то посторонний. Он всегда меня сбивает с толку.

Поворот ключа в двери.

– Сынок, это ты? Ой, как хорошо-то... У меня всё украли: юбку, кофту, платье и даже туфли. Я не смогла купить пряников к чаю.

– Мама, я всё купил. Успокойся. Пошли пить чай.

Выходной

*Кривая речь полуденной реки,
деревьев восклицательные знаки...
Александр Кабанов*

С реки летит свежий бриз и тут же тает, едва коснувшись кожи... На набережной собрался разный люд. Поэты, танцующие и гуляющие пары, одиночки, гоняющие на скейтах... Люблю смотреть на красивые пары, во всякой паре есть своя музыка... Музыка... Какое сложное отношение к этому искусству испытываю. Больше люблю тишину и в этом нахожу свою музыку. Если она ненавязчивая, тихая, как солнечное марево в начале сентября, то, да! Именно такую ты решил показать, но я слышала другую, которая играла, нет, витала в воздухе. Как я люблю такой воздух!

Серебристые тополя не сбрасывают ещё листву, и листья, волнуясь на тёплом, почти летнем ветру, переливаются в изломах лучей, они такие огромные, как мужские ладони. Я шла и думала, что если подойти поближе, то листья будут трепетно прикасаться к моему лицу, и я почувствую, как дышит дерево в самом начале осени. Но я шла мимо, чтобы не показаться странной ни тебе, ни тем парам, которые шли параллельно, красивые, как пароходы перед отплытием.

Визитка

В следующий раз, когда я захочу постучаться в Вашу дверь и услышать: «Как я рад Вас видеть...», я обязательно зайду в магазин, где продают самые вкусные сорта чая и кофе.

Куплю два небольших пакетика. Один с зеленым чаем и ароматом манго, а второй с перемолотым, прямо при мне, кофе. Аромат в таких местах, где продают на вес счастье, просто восхитительный. Я могу подолгу стоять и рассматривать все эти удивительные чашечки с золотыми рисунками на дне, ложечки, скорее похожие на блестящие палочки, и другую атрибутику чайно-кофейных церемоний.

Решилась, но иду не спеша, по пути заглядываю в ещё пару маленьких аутентичных магазинчиков. Думаю о визите, а в руках оказывается «миллион» разных вещей, среди которых можно обнаружить совсем странные – допотопный калейдоскоп, старые бусы из бирюзы... Шоколад! Конечно, и его тоже! Вы мне напоминаете о том времени, когда сны были долгими, мечты – яркими.

Вот и всё! Я была так близко от Вас, но не решилась войти в дверь подъезда. Я стояла и мерзла. Мне тридцать шесть... Может хватит безрассудств?

Вы подали визитку незаметной женщине на выставке, приглашая оценить картины, приглашая стать моделью. Как же плохо она сжимается в кулаке.

Кори

Кори поёт. Кори – это породистый пёс. Мудрёное имя ему выбрали заводчики, а я его зову просто – Кори, Корней, иногда Кориандр. Он поднимает ноты до самых верхних, вытягивая шею. Самое лучшее, что мы можем – это вместе повить, когда мы остаёмся с ним одни одинёшеньки. Нет, конечно, мы можем вместе вывалиться в снегу и заняться вытягиванием теннисного мяча друг у друга, но повить – это лучшее соединение двоих. Даже среди людей найти того, с кем можно так развиться – это та ещё задача! Сегодня Новый год, а настроения всё ещё нет. Оливье – не хочу, крушон не готов, сырны палочки есть только в планах. Мысленно перебираю то, что хотела бы видеть на своём столе. Кори, хватит лизать мою руку, я помню про твоё новогоднее меню – вкусняшки твои припасены. Пойдём-ка лучше на улицу – нагуляем аппетит. Кори не нужно уговаривать, он соскакивает со своего места и проявляет полную собачью готовность. До чего же ты умный пёс! Неожиданно кто-то позвонил в дверь. Кто бы это мог быть? Соседка пришла с поздравлениями! – Проходите, пожалуйста!

У соседки в руках пакет с мандаринами.

– Я сегодня осталась одна, мои уехали к маме на юга, а я застряла в московских дождях... Услышала как вы с Корнеем поёте и решила зайти к вам!

254

– Оставайтесь, вместе посмотрим фильм, выпьем чашечку кофе... Только я ничего не успела приготовить...

– Я сейчас принесу!

Вскоре на столе стоял салат «оливье» в хрустальной лодочке и заливное в белоснежном салатнике. Я достала из холодильника нежнейший «наполеон». Вечер становился томным.

Однако Кори слегка напоминал о себе таким едва слышным поскуливанием... Пообещав, что мы скоро вернёмся, мы всё же вырвались с ним на свежий воздух и счастливый Корней, стал наматывать круги счастья у каждого знакомого с детства куста.

Когда же мы вернулись домой, на соседку было страшно смотреть. Лицо её приобрело очертания шара, глаза заплыли, губы расплылись, шеи не было видно вообще... И она явно себя плохо чувствовала. На столе лежала горка кожуры мандаринов. Не раздеваясь, вызываю «скорую» и судорожно начинаю искать что-нибудь суггестивное, как назло ничего такого у меня нет, у соседки тоже. Благо скорая приехала быстро. Соседку забрали, а я так и не смогла лечь спать. Новый год начался как-то очень уж нервно. Соседки не было больше 10 дней. Её супруг сказал, что это был отёк Квинке, но сейчас уже всё хорошо. Я стала забывать про эту историю. Жизнь входила в привычную колею. Соседка появилась 14 января с коробкой конфет и поздравлением со старым Новым годом! С тех пор мы с ней дружим. Мандарины, правда, остались в прошлом.

Счастье

Сколько ни старался красный шар надувать свои щёки, а сосулька всё равно потешалась над ним:

– Лопнешь!

– Глупая, – гудел шар.

Может быть, они бы и дальше спорили, только к сосулке подкрался озорной котёнок по кличке Ос. Наверное, его имя, сокращённое от слова Осёл, подумала сосулька, потому, что Ос стал лапой подбрасывать её. Но Ос был увлечён игрой света – сосулька переливалась в лучах старой гирлянды. Ему было всё равно кто и о чём думает. Сосулька напоминала ему о том времени, когда он мёрз на ступеньке подъезда, а с крыши текли тонкие струи холодной воды, такие же серебристые как эта сосулька. Вода разбрызгивалась, ударяясь о выбитые лунки на крыльце и обжигала и без того замёрзшие лапы и тело потеряшки. Теперь он мог потрогать сосульку лапой, не боясь обжечься. В комнате было тепло и пахло по-особому. В запахи комнаты вплетались нотки мандарина, смолы и свежесдобитых кренделков с корицей, которые на кухне складывала в корзинку его замечательная подружка Светка. Именно она спасла его от холода и голода и дала такое странное имя – «Ос». Сам-то он себя по-другому называл, но уступил и стал откликаться на непонятное «Ос», ведь он успел крепко привязаться к своей странной подружке. Вот и сейчас он пытался достать для неё с неба серебристую сосульку. Это был бы лучший подарок, от чистого кошачьего сердца.

Когда ёлка с ужасным грохотом упала и красный шар с серебристой сосулькой сверкали искрами по всему полу, а Светка что есть мочи кричала: «Ос, Ооос!..», Ос превратился в тень, забился в вату под ёлкой и не отсвечивал, боясь произнести банальное «мяв».

– Островок... Ну что же ты наделал! – прижимая к себе котёнка, шептала Светка, – сейчас гости придут, а тут такое...

Но Ос уже мурчал со всей своей кошачьей нежности, он был на руках, его гладили руки самой любимой подружки на свете, и это походило на счастье. В Новый год так и случается. Счастье приходит внезапно.

Богтехмаш

Это происходило в час, когда розовое солнце ещё нежилось на горизонте в ласковых лучах. Я подставил лицо их ласкающему теплу и ощутил аромат травы и цветов. Неподалёку раскинулась причудливой формы клумба. Это её нежные флюиды витали в воздухе. Всё располагало к принятию этой жизни. Ещё издали я услышал «дин-дилинь» трамвая, который плавно передвигался к остановке.

Трамвай был светло-голубого цвета. Подумалось, что он не идёт по рельсам, а летит над ними. Когда распахнулись двери, увидел, что места в вагоне почти нет, а впереди стояли ещё несколько джентльменов и дама, которую я пропустил вперёд. Немного прижавшись друг к другу, мы всё же поместились в этом чудесном самодвижущемся вагоне. Следующая остановка «Дача Сорочья». Я хорошо знал остановки этого маршрута, ведь почти каждый день имел удовольствие добираться до работы в приятном обществе земляков. В нашем небольшом городке живут люди совершенно душевно настроенные. Вот и сейчас мне улыбнулась девушка в сиреновом берете, и, протянув руку, попросила передать плату за поезд. Протягиваю руку навстречу и случайно задеваю локтем пожилого господина.

256

– Простите, пожалуйста. Не хотел вас задеть, но раз так получилось, передайте деньги на билет дальше...

Господин нехотя принимает монеты. И в этот самый момент наш удивительный воздушный транспорт останавливается, и волшебный голос, какой можно услышать только в опере, сообщает, что трамвай не может двигаться дальше, поскольку путь занят, случилась авария. Машины что-то не поделили, и в суматохе едва не случилось непоправимое. Всем стало любопытно посмотреть, что же случилось в такое чудесное утро. По просьбе джентльменов наш ангел-водитель, очаровательная женщина, не замедлила открыть двери своего голубого трамвая.

Всё устремились на свободу. Меня кто-то толкнул с силой в спину. Наверное, случайно. Я обернулся, мне приветливо улыбался всё тот же пожилой джентльмен. Он, по-видимому, ехал просто так, без дела, изображая наивного туриста. Теперь я рассмотрел его лучше. Его обаятельная улыбка обнажила существенный недостаток зубов. И ещё... я нечаянно обратил внимание на то, что на его плаще осталась только одна жёлтая пуговица. Пуговица походила на свежую глазуню, которую случайно обронили во время завтрака.

Когда пассажиры высыпались из вагона, как горох на блюде, попутчик деликатно произнёс: «Слава Богу, мы свободны». «Чёрт!», – подумал я, и впервые за это утро тёмная тень набежала на моё чело. Асфальт мягко трепетал, источая нежный аромат гудрона. Утро становилось немного душным. Я-то сразу узнал, что один из участников аварии на путях – муж нашей многоуважаемой Натальи Фёдоровны Занозы. Он вёз её на работу. Наталья Фёдоровна была бессменным начальником отдела кадров на предприятии, где трудится ваш покорный слуга.

Наталья Фёдоровна, не дожидаясь разрешения внезапно навалившейся проблемы, а может, находясь в шоковом состоянии, зафрахтовала такси и уехала, оставляя на месте аварии несколько непередаваемых фраз и приятный шлейф французских духов. А я, вспоминая всё это очарование, представлял в ярко-пурпурных тонах встречу с ней на работе. Это подгоняло, и я переходил с шага на спортивную ходьбу, спеша к остановке автобуса.

Нетрудно догадаться, что, когда я приехал на работу, она, наша Фея Беспристрастия, была уже на своём месте и гордо приказала мне написать объяснительную, почему я злостно нарушаю дисциплину и регулярно опаздываю на работу. В моей светлой голове толпились мысли, одновременно наивные и горькие.

В объяснительной я написал про чудесное утро этого дня. Про цветы, и процитировал Овидия:

Мчусь то туда, то сюда, – надвое вечно разьят.
Стоит ли муки мои без конца умножать, Эрицина?

Ночью снилась Наталья Фёдоровна собственной персоной. На ней было длинное голубое, расклёшенное книзу платье, поверх которого надета огромного размера нейлоновая воздушная жилетка, чуть темнее платья. В тон платья снился трамвай, и вела его Наталья Фёдоровна с лёгкостью и присущей ей изящностью. А джентльмен в плаще с висящей пуговицей-глазуньей указывал путь. Впереди виднелась проходная завода «Богтехмаш».

Монолог мастера

Тяжёлая работа

Быть продавцом – не самое простое занятие, скажу вам. Каждый норовит обидеть – словом задеть, а ты обязан улыбаться, как майское солнце любой букашке. Я вот в такие моменты про себя начинаю читать «Отче наш, забери её отсюда, забери навсегда...», иногда помогает. Если не помогает, пытаюсь несколько раз извиниться за то, что не так всё понимаю, не то подаю и за факт своего рождения. Ауру буквально срывает испепеляющий взгляд, и недовольное лицо наконец-то исчезает из поля зрения, а ты искренне вдыхаешь свежий воздух.

Тяжёлая работа! Но если в неё вжиться, по-настоящему полюбить, то не хуже других. Пару раз я спасала жизнь девушкам, падающим в обморок от жары и цен, пару раз сама оказывалась в их положении, пару раз мне делали пристойные предложения, и пару раз мне приходилось вызывать охрану. В общем, работа как работа. Зато теперь я с чёткостью ищейки вижу «воровчиков» в толпе и предлагаю пройти на выход до момента, когда они начнут применять свои навыки. Практика – великое дело!

Камни

Охранником быть не просто, а очень просто. Главное приспособиться спать на стуле с открытыми глазами. Чем больше сможешь так просидеть, тем выше твоя квалификация. Могут даже повесить до начальника смены. Но там уже не моргай совсем! Но что за работа, если в ней нет подводных камней. И в нашей работе их полно! Я эти камни выкорчёвываю с илом, а они опять вырастают. Вот недавно, по-хорошему попросил Дусю Ивановну приходить не в пять утра и разводить сырость по коридорам, а хотя бы дать мне поспать до полшестого. Но Дуся Ивановна тот ещё камушек – просто так не выкаатишь с работы. Приходится встречать восход вместе, но зато мне иногда малинового варенья перепадает к моему чёрному, как ночь чаю. Чай – первый друг охранника. Кто чай не пьёт, и не спит с открытыми глазами, в нашем ведомстве не задерживаются. Бандитов не встречал, но если что, то я всегда начеку. Заварку в глаза, малиновое варенье в рот и кипятком на балаклаву.

Совість

- Совість, ты есть у меня или нет?
- Да куда ж мне деться от тебя?
- А почему молчишь?
- Я сплю.
- Война, люди умирают, а она спит. Лучше бы ты спала, когда за меня мама вступилась, а я её обманула. Детство же было... Глупая была. Так нет – всю душу мне извела.
- Я тебя тогда уму разуму учила. Вот теперь ты мне покоя не даёшь, а я уже старенькая, мне спать охота.
- Давай поднимайся! Работы не початый край! Старенькая она...
- В твои годы люди меня уже не трогают. С пониманием относятся к возрасту, а у тебя всё шило в одном месте покоя не даёт ни тебе, ни мне!
- А ты точно совість? Сдаётся мне, что тебя подменили! А ну-ка, выметайся из моего тела, ишь приспособилась, приудобилась, прижилась... У меня и без тебя тут много лишнего... И совість поискать ещё надо. Она у меня никогда не спала раньше. Тяжко ей со мной было, но и радостно иногда. Где ты, совість? Поговорить надо...

Отпускное

- Вот не лезет же уже, а она напихивает! Чёртова дыня! Я уже захлебнулся её сладостью. Хва-атит!
 - Господи, как вкусно! Не могу оторваться! Ещё дольку и всё!
 - Нет! Я не выдержу. Пожалей меня. Знаю, что ты думаешь, что я – резиновый, но это не так.
 - Кажется, желудок протестует, ладно последний кусочек...
 - Это проклятье желудков, а не шведский стол! Какой извращенец его придумал? Мне иногда кажется, что у моей хозяйки рот не закрывается ни на минуту. И ради этого она целый год мне даёт только яблоки и воду? Самоубийца ненормальная! Доведёшь ты сегодня меня до истерики...
 - Ладно, ладно, не кипятись. Ещё небольшой десерт. Посмотри, какой он красивый. Что, интересно, у него внутри?
 - Тоже, что и у меня – каша-малаша.
 - Не говори так...
 - Мадам Кусочекова, хватит запихивать в меня всё, на что упадут твои всё пожирающие глаза!
- Всё вставай, не оглядывайся! Пошли к выходу. Господи, помоги не разбултыхать всё. Надеюсь, она не с разбегу прыгнет в бассейн.

Ковёр-самолёт. Инструкция по применению

Ковёр-самолёт
Инструкция по применению

Изделие «Ковёр-самолёт» имеет две модификации: стандартную и модернизированную.

Стандартная модификация не летает только туда, куда Макар телят не гоняет. Все остальные опции доступны. Стандартная модификация управляется голосом. Модернизированная – с помощью искусственного интеллекта (ИИ).

Не желательно использовать ковёр не по назначению: для перевозки грузов, торговли, завёртыванию в них краденых невест... Функционал распознаёт кодовые слова.

Подготовка и использование изделия.

Ковёр развернуть в чистом поле или на краю пустыни, сесть в центр ковра, в позу «я тут главный гость этой чайхоны», произвести заклинание (текст прилагается). При резком торможении держаться за бахрому. После прибытия поставить на тормоз заклинанием (текст прилагается). С управлением справится и младенец.

261

Испытано: в 1002 году.
Следующее испытание: в 9002 году.

По всем вопросам, связанным с качеством данного изделия, обращаться в службу поддержки. Офис находится по адресу: Селение на краю леса, где жил Али-Баба. Пещера. Код: Симсим откройся.

При покупке Ковра-самолёта, леденец в подарок! Акция проходит постоянно.

Незнакомые дороги

С.К.

Самая главная дорога остаётся незнакомой до конца жизни. Ты можешь сколько угодно менять маршруты и отклоняться от пути, останавливаться, обрастать обстоятельствами, но дорога будет терпеливо ждать. И когда снова пустишься в путь, ты это почувствуешь. Мы в душе идущие. Кто-то идёт к свету, подчиняясь его силе, кто-то прокладывает ледовую дорожку в ледостырь, живя заботами, кто-то плурует, как заяц в сезон охоты... Разные дороги, и каждый знает, где его путь. Куда он выведет, не знает никто. Вот и Серёжка Дронов не знал. Не знал, что Советский Союз рухнет в одночасье, что жизнь советского школьника и задиры быстро превратиться в жизнь с бандитскими разборками, что в один момент жизнь сломает его в буквальном смысле. Серёжка Дронов сильный, молодой, окажется в инвалидной коляске. Он многое переосмыслит, во многом раскается. Вся его дорога будет заключаться в поездке по маленькой квартире. Он научится зарабатывать деньги, «сидя на телефоне» и разыщет одноклассников. Сергей будет следить за событиями близких людей и в этом находить смысл жизни. Как всё же мы связаны своим прошлым. Оно наполняет теплом сердце.

262

Не время думать, как могло бы случиться, если бы... Всё случилось так, и нет смысла додумывать. Но когда я думаю про жизнь Сергея, вспоминаю первый его звонок, который прозвучал в моей давно устоявшейся жизни. Диалог показался слегка несвязным, потому что был совершенно неожиданным. Слышно было, как Сергей волнуется. Я узнала его. Не сразу, но узнала. Вспомнила мальчишку, сидящего за партой сзади, которому ручкой рассекла бровь. Открытый взгляд, голубые глаза. Этот шрам остался у него на всю жизнь. Я поблагодарила Бога за то, что иногда мы попадаем не в глаз, а в бровь. Вспомнила, как металлическая пулька впиалась моей сестре под глаз. И боль, и слёзы. Отметина долго напоминала об опасных рогатках, пока не исчезла. Советское детство было дворовым, свободным, ярким. Мы учились дружить, прощать и выручать друг друга. Наверное, поэтому мы всю жизнь безотчётно верим дворовым друзьям, одноклассникам.

Сергей звонил не часто, но если звонил, то мы разговаривали подолгу. Ему было интересно всё, что было в моей жизни, и я чувствовала, что это было не формальное «какдела». Мы делились планами и воспоминаниями. Странно всё же, что детство одно, а воспоминания у нас разные. Я расспрашивала его о тех одноклассниках, с которыми была дружна в школе. У меня было ощущение, что он связующее звено между нами. Сергей охотно делился номерами телефонов, будто соединял нас снова и снова в один класс. Иногда я брала

телефон в руку, и какое-то время смотрела на его тёмный экран. Нет смысла поднимать глубинные слои, когда они уже отлежались, как вековые торфяники под зелёной водой.

Я набирала телефон Сергея, когда он не звонил в течение месяца. Волновалась. Так было и в тот раз. Трубку не брали. Через месяц он позвонил сам:

– Я лежал в реанимации. Воспаление лёгких. Меня выписали умирать. Мама вызвала «скорую». Очнулся, а возле меня врач составляет акт о смерти. Потерял сознание, видимо, надолго. Я видел их глаза. Скоро умру. Не могу говорить, сил нет. Прости.

Это был последний разговор. После этого молитвы текли о его душе. Бог милостив. Доброй тебе дороги.

Дорога

Жила-была дорога. Она была такой длинной, что казалось – нет у неё ни начала, ни конца. Она помнила только то, что начиналась с тоненькой тропинки. Теперь она изменилась – стала шире и уже не походила на ту, пылящую с колеёй в середине и ромашками по краям. На ней появилось покрытие, которое защищало от раскисания до полной негодности.

Однажды дорогу расширили: добавили ещё одну полосу, нанесли разметку, поставили ограждения и фонари. Теперь она стала пропускать огромные потоки машин и дорогу уважительно назвали – автострада. Название замечательное! Оно напоминало о том времени, когда по дороге вывозили пшеницу, рожь, гречу... Это была настоящая страда. Встречные машины приветствовали друг друга гудками. Дорога вздохнула, прогибаясь под очередной фуруй.

Скорости всё увеличиваются. Недавно дорогу разделили на две. Заново разлиновали, как нотный стан. Теперь потоки машин разделены. Машины торопятся. Не здороваются, больше перемигиваются. Дорога выучила язык автомобилистов, забавно смотреть как бескрылые пытаются взлететь... Но боятся напороться на штраф. От прежней спокойной автострады не осталось и следа, вздохнула автомагистраль, вильнув хвостом, где-то там, за тридевять земель.

Голова бедовая

Тамара, женщина в самом расцвете лет, была по-своему красивой. Вернее, всё по отдельности в ней было красивым, но вместе это выглядело довольно заурядным, но с той долей лёгкого шарма, который позволял называть её особенной и даже интересной. Более всего она напоминала вытянувшуюся в рост лягушку. Длинные ноги, тонкие изящные руки, огромные зелёные глаза на круглом лице... Она давно приняла себя такую и полюбила яркую одежду и маленькие сумочки. Это добавляло ей очарования.

Сегодня Тамара проснулась в холодном поту. Ей снился Виталий. Это с ним она прожила последние двадцать лет и уже срослась с его причудами. Виталий был молчаливым и грубым, но всё же был счастьем всей её жизни. Теперь он казался Тамаре ещё красивее. С возрастом он заматерел и приобрёл ту мужскую привлекательность, от которой так щемило в груди.

Снилось, что её Виталий лежит посреди улицы на сером снегу и ему очень плохо. Сердце! Во сне диагнозы ставились легко и, что самое важное, точно. У него же сердце рвётся! А все идут мимо, мимо... Тамара зовёт людей на помощь, но никто не оборачивается, все спешат. Ужас забрался под кожу. Тамара понимала, что ничем не может ему помочь. Она видит мужа со стороны, а приблизиться не может. Проснулась женщина оттого, что закричала во сне. Ощущение спазма в мышцах, оцепенения, постепенно проходило. Фух... Какой мутный, дурной сон! Почему Виталик приснился с таким бледным лицом...

Пока она приходила в себя, прозвенел будильник, и времени переживать и стряхивать с себя пелену сна не оставалось. Виталия дома не было. Он работал посменно, и сегодня у него был рабочий день. В такие дни он выходил раньше Тамары на целый час и не будил её. Виталий аккуратно закрывал за собой дверь.

На работу пришлось собираться быстро. Утренний туалет занял большую часть времени. Душ не бодрил, и тяжелая голова давала о себе знать. Выбравшись из душевой, обернув себя полотенцем и едва промокнув ноги о коврик, Тамара на цыпочках добежала до гардеробной. Одеваясь, подумала, что нужно не забыть бирюзовые бусы. Они так идут к глазам и голубой блузке. Чёрная юбка дополняла образ и хоть не была такой уж любимой, но её присутствия требовали негласные правила компании, в которой трудилась Тамара.

Поколдовав с прической и подмигнув себе в зеркало, Тамара заглянула на кухню. На столе после Виталия осталась стоять пустая кружка и тарелка с недоеденной яичницей. Виталик тоже, наверное, спешил, – кольнуло сердце, но думать об этом было некогда. Ей тоже было не до мытья посуды. Быстро смахнув остатки в мусорное ведро, и поставив посуду в мойку, вышла из кухни.

Сама Тамара привыкла пить утренний кофе на работе. Она укладывалась в последнюю минуту. Уже в прихожей, полностью одетая, готовая на выход, бросила взгляд в большое овальное зеркало в бронзовой оправе. Быстро оценивая вид, закинула ремешок сумки на плечо. Два поворота ключа. Тамара проконтролировала себя, дёрнула за ручку, и удостоверившись, что дверь закрыта, застучала каблучками по лестнице и с разгона буквально вылетела на улицу.

Резкий ледяной ветер хлестко ударил по лицу. Тамара поежилась, но деваться некуда, она поспешила по направлению к остановке. Холодно! Завернув за угол дома, Тамару передёрнуло. Прямо по середине дороги лежал мужчина и не двигался. Чёрт знает что! Тамара быстро обогнула мужчину и поспешила дальше, быстро договорившись со своей совестью. Она торопилась. На работе и так напряжёнка, какие могут быть мужчины в пути... Тамара давно уже переживала из-за грядущих сокращений, а сегодняшнее опоздание могло стать решающим.

Но тут её как кипятком ошпарило. Сон! Он не зря приснился. Тамара замедлила шаг, обернулась. Мужчина лежит и не двигается. Сердце у Тамары доброе и голова бедовая. Сознание еще борется, но не долго. Она развернулась и бегом к нему. Товарищ лежал лицом вниз. Уткнулся в дорогу. Видно, что как упал, так и не двигался больше. Тамара осторожно потрогала:

– Живой?

В ответ услышала мычание и резкий запах перегара. Да он пьян в стельку! Но всё равно спросила:

– Идти можешь?

Пьянчужка попытался передвинуться, встать на колени, но безуспешно. Зато он стал отвечать на вопросы, и Тамара узнала, что ноги у него больные, отказывают. Стоять долго не мог, поэтому его уволили, и он с горя напился. Что он совсем чуть-чуть не дошел до дома и при этом жестом показывал на дом Тамары. Вот при таких обстоятельствах приходилось иногда знакомиться с соседями по дому. Бросить его так в беспомощном состоянии на улице

Тамара не решилась, все-таки мороз не шуточный. И потом мелькнула какая-то странная мысль, что может и Виталику кто-нибудь когда-нибудь – поможет.

Она попробовала поднять этого пролетария на ноги, но не тут-то было. Он действительно в буквальном смысле не стоял на ногах, только мычал. Тут же вспомнились военные фильмы, где медсёстры тянут раненых волоком по земле. Тамара перебросила сумку через голову и правую руку, чтобы не мешала, попробовала потянуть полуживого человека. Получилось!

И потащила Тамара чужого пьянующего мужчину, благо по накатанному снегу не так сильно тяжело, но и не сказать, что легко. Совсем ты, Тома, с головой не дружишь! Все нормальные люди прошли мимо и давно сидят себе на работе и чай попивают. А такие, как ты, будут рассказывать небылицы начальству, которое тебе и так давно уже не верит!

С трудом, затащив во двор мужчину, Тамара задохнулась. Во время передышки стала выспрашивать у попутчика, в какой подъезд должно поехать тело. Конечно, в самый дальний. Тут без вариантов, можно было и не спрашивать.

До подъезда она его доволокла уже на полном издыхании.

267

– Тебя как хоть зовут?

– Василий Иванович.

– Ой, ну не смейся, пожалуйста! Не хочешь, не говори. А на каком этаже живешь? Только не говори, что на пятом...

Не-ет! Дом без лифта. Приехали.

– Дома кто-нибудь есть?

– Мама. Старенькая она.

У Тамары не оказалось нужных слов... Кое-как они осилили первый пролет. Тамара усадила «раненого» около батареи, чтобы не замерз, и уже собралась убежать, как вдруг её остановил вопрос:

– Ты сестра?

Тамара остановилась, в первую секунду не понимая, про что идет речь. А он снова повторил:

– Ты сестричка?

Тамара улыбнулась:

– Нет! Я ангел твой.

Первым делом, освободившись от подопечного, Тамара набрала номер мужа. Вместо звонка лилась мелодия Золотого города. Возьми трубку, иначе мне придётся уволиться. В голове мысли набирали крутой оборот. Тамара застыла в позе ожидания.

Гусли

Жизнь длинная, а посмотреть с боку и не на что... Трудные девьяностые описывать – только слёзы выжимать. Помню, шла из женской консультации, завернула на стихийный рыночек стою, беременная около бабулек, которые на асфальте расставили свои баночки с консервами и медитирую на горлодёр. Отойти не могу, ноги не слушаются. Кажется, если отвернусь – жизнь кончится. Рядом автолавка, привезли яйца, идёт бойкая торговля. Потом улавливаю какой-то разговор, который идёт уже на повышенных тонах и самое неожиданное – на глазах у всех, кто стоял у автолавки в надежде купить заветную ячейку белых отборных яиц, три громилы начали камнями забрасывать автолавку. В тот момент в моё сознание прочно вошло слово рэкет. Это было какое-то совершенно дикое действие. Через десять минут от яиц ничего не осталось. Многие просто молчали, почти все столкнулись с чем-то до этого момента неизвестным.

Но не хочется продолжать...

Зато вот это вспомнилось с какой-то чистой радостью. Детский сад №150 города Красноярска. Это был, наверное, 1971 год, мне шесть лет. Воспитательница Валентина Григорьевна принесла в группу гусли. Необычная форма и яркий жёлтый цвет так и притягивали к себе, этаким магнит для детских глаз! Это была не игрушка, но нам всем разрешили подойти и потрогать инструмент. Он был деревянный, гладкий, с тугими струнами. Когда нас повели на прогулку, гусли взяли с собой. Валентина Григорьевна положила их на колени, прикоснулась к струнам и появилась музыка. Мы стояли кружком возле воспитательницы и не сводили взгляд с её рук, замерев, наверное, от восторга. Ничего подобного я раньше не видела и не слышала. Гусли под перебором пальцев оживали и будто с тобой разговаривали. Это Валентина Григорьевна рассказывала под музыку какую-то сказку, а мы слушали и слушали, а когда сказка закончилась почти все разбежались. Не знаю, почему я не убежала. Так и осталась стоять рядом, словно меня заколдовали.

Я встретила Валентину Григорьевну спустя двадцать лет. Она меня узнала. Да все узнавали, видно совсем не изменилась. Она подошла ко мне на улице, и мы разговорились. Поговорить было о чём. Шёл 1991 год. Страна трещала по швам, что-то опасное витало в воздухе.

– А помните, как Вы принесли в группу гусли? Это был самый яркий день в детсадовском детстве.

– Помню. А приводите своих детей в музыкальную школу!

– Вы преподаёте? Как же это замечательно! Я чувствовала, что музыка была с нами всегда рядом.

Мы попрощались, договорившись о новой встрече, которой не суждено было сбыться.

Вроде не самый большой город, а пути в нём такие замысловатые, как моя память. А она говорит мне, что ничего больше не смогло меня поразить так же, как музыка, услышанная в детстве. Со мной остались навсегда удивительное звучание гуслей, солнечный летний день и большие добрые глаза Валентины Григорьевны.

Блат

СССР – страна блата. Блат – это такая форма взаимовыручки. Когда тебе дают что-то, что другим не достаётся, в обмен на твою услугу или просто по знакомству.

Мой дядя был парторгом на химическом заводе, довольно долгое время. Я помню первое упоминание этого слова «парторг», когда мне понадобилось новое пальто. Это был, наверное, 1975 год, мне 10 лет, скоро осень, а у меня руки и ноги выросли из всей одежды. И если с ногами не возникло никаких проблем, то с руками были одни неприятности. Нужно было срочно купить новое пальто и новую форму, а в магазинах «ничего на неё нет», так сказала мама, дяде Рюрику. Прошла неделя. Это был обычный день, я гуляла во дворе и очень сильно удивилась, когда мама появилась и сказала: «Мы спешим». Она отпросилась с работы, чтобы свозить меня в магазин, который был на территории химического завода. Нас пропустили на проходной, и я впервые попала в какой-то другой мир. Огромные площади завода произвели на меня впечатление. Мне показалось, что я попала в тайный город. Нас отвели в магазин, и надо мной долго колдовала милая продавщица. Пальто было очень красивым. Это было не серое, прямое, тяжёлое пальто, а ярко-песочного цвета «колокольчик». Лёгкое и тёплое! Пальто настолько сильно отличалось от всего того, что я видела раньше, что я сразу в него влюбилась и готова была идти прямо в нём! Но мне не разрешили его носить до сентября. Школьную форму мне купили в «Детском мире». Такие магазины были, наверное, в каждом городе. Форму немного укоротили, и я сама пришила белый воротничок. Теперь я была готова идти в школу. Позднее у нас дома появилась югославская стенка, а потом – стиральная машинка и современный холодильник. Всё это появилось у нас благодаря дяде Рюрику. Неплохо жила партократия в советское время. Умела делиться.

Моя мама, после того как она ушла из учительниц, стала работать в Енисейском управлении речного пароходства, секретарём. Для работников, на территории пароходства, были построены магазинчики. Поэтому у нас дома периодически стали появляться: сыр, сгущёнка, шоколадные конфеты, кофе, какие-то компоты и консервированные огурцы из Болгарии... Даже когда дефицит был тотальным, нам хоть что-то перепало из госпоставок на Север. Енисейское управление речного порта всегда жило немного лучше остальных, в городе.

Запомнился случай, когда мы с мамой зашли в обувной магазин и долго ждали, когда к нам выйдет какая-то «заведующая». А потом, мама просила позвонить

ей, когда в магазин поступят туфельки на каблукках. У неё был редкий – тридцать третий размер. Заведущая магазином забрала коробку конфет и улыбнулась мне.

Мама была хрупкой женщиной. Она любила акробатику и танцы. Поэтому меня пыталась записать сначала в музыкальную, а потом балетную школу. Моя сестра-погодка с детства занималась акробатикой, я тоже старалась не отставать и легко вставала на мостик и делала шпагат. Давно это было, сейчас, кажется, что и не было этого ничего. Но вот что замечательно и это отложилось в памяти – все дети были чем-то заняты. Кто-то занимался искусствами, кто-то спортом, кто-то ходил в кружки творчества. Классное было время.

У папы не было никаких возможностей скрасить домашний быт. Он никогда не мог принести со своей работы даже обычную ручку. Работал он в Красноярскгражданпроекте, начальником сметного отдела. Правда, когда я перешла в девятый класс, папа принёс домой настоящую огромную готовальню. Она была новенькой, циркуль был металлический, а не та куриная ножка, в которую надо было вставлять простой карандаш. Папа научил правильно затачивать карандаш, чтобы он оставлял чёткую линию. Мне это очень пригодилось, когда я поступила на должность инженера-конструктора, но это было позже, а пока я наточила все карандаши на своём столе и была счастлива, потому что папа посмотрел на меня с одобрением.

В десятом классе, папа принёс с работы мягкий белый ластик – это было что-то фантастическое. Я даже попробовала его пожевать, но поняла, что всё же он не для того нужен. Этот ластик был истёрт до копеечного размера. Откуда у папы появлялись эти предметы, я не знаю, скорее всего, это были подарки архитектурных мастерских. В папином отделе ничего кроме огромных справочников, ручек и калькуляторов не было. А сначала и калькуляторов не было, а были такие громоздкие счётные машинки – «Феликсы». Почему, интересно, «Феликсы»? Один такой Феликс поселился у нас дома, на папином столе. Папа брал домой работу и называл это «халтурой», но я точно знала – папа не халтурил. Обычно, с самого утра он обкладывался разными справочниками, и целый день сидел за столом. Его нельзя было отвлекать. Я была непослушной. Но один раз мне было сказано, что если сделать ошибку в самом начале, то, когда закончишь работу и поймёшь, что что-то не сходится с реальностью, всё надо будет повторить с самого начала. Такая трудная была работа у папы. Но я запомнила главную мысль, что любое дело надо выполнять очень хорошо и быть внимательной. Сколько раз меня это выручало потом – не сосчитать.

В детстве я любила, когда меня не отводили в садик, тогда папа брал меня с собой на работу. Там был лифт, на котором можно было два-три раза прокатиться. Немного кружилась голова, но я всё равно каталась. Детство казалось бесконечным...

Артек. Детская Морская Флотилия

Сейчас я уже не вспомню точно, но казалось, что в бассейне мы проводили всё свободное время. Выходные полностью заняты тренировками, и никакие отговорки на тренера не действовали: «Не хотите заниматься, значит, вам не место в команде». Мы боялись пропускать тренировки, ходили все. Не помню, когда я выполняла курсовые работы, но помню, когда у нас были подлёдные спуски на озере. Проблем с профилирующей кафедрой, в общем-то, не было, и я отдавалась увлечению полностью, не замечая другой студенческой жизни.

Сегодня тренер пришёл в приподнятом настроении. Улыбаясь в пушистые усы, он подмигнул мне. Что-то будет – пронеслось в голове. Тренер что-то точно придумал. Последний раз, когда у тренера было такое настроение, в выходной день команде пришлось бежать вверх до самых «Столбов». Есть в городе заповедник с таким народным названием. Дорога до каменных глыб не то чтобы трудная, но люди предпочитают идти неспешно. На верхней площадке, сделав круг почёта вокруг знаменитостей – Деда, Бабы, Внучки, Перьев, все вернулись к исходной точке. Возвращались вниз так же – бегом. Под горку бежать легче. Что же придумал тренер в этот раз?

274

На построении не было ничего необычного: «Животы втянуть! Попы втянуть! Что вы их отклянчили...» На доске, очень похожей на школьную, появляются этапы тренировки: сто метров кроль на спине, двести метров брасс, сто метров баттерфляй, полтора км кроль с двумя перерывами. Ничего необычного.

После тренировки, в холле бассейна, тренер позвал несколько ребят, в том числе и меня.

– На наш клуб вышли руководители Детской Морской Флотилии из лагеря Артек. Я получил письмо с просьбой командировать четверых человек для проведения кинофотосъёмки акватории для создания завершающей части фильма об Артеке. Предлагаю поехать вам. Время поездки совпадает с каникулами. Если что, с деканатом я договорюсь. На то, чтобы утрясти все вопросы у вас есть неделя.

Тут надо уточнить, что в клубе подводной кинофотосъёмки занимались не все ребята из команды, а несколько человек. Боксы для съёмок в то время были громоздкими, и мы немало уставали, таская их за собой на подлёдные спуски. Но зато ледяное царство раскрывалось для нас и показывало всю свою красоту! Летом всё казалось легче...

... И вот мы едем в Крым! Нас четверо! Поезд. Июль. Жара. А ехать через всю страну практически. Но мы молодые, здоровые ребята, и нам всё равно, в каких условиях ехать к нашей мечте. Через четверо суток с небольшим мы со всем своим снаряжением выгружались на станции Адлер. Из документов – письмо и адрес, куда должна явиться группа.

До этого путешествия никто из нас ни разу не был в Артеке, и о его расположении мы знали приблизительно. В маршрутке у случайных попутчиков узнали, где нам лучше выйти. А из далека, увидев Аю-Даг поняли, что практически уже на месте. Первая неприятность случилась сразу, как только мы высыпались из маршрутки со своими аквалангами. Откуда ни возьмись, появились пограничники и стали пытаться, кто мы и куда направляемся с аквалангами. Но мы честно сказали, что мы из Сибири... и нас отпустили с Богом. К обеду мы добрались до флотилии Артека. Хотелось нырнуть в море, но сначала надо было понять, где же бросить вещи. Руководитель, как нам сказали, ушёл в море на яхте, и мы приуныли. Когда вернулась яхта, в наших душах затеплился свет. Но на горизонте маячила вторая неприятность: нас никто не ждал. Однако... приехать через всю страну, чтобы услышать: «А мы вас не ждали». Денег нет.

Руководитель, назовём его Александром Сергеевичем, был человек простой и деятельный. Он тут же начал улаживать ситуацию. Так мы оказались на втором этаже помещения Детской Морской Флотилии. Нам предоставили две большие комнаты: одну «для девочек», другую «для мальчиков». На пол постелили матрасы и выдали постельное бельё и подушки. Всё было очень скромно, но если есть море, то всё остальное не так уж и важно. В первый же день с нами провели инструктаж и дали добро на свободу действий. Правда, на довольствие никто не поставил, что выяснилось через пару дней. И это была неприятность номер три.

Александр Сергеевич, человек исключительно деятельный, загружал нас работой, как мог. С утра мы приводили в порядок яхту, как самые настоящие юнги. Кто-то подкрашивал каюты, кто-то чистил до блеска палубу. По ходу действий мы изучали как звучит оснастка парусника и научились, в конце концов, завязывать большинство морских узлов, понимать приказы и отличать стаксель от штепселя. Во второй половине дня все дружно пробовали овладеть виндсёрфингом. Было очень смешно. Я так и не смогла совладать со стихиями воды и ветра. Раз сто, окунувшись в море, почти без сил выползала на берег.

Через три дня появился инструктор по подводному плаванию. Он оглядел нашу команду и вздохнул: «Просили же мужчин!». Инструктор Виталий Иванович был мужчиной средних лет, слегка лысоватым и с потрясающими живыми глазами. Это он был безмерно обаятельным, беспредельно добрым и

сентиментальным. Он сразу поинтересовался житьём-бытьём и, выслушав нас, собрал первую экспедицию, выдав четыре сетки для сбора мидий и лодку. Так впервые мы пошли на охоту за мидиями. Это было почти преступлением. Рыбнадзор не дремал, но поест хотелось гораздо сильнее. Голод избавлял от мук совести, и мы легко преодолевали запреты. Вечером варили ракушки в ведре на костре. И когда мидии стали раскрываться, доставали и ели моллюсков прямо из ракушек, находя жемчуг, рассматривая его причудливые формы, и смотрели на звёздное небо. Ничего более романтического не припомню. Нет, припомню, конечно, но не во время этого путешествия.

На следующий день Виталий Иванович привёз полный пакет слив из собственного сада и отдал со словами: «Только не ешьте всё сразу...» и в завершении всего устроил выезд в баню. Это было то, что нужно! Довольные и сытые, мы возвращались на свою базу во Флотилию. После появления этого человека каждый день расписан по часам. В расписание включён дополнительно массаж и ежедневные спуски. В этом путешествии из Сибири в Крым было много приключений. Мы посещали Ливадийский замок, участвовали в съёмках рекламы на воде в районе Ласточкиного гнезда, страховали артистов, выступающих на воде во время водного праздника в Артеке. Нас даже накормили один раз в столовой вместе с приезжими артистами, но организм уже сопротивлялся еде, как мог.

276

Мидии я так и не полюбила, но научилась их готовить. И ещё было одно сильное впечатление. Меня научили вытаскивать моллюска из раковины рапана специальной спицей с загнутым концом. Рапан не умеет кричать от боли. Больше я никогда не покупала сувениры, сделанные из рапана. Но свою ракушку храню. А ещё храню выползину краба, которого нашла на морском дне. Краб был, наверное, очень старым, потому что его выползина большая. Она не разрушилась под водой, а может, была ещё свежей... Помню, как протянула руку, чтобы её взять, и она вдруг треснула. От страха я одёрнула руку. Испугалась!

Как это относится к картине с морской звездой, что вижу перед собой, не знаю. Наверное, это море, удивительное и непостижимое до конца. Съёмку, кстати, мы закончили в срок. Надеюсь, наши кадры вошли в фильм о чудесном Артеке, его флоре и фауне.

Оглавление

Оглавление

ПОЭЗИЯ

Совсем не холодно...	3
Время сновидений. Улуру	4
Закатное	5
Блокнот	6
Белая лебедь	7
Назову твоим именем...	8
Соседка	9
Ливень тихо бормочет...	10
Номер семь	11
Кисловодску	12
Золотой вол	13
Бубенцы	14
Подснежники	15
Осень, грусть...	16
Тени	17
А во первом во дворе...	18
Шелудивая весна	19
Тополиный пух	20
Без тебя...	21
Полёт	22
Лебедица	23
Другу	24
Красная лошадь	25
Уходи	26
Стихи на стене	27
Субботник	28
Жил-был человек...	29
Простуда	30
Голод	31
Трамвай	33

Оглавление

Словно в саване...	34
Мой город	35
Зелёная звезда	36
К морю	37
Курица, яйцо и луна	39
Живи	41
Над городом	42
Томатно-овальное	43
Про осень волоокою	44
Свобода	45
Белая линия	46
Подсолнухи	48
Мерроу	49
Вечер	50
Терриконовый дракон	51
Ранняя весна	52
Где-то в деревне, на северо-западе России	53
Сон в летнюю ночь	54
Лотосом	55
Фейное	56
А васильки, наверно, сеет Бог...	57
Бабье лето	58
Когда я стану бабушкой...	59
Дельфинье	60
Шизофреничка	61
Почитай мне свои стихи...	62
На даче	63
Синий конь	64
Междумирье	65
Электричка	66
Утреннее	67
Пусть пахнет снег...	68
Воробьи февральские скучают	69
Высоко и грустно...	70

Виктория Соловьёва. Избранное

Птицелов	71
Голубиный посох	72
Солоха	73
Вспоминай меня	74
Час пути	75
Опять зима...	76
Китовое	77
Окунулось небо в реку	78
В нашем яблочном детстве	79
Пастушьи звёзды	80
Когда созреют гроздья винограда	81
Скажи, не молчи...	82
Мне лошадь встретилась...	83
Утро бродит...	84
В марте	85
Осеннее. Ранние стихи	86
Обрыв	87
Человек идёт	88
Свет	89
Сумрак	90
Маленький гномик	91
Шаг	92
Чеглок	93
Ноябрьское	94
Затопленный город	95
Репетиция	96
Снегурочка	97
Улица ста снегирей	98
Грачи прилетели	99
Ветренное	100
Хлоя	101
Шагаловское	102
Весеннее обострение	103
Мой голос пахнет ломкой тишиной...	104

Оглавление

Вервица	105
Революция	106
На рыбьем	107
Можжевеловое	108
фейерверк	109
Воронье	110
Дорожное происшествие	111
Сюжетное	112
У безумства...	113
Прохожий	114
Стихи для детей	
Мы чинили телевизор...	115
В Новый год	116
Белые стихи	
Сны	117
Вольные стихи	
Лилит	118
Гложет	119
Бандероль	120
Барабаны побережья	122
Кузька	123
Старик	124
Сплин	125
Серые кони	126
Оса	127
Девочка с персиком	128
Пленэр	129
Сентябрь	130
Верлибры	
Не смотри	131
Тата	132
Храм	133
Голод	134
Тишина...	135

Блѣклое вино	136
Жѣлтый букет	137
Тайна	138
Ожог	139
Память	140
Просьба	141
Без тебя...	142
Если я уйду...	143
Жили-были...	144
Кто хочет	145
Настоящее	146
Июль. Среда	147
Доротея	148
Тревожные птицы	150
Нян	151
Про звѣзды	152
Нюша	153
Зима	155
Дом	156
Сорок пять	158
Садовник	160
Собачий день	161
Забей	162
Брат	163
Ведьма (монолог телефона)	164
Ягода	165
Красная кровяная соль	166
Лайло	167
Наследство	168
Кофе на берегу...	169
Гвоздь	170
Выйти из комнаты	171
не было любви	172
Китайский халат	173

Оглавление

Синева	175
Горлица	176
Запах полыни	177
Не дышишь	178
А начиналось всё с кофе...	179
Ухожу в себя	180
Пыльца на запястье...	182
Кормушка	183
Озеро	184
Твёрдые формы (триолет)	
Лунная черепаха	185
Птичье	186
Твёрдые формы (хокку)	
Фотография	187
Кувшинки	188
Черепаша сомнений	189
Горькая клюква	190
Весенняя чехарда	191
Осенняя свежесть	192
Медная ваза	193
Весна по расписанию	194
Луна в чашечке чая	195
Сугробы	196
В предчувствии весны	197
Твёрдые формы (танка)	
Пшённая каша	198
Тишина	199
Косточка абрикоса	200
Твёрдые формы (японский сонет)	
Джельсомино	201
Проклятье	202
Твёрдые формы (хайбун)	
Пучок соломы	203
Крынка	204

Чай	205
Стихотворения в прозе	
Две грации	206
Пашенька	207

ПРОЗА

55-словники

Обозначилась	208
Опоздание	208
Берлинские фотографии	209
Сказки	210
Свитер	210
Советская школа	211
Эрика Эдгаровна	211
Грязные танцы	211
Личные объявления	212
Улитки Футзи	213
Шаг назад	214
Витамины	215
Ось	215
Каша с маслом	216
Запятая	216
Минута	217
Дорога	217
Знаки	217
Подобные	218
Созвучия	218
Праздник	219
Сосулька	219
До конца – клоун	219
Миниатюры	
Француженка	220
Вспомнить Кустурицу	221
Эльфийки	222

Оглавление

Маленький человек	224
Небо	225
Живёшь, пока смеёшься	226
Месяц медового физалиса	227
Утиная история	229
Снег сегодня серого цвета	230
Красный фонарь	231
Гармония	232
Письмо	233
Новый год по-итальянски	234
Волки	236
Кораблик детства	237
Подарок	238
Не чудо...	239
Прилетели свиристели	241
Пляшущая на камнях	241
Бабочки	241
Психология клавиатуры	242
Крошка-Лис	245
Хельга	246
Как мы сходили с ума. В очереди...	247
В мире вещей. Турка	248
В мире вещей. Стул	249
Почти детективная история. Желание	250
Почти детективная история. Мама	251
Выходной	252
Визитка	253
Кори	254
Счастье	255
Богтехмаш	256
Монолог мастера. Тяжёлая работа	258
Монолог мастера. Камни	258
Совесть	259
Отпускное	260

Ковёр-самолёт. Инструкция по применению	261
Незнакомые дороги	262
Дорога	264
Рассказы	
Голова бедовая	265
Мемуары	
Гусли	269
Блат	271
Артек. Детская Морская Флотилия	274
Оглавление	277

Виктория Соловьёва
Кажешься птицей
Избранное

Составление, вёрстка, дизайн
Ирина Архипова, Виталий Музуров

Литгалактика, 2024